

Санкт-Петербургский Государственный Университет
Восточный факультет
Кафедра Иранской филологии

Выдрин Арсений Павлович

**Прямое дополнение и сложные глаголы
в современном персидском языке:
грамматический и лексикографический аспекты**

Направление 522600 «Востоковедение, африканистика»

Магистерская диссертация
(программа: 522601 «Языки народов Азии и Африки»)

Научные руководители: к.ф.н. С.Ю. Дмитренко

(подпись)

к.ф.н. Ю.А. Иоаннесян

(подпись)

Рецензент: академик РАН профессор И.М. Стеблин-Каменский

Санкт-Петербург
2006

А.П. Выдрин
senjacom@gmail.com

**Прямое дополнение и сложные глаголы
в современном персидском языке:
грамматический и лексикографический аспекты**

Оглавление

| | |
|--|--------------|
| I. Введение | с. 6 |
| i. Транскрипция | с. 11 |
| ii. Способ приведения примеров | с. 12 |
| II. Система детерминации | с. 14 |
| II.1. Система детерминации прямого дополнения | с. 14 |
| II.1.1. Показатели референтности ПД | с. 15 |
| II.1.1.1. Послелог <i>-rā</i> | с. 15 |
| 0. Морфологический статус послелога <i>-rā</i> | с. 15 |
| i. Основные случаи употребления <i>-rā</i> | с. 18 |
| ii. Одушевленность объекта | с. 20 |
| iii. Топикализация | с. 21 |
| iv. Другие факторы, влияющие на появление <i>-rā</i> (Семантическая полнота глагола; Семантическая дистанция между предикатом и объектом; Относительный вес группы объекта и расстояние между объектом и глаголом) | с. 25 |
| v. Предварительные выводы | с. 29 |
| vi. «Квази-объекты» Ж. Лазара | с. 30 |
| vii. Клефт | с. 34 |
| viii. Сколько раз <i>-rā</i> может выступать в одной клаузе? | с. 39 |
| ix. Значение полноохватности объекта действием | с. 41 |
| x. Употребление <i>-rā</i> с генерическими именами | с. 43 |
| xi. Выводы относительно сферы употребления <i>-rā</i> в персидском языке | с. 44 |
| xii. Вопрос о терминах | с. 45 |
| II.1.1.2. Постпозитивная безударная морфема <i>-i</i> | с. 49 |
| II.1.1.3. Одновременное употребление послелога <i>-rā</i> с постпозитивной морфемой <i>-i</i> | с. 55 |

| | |
|--|---------------|
| II.1.2. Нереперентность ПД | с. 61 |
| II.2. Система детерминации подлежащего | с. 62 |
| II.3. Число | с. 63 |
| II.4 Разговорный суффикс –e | с. 66 |
| II.5. Вывод о системе детерминации ПД и подлежащего | с. 67 |
| III. Прямое дополнение: постановка проблемы | с. 69 |
| IV.1 «Сложные глаголы» (СГ) | с. 70 |
| IV.2 Механизм образования СГ | с. 75 |
| IV.3 Свойства СГ | с. 78 |
| i. Невозможность отделения именной части СГ от глагольной | с. 78 |
| ii. Невозможность присоединения определений к именной компоненте некоторых СГ | с. 80 |
| iii. Невозможность разрыва СГ наречием | с. 83 |
| iv. Акцентное единство СГ | с. 84 |
| v. Номинализация | с. 85 |
| vi. Поведение СГ в прогрессивно-имперфективной конструкции | с. 86 |
| vii. Возможность отглагольной деривации | с. 87 |
| viii. Невозможность анафоры | с. 88 |
| ix. Невозможность эллипсиса именной компоненты | с. 89 |
| x. Сфера действия отрицания и модальных глаголов | с. 90 |
| xi. Предварительный вывод | с. 90 |
| V. Инкорпорация | с. 92 |
| 0. Теоретическое введение | с. 92 |
| i. Первый тип возможной инкорпорации в персидском языке | с. 98 |
| ii. Второй тип возможной инкорпорации в персидском языке | с. 99 |
| iii. Инкорпорация второго имени в СГ | с. 100 |

| | |
|---|---------------|
| VI. Аргументы против инкорпорации в персидском языке | с. 102 |
| i. Глагольные префиксы | с. 102 |
| ii. Энклитические местоимения (ЭМ) | с. 103 |
| iii. Усилительная частица <i>ke</i> | с. 107 |
| iv. Частица <i>ham</i> ‘даже’ | с. 108 |
| v. Эллипсис глагольной компоненты | с. 108 |
| vi. Вспомогательный глагол <i>xâstan</i> | с. 109 |
| vii. Вспомогательный глагол <i>dâštan</i> и модальный глагол <i>tavânestan</i> | с. 110 |
| viii. Поведение ударения | с. 111 |
| ix. Вывод | с. 112 |
| VII. Еще раз об определении термина ПД в персидском языке | с. 115 |
| VIII. Семантические типы СГ (по семантике именной компоненты) | с. 119 |
| IX. Все ли СГ можно считать явлениями, близкими к инкорпорации? | с. 121 |
| X. О семантике глагольной компоненты СГ | с. 124 |
| XI. Аспектуальная характеристика слабых глаголов | с. 129 |
| XII. Новый подход к описанию СГ: выделение у глагольной компоненты «связанного значения» | с. 133 |
| i. Критерий отличия связанного значения от значения простого глагола | с. 134 |
| ii. Примеры предполагаемых связанных значений | с. 136 |
| iii. Обзор литературы, в которой выдвигался сходный подход к описанию СГ | с. 141 |
| XIII. Принцип помещения сложных глаголов в словарь | с. 145 |

| | |
|---|---------------|
| XIV. Заключение | с. 147 |
| Приложение. Толкование глаголов <i>kardan</i> и <i>zadan</i> | с. 149 |
| Список цитируемой литературы | с. 160 |
| Условные сокращения | с. 171 |

I. Введение

В персидском языке имеется большое количество так называемых «сложных глаголов» (например, *dust dāstan* ‘любить’, букв. «друг иметь», *faryād kešidan* ‘кричать’, букв. «крик тянуть», *kār kardan* ‘работать’, букв. «работа делать» и т.д.)¹. Все отечественные грамматики и исследования персидского языка рассматривают сложные глаголы (далее СГ) как устойчивые фразеологические единицы. Они не дают четкого определения сложных глаголов и не формулируют критериев, позволяющих отнести к ним те или иные глагольно-именные словосочетания. Порой в работах, посвященных сложным глаголам, сами исследователи признают, что не могут однозначно ответить, считать ли то или иное словосочетание сложным глаголом или конструкцией из простого глагола и прямого дополнения. В настоящем исследовании мы попытаемся выработать критерии для разграничения СГ и конструкций с неоформленным прямым дополнением при простом глаголе.

В работе рассматриваются только двусоставные СГ, состоящие из существительного и глагола. Нами предпринята попытка отказаться от фразеологического подхода к СГ и рассмотреть данные единицы с точки зрения их фонологических, морфологических и синтаксических свойств. СГ демонстрируют достаточно сильную целостность входящих в них компонентов и очень похожи на явление, называемое в типологии именной инкорпорацией (определение инкорпорации см. в главе **V. Инкорпорация**). Вопрос об инкорпорации в персидском языке рассматривается уже довольно давно зарубежными лингвистами. Понятие «инкорпорация» применительно к персидскому языку использовали Г. Боссонг [Bossong 1985], И. Компес и Б. Отто [Compes and Otto 1994], Дж. Гомеши и Д. Массам [Ghomeshi and Massam 1994], М. Дабир-Мукаддам [Dabir-Moghaddam 1995], Ш. Ахади [Ahadi 2000a]. Нельзя не отметить также работу К. Мегердумиана [Megerdumian 2002], в которой автор выступает против того, чтобы считать СГ в персидском языке частным случаем инкорпорации.

Насколько нам известно, в отечественной лингвистической литературе не существует ни одной работы, посвященной рассмотрению вопроса об именной инкорпорации в персидском языке. Хотя у некоторых отечественных исследователей мы встречаем упоминание иранских языков в связи с конструкцией с неоформленным аккумулятивом и аналитической инкорпорацией [Муравьева 1994; Куликов 2002]. Считается, что инкорпорация для индоевропейских языков – явление достаточно редкое [Куликов 2002,

¹ Хочу поблагодарить В.Ф. Выдрину, который повлиял на выбор данной темы, многократно проверял первоначальные варианты работы и внес некоторые замечания в окончательный вариант.

263; de Reuse 1999]. Нам известны исследования инкорпорации только в следующих индоевропейских языках: фризский и классический санскрит [Куликов 2002], датский и шведский [Nedergaard, Herslund 2002]. Л.И. Куликов указывает также на существование инкорпорации в нескольких диалектах германского языка, представленных на севере Нидерландов и Германии [2002].

Другими задачами настоящей работы является рассмотрение статуса послелога *-râ* и других именных морфологических показателей, выявление свойств СГ и словосочетаний, состоящих из неоформленного прямого дополнения и простого глагола, определение критериев выделения прямого дополнения в персидском языке, обобщение всей доступной нам литературы, посвященной именной инкорпорации в персидском языке, рассмотрение аргументов за и против существования инкорпорации в этом языке, обсуждение статуса сложных глаголов персидского языка, рассмотрение свойств именной и глагольной компоненты СГ, а также обсуждение принципов отражения СГ в словаре.

Работа основана на типологических исследованиях. Одна из задач работы – описание уже известных иранистам фактов персидского языка с помощью теоретического и терминологического аппарата современной лингвистической типологии. Такой подход, в частности, позволяет показать, что послелог *-râ* в персидском языке можно считать падежным показателем, а персидский язык – языком с двухпадежной системой.

Примеры, использованные в работе, получены в основном из современной художественной персидской литературы, газет и текстов, доступных в Интернете (использовались следующие электронные библиотеки: www.maniha.com, www.rezaghassemi.org/ketabkhaneh.htm, www.shamlou.org, www.khabgard.com), а также от носителей языка (информантами были коренные тегеранцы или иранцы, получившие образование в Тегеране и прожившие там длительный срок, больше 5 лет).

В главе **II. Система детерминации прямого дополнения и подлежащего** рассматриваются функции именных морфологических показателей, в частности, послелога *-râ*, безударного *-i* (*yâ-ye vahdat*), суффикса множественного числа *-hâ*. В разделе о послелоге *-râ* мы попытались описать все известные нам случаи употребления *-râ*, исходя из которых, мы сделали следующие выводы: *-râ* употребляется только с дополнениями; *-râ* обязательно употребляется с референтными определенными и топикализированными прямыми дополнениями; на употребление *-râ* влияют такие факторы, как одушевленность объекта и семантика предиката. Все упомянутые употребления связаны только с прямым дополнением (далее ПД). Отдельно рассматривается способность *-râ* выступать в выделительной конструкции, которую мы склонны считать

клефтом прямого или косвенного дополнения. Основной вывод, который мы делаем относительно статуса *-râ* в персидском языке, заключается в том, что *-râ* с некоторыми оговорками можно считать падежным маркером, а систему персидского языка – двухпадежной. Далее рассматриваются функции и сфера употребления безударного *-i* (*yâ-ye vahdat*), суффикса множественного числа *-hâ* и ударного разговорного *-e*. Отдельно рассматривается одновременное употребление *-i* и *-râ*.

В следующей главе **III. Прямое дополнение** ставится проблема определения прямого дополнения, не имеющего никаких морфологических показателей. Неоформленное ПД обычно имеет постоянную позицию перед предикатом, при вынесении ПД за предикат или в позицию перед подлежащим, оно обязательно маркируется *-râ*. Именная компонента сложных глаголов также при нарушении своего контактного расположения по отношению к глагольной обязательно получает морфологическое оформление. Таким образом, морфология не позволяет нам отделить неоформленное ПД от именной части СГ.

Для нахождения критериев отличия ПД от именной части СГ в следующей главе (**IV.1 «Сложные глаголы» (СГ), IV.2 Механизм образования СГ, IV.3 Свойства СГ**) мы обращаемся к рассмотрению истории возникновения, механизма образования и свойств СГ. Основываясь на исследованиях М. Салихова [1993] и Е.Е. Арманд [2000], мы делаем вывод, что модель образования СГ стала преобладающей после XIV века. Большое количество двусоставных СГ, состоящих из существительного и глагола, допускают парафразы, в результате которых именная компонента СГ становится оформленным ПД или косвенным дополнением с предлогом. Механизм образования таких СГ мы предлагаем описывать следующим образом: дополнение теряет все свои морфологические показатели (для ПД) или предлог (для косвенного дополнения), семантическую (референтность) и синтаксическую самостоятельность и присоединяется к глаголу, в результате чего образуется СГ. При образовании СГ происходят также изменения в диатезе, связанные с потерей глаголом своей переходности (образование непереходных СГ) или с сохранением переходности (образование переходных СГ).

В следующих двух главах рассматривается возможность трактовки СГ, образованных по описанному нами механизму, как частного случая инкорпорации (**V. Инкорпорация, VI. Аргументы против инкорпорации в персидском языке**). Мы приходим к выводу, что персидские СГ могут считаться аналитической инкорпорацией. Делается предположение о том, что в дальнейшем развитие персидского языка пойдет по пути превращения СГ в единый комплекс не только с синтаксической, но и с морфологической

и акцентологической точек зрения. Такой комплекс можно будет рассматривать как частный случай синтетической инкорпорации.

В главе **VII. Еще раз об определении термина ПД в персидском языке** мы показываем, что единственным возможным способом определения ПД в персидском языке является синтаксический. Нами найдены два критерия, исходя из которых, можно отличить неоформленное ПД и простой глагол от непереходного СГ.

В главе **VIII. Семантические типы СГ (по семантике именной компоненты)** показывается, что СГ могут включать в себя существительные со следующими значениями: инструмент, образ действия, цель и локатив.

В главе **IX. Все ли СГ можно считать явлениями, близкими к инкорпорации?** мы разграничиваем семантически прозрачные СГ, свойства которых близки к инкорпорации, и лексикализованные СГ, которые представляют собой фразеологические единицы.

В главе **X. О семантике глагольной компоненты СГ** показывается, какие функции выполняет глагольная компонента СГ. От глагольной части зависит переходность / непереходность всего СГ. В следующей главе **XI. Аспектуальная характеристика слабых глаголов** показывается, что глагольная компонента отвечает также за аспектуальную характеристику всего сложного глагола. Даются примеры глагольных компонент, имеющих постоянную аспектуальную характеристику.

В литературе, посвященной СГ, обычно считается, что простой глагол при образовании СГ теряет свое значение, сохраняя при этом только аспектуальную характеристику и свое влияние на аргументную структуру всего предложения. В главе **XII. Новый подход к описанию СГ: выделение у глагольной компоненты «связанного значения»** мы показываем, что глагольная компонента СГ не является семантически пустым элементом, а образование СГ – процессом, не подчиненным никаким правилам. Мы считаем, что глагольная компонента имеет так называемое «связанное значение», которое проявляется только в составе СГ и с помощью которого тот или иной простой глагол может сочетаться с тем или иным классом имен. В главе приводятся примеры выделенных нами связанных значений у глаголов *zadan* ‘бить’, *xordan* ‘есть’, *kardan* ‘делать’, *kešidan* ‘тянуть’, *gereftan* ‘брать’, *gozâštan* ‘класть’.

В главе **XIII. Принцип помещения сложных глаголов в словарь** описываются недостатки двуязычных персидско-русских и русско-персидских словарей относительно отражения в них СГ и предлагается новый подход к данной проблеме. В данной работе предлагается отражать в словаре СГ не как цельные комплексы, а только как связанные

значения их глагольных компонент. Такой подход при появлении новых слов позволяет предсказать, с какими глаголами они будут сочетаться. Предложенный нами подход также позволяет существенно сократить объем словаря и снижает риск невключения малоупотребительных СГ. В приложении даются пробные словарные статьи нескольких глаголов, основанные на предложенном нами подходе.

В заключении делаются основные выводы проделанной нами работы.

i. Транскрипция

В 1959 г. по решению Всесоюзного совещания по терминологии при Институте языкознания АН СССР была организована комиссия по разработке унифицированной фонетической транскрипции для языков народов СССР. В рамках работы данной комиссии была предпринята попытка создания единой международной транскрипции для иранских языков [Эдельман 1963]. При этом учитывались положения, выработанные на данный момент Международной Фонетической Ассоциацией (IPA), транскрипция, предложенная Л. В. Щербой и иранистическая традиция транскрибирования (основанная главным образом на работе [Tomaschek 1880]). Для персидского языка Д.И. Эдельман [Эдельман 1963] предлагает следующую транскрипцию:

Согласные

Губные: p, b, m, f, v

Переднеязычные: t, d, n, č, ĵ, s, z, š, ž, l, r

Среднеязычные: k, g, y

Увулярные: x, ɣ / ɣ

Фарингальные: h

Гласные

Устойчивые: i, u, a

Неустойчивые: e, a, o

Дифтонги: ei, ou

В данной работе за основу берется транскрипция, предложенная в работе [Эдельман 1963], с некоторыми изменениями, учитывающими последние варианты международной лингвистической транскрипции, предложенной МФА. В частности, для увулярных ɕ и ġ используется один знак q. Это объясняется тем, что в персидском (в отличие от таджикского и дари) нет фонемы ɣ, и графемы ɕ и ġ передают одну и ту же фонему. Знак q давно уже используется в IPA и является более удобным при наборе текста, чем ɣ или ɣ.

Вместо \check{y} используется j , это объясняется только техническим удобством при наборе текста на компьютере. Так как ξ и ϵ произносятся в современном персидском языке одинаково (глоттальная смычка), для их транскрибирования используется один знак «'». В начальной позиции ξ не произносится, поэтому в транскрипции не отражается. Во всех остальных позициях ξ отражается, несмотря на то, что в конечной позиции он в ряде случаев не произносится. Обозначения остальных согласных и гласных совпадают с транскрипцией, предложенной Д.И. Эдельман [1963].

ii. Способ приведения примеров

В современной лингвистической типологии последние несколько десятилетий используется так называемый «метод поморфемной нотации» или «гlossирования» (англ. «morpheme-by morpheme glosses»), который заключается в следующем. Текст с поморфемной нотацией состоит из трех строк. В первой располагается сам текст, в котором морфологические показатели отделяются друг от друга дефисом. Например, слово *ketābhāyaš* ‘его книги’ при гlossировании будет выглядеть *ketāb-hā-yaš*. Во второй строке дается поморфемный перевод текста на русский язык. Например, это же слово гlossируется как «книга-МН-ЗЕД», где МН обозначает суффикс множественного числа, а ЗЕД местоименную энклитику 3 лица единственного числа. Перевод глагольных форм принято давать в форме инфинитива. Например, глагольная форма *nevešt-am* ‘я написал’ при гlossировании выглядит как «писать:ПРОШ-1ЕД». В третьей строке дается литературный перевод текста.

В идеальном случае гlossироваться должны все морфемы языка, однако на практике часто исследователь гlossирует только то, что ему необходимо для объяснения примера. В данной работе будут гlossироваться следующие языковые элементы: у имен – местоименные клитики, послелог *-rā*, безударная морфема *-i*, показатель изафета, показатели множественного числа; у глаголов – личные окончания, префикс конъюнктива и императива (*bo-* / *be-*), префикс отрицания. Нулевые показатели лица и числа глагольной формы гlossируются через точку. Например, глагол *zad* ‘он ударил’ гlossируется как «бить:ПРОШ.ЗЕД». Префикс *mi-*, образующий настоящее-будущее время и имперфект, не гlossируется, так как он обладает слишком широким спектром функций, не сводимых к одному универсальному значению (также нужно заметить, что в имперфекте *mi-* может быть опущен (при опущении *mi-* получится полноценная глагольная форма в прошедшем времени), в настоящее-будущем *mi-* не может быть опущен). Префикс *mi-* вместе с основой настоящего или прошедшего времени будет гlossироваться как НАСТ или ИМПФ соответственно. Глагольные превербы, давно потерявшие свое значение, гlossируются

только в отдельных случаях как ПЕРЕВЕРЬ. Название всех видовременных форм, кроме конъюнктива («аориста») и императива, даются через двоеточие после перевода глагольного корня. Например, *mirav-am* глоссируется как «идти:НАСТ-1ЕД». В данной работе в глоссировании не будут различаться основы настоящего и прошедшего времени. Предлоги, ввиду своей многозначности, в основном будут глоссироваться как ПРЕДЛ.

Преимуществом системы глоссирования примеров является то, что она позволяет отражать грамматику языка и облегчает понимание примеров человеку, не владеющему персидским языком.

К персидскому языку система глоссирования применяется уже довольно давно во всех лингвистических работах на западноевропейских языках.

II. Система детерминации²

Для того, чтобы понять механизм образования сложных глаголов и решить вопрос об инкорпорации в персидском языке и проблему разграничения конструкции с неоформленным ПД и простым глаголом и конструкции со сложным глаголом, обратимся вначале к понятию детерминации. Детерминация – семантическая зона существительного, указывающая на то, какой статус имеет это существительное, референтный или нереферентный. Референтными называются такие существительные, которые обозначают «один или несколько конкретных объектов». Референтный объект может быть как определенным, так и неопределенным. Определенно-референтным или сильно-референтным считается объект известный и говорящему, и слушающему. Неопределенно-референтным или слабо-референтным считается объект, известный только говорящему. Нереферентными существительными называют те существительные, которые обозначают не конкретный объект, а целый класс объектов [Плунгян 2000, 285–286] (более подробно см. [Падучева 1985, 87–98]).

В персидском языке существуют две разные системы детерминации: детерминация прямого дополнения и детерминация подлежащего.

II.1. Система детерминации прямого дополнения

Для удобства изложения в разделах этой главы будет использоваться традиционное для советской и российской иранистики³ определение прямого дополнения (ПД), при том, что в ходе дальнейшего изложения правильность этого определения будет поставлена под вопрос. В работе Ю. А. Рубинчика [2001, 454] ПД в персидском языке определяется следующим образом:

Прямое дополнение обозначает такие предметы и явления, на которые распространяется действие, выражаемое прямопереходным глаголом. Оно полностью охватывается действием глагола и необходимо для более полного и точного определения значения переходного глагола. Прямое дополнение

² Раздел был кратко изложен в докладе на Четвертой типологической международной школе по лингвистике и антропологии, Ереван 21–28 сентября 2005 [Выдрин 2005a].

³ Под выражением «традиционная российская и советская иранистика», или просто «традиция», здесь и далее подразумевается практика описания персидского языка, представленная в трудах таких исследователей, как А.К. Аренде [1941], Е.Э. Бертельс [1926], А.А. Веретенников [1993, 1994], К.Г. Залеман и В.А. Жуковский [1890], И.К. Овчинникова [1951, 1956, 1956b], Л.С. Пейсиков [1959, 1960, 1975], В.С. Расторгуева [1975, 1982], Ю.А. Рубинчик [1981, 2001] и др. На сегодняшний день последней работой, созданной в рамках этой традиции, является «Грамматика современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика [Рубинчик 2001], к которой мы чаще всего и будем обращаться.

выражается как основной формой имен и словосочетаний без релятивных показателей, так и путем их оформления послелогом $\text{𐎠} -r\acute{a}$.

Таким образом, ПД может считаться именная группа, как оформленная послелогом $-r\acute{a}$, так и не имеющая формальных показателей.

Нереферентность ПД в персидском языке маркируется отсутствием показателей. Референтность – послелогом $-r\acute{a}$ (см. раздел **II.1.1.i**), суффиксом $-e$ (который употребляется только в разговорном языке, см. раздел **II.4**) и постпозитивной безударной морфемой $-i$ (см. раздел **II.1.1.2**).

II.1.1. Показатели референтности ПД

II.1.1.1. Послелог $-r\acute{a}$ ⁴

0. Морфологический статус послелога $-r\acute{a}$

Послелог $-r\acute{a}$ занимает конечную позицию в именной группе. В персидском языке ударение фиксированное и падает всегда на последний слог. Словообразовательные и словоизменительные суффиксы всегда ударны. $-r\acute{a}$ отличается от суффиксов тем, что не может принимать на себя ударение. $-r\acute{a}$ не может быть признан словоформой, хотя бы потому, что не имеет собственного ударения и не может употребляться автономно. Таким образом, $-r\acute{a}$ отличается и от слов, и от суффиксов. Как будет показано ниже, по своим акцентологическим свойствам $-r\acute{a}$ является клиткой (акцентно несамостоятельной единицей).

Обычно $-r\acute{a}$ оформляет всю группу ПД. Однако, по словам И.К. Овчинниковой [1956, 361], «при некоторых типах определений возможна также постановка послелога $\text{𐎠} (-r\acute{a} - A.B.)$ в середине группы прямого дополнения, как непосредственно после него (прямого дополнения – $A.B.$), так и после относящихся к прямому дополнению определений. При этом другие определения к прямому дополнению или к его определениям стоят после послелога $\text{𐎠} (-r\acute{a} - A.B.)$... К числу определений, которые могут быть поставлены после послелога $\text{𐎠} (-r\acute{a} - A.B.)$, относятся: определения или определительные группы, присоединяемые к определяемому посредством предлога». Рассмотрим примеры из работы [Овчинникова 1956, 361]:

⁴ Следует сразу оговорить, что мы рассматриваем использование послелога только в современном языке, не привлекая данные классического языка, где функции послелога были во многом другими. Довольно подробное изложение истории развития $-r\acute{a}$ читатель найдет в работах [Овчинникова 1956b; Dabir-Moghaddam 1990, 30–34; 1992, 554–556]

- (1) *âqâ-ye vazir [moxâlefât-ešân-râ bâ*
 господин-ИЗФ министр возражение-3МН-РА ПРЕДЛ
*pišnehâd-e išan]*пд *pas gerefte-ast*
 предложение-ИЗФ он обратно брать:ПЕРФ-3ЕД
 ‘Господин министр взял обратно свои возражения против его предложения.’
- (2) *barâ-ye fahm-e in mouzu’ kâfi-st*
 ПРЕДЛ-ИЗФ понимание-ИЗФ этот вопрос достаточный-быть.3ЕД
[târixçe-ye vorud-e Amrikâ-râ dar jang-e zedd-e
 история-ИЗФ вступление-ИЗФ Америка-РА ПРЕДЛ война-ИЗФ против-ИЗФ
*Âlmân-e hitleri]*пд *dar nazar âvard-im*
 Германия-ИЗФ гитлеровский ПРЕДЛ взгляд приводить:ПРОШ-1МН
 ‘Чтобы понять это, достаточно вспомнить историю вступления Америки в войну
 против гитлеровской Германии.’

Нужно заметить, что ни в (1), ни в (2) носители языка не допускают постановку *-râ* в конец всей группы ПД.

И.К. Овчинникова также замечает, что «придаточное определительное предложение, относящееся к прямому дополнению», всегда ставится за послелогом [1956, 361] (3). Для современного персидского языка данное утверждение представляется неверным. Хотя придаточное рестриктивное, относящееся к ПД, действительно обычно ставится после послелога, однако, как показал А.А. Веретенников [1994], возможно оформление послелогом всей группы ПД, включающей придаточное рестриктивное предложение (4).

- (3) [*belaxere čerâq-râ ke dud mizad]*пд
 наконец лампа-РА который дым бить:ИМПФ.3ЕД
xâmiš kard-am
 потухший делать:ПРОШ-1ЕД
 ‘В конце концов я потушил лампу, которая коптила’ [Овчинникова 1956, 361].
- (4) *omidvâr-im [amvâl-e farhangi-ye kešvar ke*
 надеющийся-2МН имущество-ИЗФ культурное-ИЗФ страна который
be tour-e qeyr-e qânuni az tamlakat xârej
 ПРЕДЛ образ-ИЗФ не-ИЗФ законный ПРЕДЛ страна внешний
*šode-ast-râ]*пд *bâz pas be-gir-im*
 становится:ПЕРФ-3ЕД-РА снова обратно КОН-брать-2МН
 ‘Мы надеемся вернуть культурные ценности страны, которые незаконно были
 вывезены за пределы государства’ [Веретенников 1994, 134].

Возможно также маркирование послелогом и ПД, имеющего придаточное, и само придаточное (41).

Таким образом, *-râ* является акцентно несамостоятельной единицей, обладает слабой сочетаемостью (оформляет только дополнения; пример (6) неправилен), не переместим (т. е. не может присоединяться к различным словоформам в предложении, сохраняя при

этом семантическую и синтаксическую связь всегда с одной и той же словоформой (9)), не отделим от дополнения (8) и оформляет всю группу дополнения (7).

(5) *Majid be bimârestân raft*
 Маджид ПРЕДЛ больница уходить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Маджид ушел в больницу.’

(6) **Majid bimârestân-raft raft*
 Маджид больница-РА уходить:ПРОШ.3ЕД

(7) *Nafise dar bâzâr [in rusari-ye sorx]пад-raft*
 Нафисе ПРЕДЛ рынок этот платок-ИЗФ красный-РА
xarid
 покупать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Нафисе купила на рынке этот красный платок.’

(8) **Nafise [in rusari sorx]пад dar bâzâr-raft xarid*
 этот платок красный ПРЕДЛ рынок-РА покупать:ПРОШ.3ЕД

(9) **Nafise dar bâzâr-raft in rusari-ye sorx-raft xarid*
 базар-РА этот платок-ИЗФ красный-РА покупать:ПРОШ.3ЕД

Перечисленные свойства относят *-raft* к разряду клитик [Плунгян 2000, 28–35]

Если подходить к морфологическому статусу *-raft* диахронически, исходя из схемы эволюции словоформы в аффикс, данной в [Плунгян 2000, 34],

сильно автономная словоформа → слабо автономная словоформа → клитика → полуклитика → формант
 → аффикс

можно сказать, что *-raft* находится на одной из предпоследних стадий (клитика-полуклитика) превращения в полноценный аффикс.

i. Основные случаи употребления *-raft*⁵

В рамках советской и российской иранистической традиции употребление / неупотребление *-raft* обычно связывается с определенностью / неопределенностью объекта. Рассмотрим более подробно описание случаев употребления *-raft*, данное в наиболее полной на сегодняшний день русскоязычной грамматике персидского языка [Рубинчик 2001, 322–327].

Главная функция *-raft* в современном персидском языке – оформление **прямого дополнения**, но не любого, а обозначающего известный, конкретный, упомянутый в предтексте объект:

⁵ В разговорном языке представлены следующие алломорфоны *-raft*: *-ra*, *-ro*, *-a*, *-o*.

(10) *qalyân-râ be-yâr*
 кальян-РА ИМП-нести.2ЕД
 ‘Принеси кальян’ (именно этот; вышеупомянутый).

(11) *u dar-râ zad*
 он дверь-РА ударять:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он постучал в дверь’ (эту, конкретную, уже известную).

–*râ* всегда употребляется, когда в роли ПД выступает имя собственное (12) или личное местоимение (13); когда в качестве определений ПД выступают имена собственные или следующие указательные местоимения (14): *in* ‘этот’⁶, *ân* ‘тот’, *hamin* ‘этот самый’ *hamân* ‘тот самый’; слова, приравняемые по своему значению к указательным местоимениям, например, *mazkur* ‘вышеупомянутый’, *zir* ‘нижеследующий’; вопросительные местоимения *ki* ‘кто’, *kodâm* ‘который’; местоимение *hame* ‘все’ (и его арабские эквиваленты *tamâm*, *omum*, *jomle*) [Овчинникова 1956, 372–373]⁷.

(12) *Hamed Rezâ-râ did*
 Хамед Реза-РА видеть:ПРОШ.3ЕД
 ‘Хамед видел Резу’.

(13) *man aslan dust na-dâr-am bâ to kâr-i bo-kon-am*
 я совсем друг не-иметь:НАСТ-1ЕД ПРЕДЛ ты работа-1 КОН-делать-1ЕД
man faqat dust dâr-am to-râ be-bus-am
 я только друг иметь:НАСТ-1ЕД ты-РА КОН-целовать-1ЕД
 ‘Я совсем не люблю выполнять с тобой какую-нибудь работу, я люблю только целовать тебя’. www.maniha.com

(14) *in botri-râ be-deh*
 это бутылка-РА ИМП-давать.2ЕД
 ‘Дай эту бутылку’.

Послелог –*râ* также всегда используется, если ПД имеет местоименные энклитики, маркирующие посессора.

(15) *sar-am-râ dar dast-hâ-yam migir-am va*
 голова-1ЕД-РА ПРЕДЛ рука-МН-1ЕД брат:НАСТ-1ЕД и
geriye mikon-am
 плач делать:НАСТ-1ЕД
 ‘Я обхватываю свою голову руками и плачу.’ (Âryâ Bahman Pur “Yâddâšt” www.maniha.com)

Итак, в работах [Овчинникова 1956; Рубинчик 2001, 322–327] показано, что маркирование ПД с помощью –*râ* связано с определенностью ПД, а если пользоваться более точной лингвистической терминологией [Падучева 1985, 87–98], с сильной референтностью ПД.

⁶ Однако Л.С. Пейсиков [1960, 112] пишет, что в тегеранском (разговорном) диалекте персидского языка –*râ* после указательного местоимения *in* может опускаться.

⁷ В этой же работе можно найти примеры на все указанные случаи.

Кроме возможности послелого оформлять ПД, иранистическая традиция также указывает на его употребление с **косвенными дополнениями**. Примеры из [Рубинчик 2001, 324–325]:

- (16) *eyd-e* *nouruz_{1, 2}-râ* *be* *šomâ* *tabrik*
 праздник-изФ Новый₁ Год₂-РА ПРЕДЛ вы поздравление
migu-yam
 говорить:НАСТ-1ЕД
 ‘Поздравляю Вас с Новым Годом!’
- (17) *barâdar* *ma-râ* *goft*
 брат я-РА говорить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Брат мне сказал’.

Подборки примеров на употребление послелого с косвенными дополнениями даны в работах [Овчинникова 1956, 385–386; Рубинчик 2001, 325]. Однако нужно отметить, что подобные примеры являются или (16) застывшими, устойчивыми формами (в этом случае глагол *tabrik goftan*⁸ ‘поздравлять’ можно трактовать как переходный, а объект, оформленный *râ*, — прямым дополнением) или (17) взяты из классического персидского языка (в современном языке адресат глагола *goftan* ‘говорить’⁹ всегда вводится предлогом *be*) и в современном языке могут использоваться, например, в качестве скрытых цитат из персидско-таджикской классической литературы.

ii. Одушевленность объекта

Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 141] и Ж. Лазар [Lazard 2001a, 334] замечают, что одушевленные ПД **часто** маркированы послелогом, вне зависимости от того, являются ли они определенными или нет. Однако отсюда не следует, что каждый одушевленный объект в позиции ПД будет обязательно маркирован *-râ*.

- (18) *kas-i-râ* *ne-mibin-ad*
 человек-НР-РА не-видеть:НАСТ-3ЕД
 ‘Он никого не видит’.

⁸ Для глаголов *migu-yam* ‘я говорю’ и *goft* ‘он сказал’ инфинитивной формаой является *goftan*.

⁹ В современном разговорном персидском языке с глаголом *goftan* ‘говорить’ возможно употребление послелого, но не с адресатом. Например,

ma-râ *migu-yi*
 я-РА говорить:НАСТ-2ЕД
 ‘Ты говоришь обо мне’ [Сахокия 2002, 241].

Предлагается считать, что глагол *goftan* в подобных примерах приобретает значение ‘рассказывать о’ и становится переходным. На этом основании, возможно, стоит разделить *goftan* ‘говорить’ и *goftan* ‘рассказывать о’ как две лексемы, т. е. *goftan*₁ (непереходный) и *goftan*₂ (переходный).

- (19) *čiz-i ne-mibin-ad*
 вещь-НР не-видеть:НАСТ-3ЕД
 ‘Он ничего не видит’.
- (20) *šâh-e Tork nazd-e emperâtur-e Rum qâsed-i-râ*
 шах-ИЗФ Турция к-ИЗФ император-ИЗФ Рим гонец-НР-РА
ferestâd tâ bâ u hamdast šav-ad
 посылать:ПРОШ.3ЕД чтобы ПРЕДЛ он союзник становится:КОН-3ЕД
 ‘Турецкий шах послал гонца к римскому императору, чтобы заключить с ним союз’.
 (Примеры взяты из [Lazard 2001a, 334])
- (21) *šâh-e Tork nazd-e emperâtur-e Rum payâm-i*
 послание-НР
ferestâd tâ bâ u hamdast šavad
 посылать:ПРОШ.3ЕД чтобы ПРЕДЛ он союзник становится:КОН-3ЕД
 ‘Турецкий шах послал римскому императору известие, что хочет заключить с ним союз’.

По мнению Ж. Лазара, в (20) *-râ* можно опустить, но все-таки фраза выглядит лучше с послелогом. В (21) практически невозможно оформить послелогом *-râ*¹⁰ *payâm-i* ‘послание’.

- (22) *xarguš-râ dust dâr-am*
 заяц-РА друг иметь:НАСТ-1ЕД
 ‘Я люблю зайцев / этого зайца.’
- (23) *xarguš dust dâr-am*
 заяц друг иметь:НАСТ-1ЕД
 ‘Я люблю зайчатину.’ [Lazard 2001a, 335]

Данная пара примеров показывает, что употребление / неупотребление *-râ* с одушевленными ПД может играть смысловозначительную роль. При опущении послелога ПД теряет свою одушевленность, и смысл предложения меняется.

Таким образом, в некоторых случаях употребление *-râ* с одушевленными ПД становится обязательным.

iii. Топикализация

Д. Петерсон, [Peterson 1974], Г. Виндфур [Windfuhr 1979, 1987], М. Дабир-Мукаддам [Dabir-Moghaddam 1990], Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 141], Ж. Лазар [Lazard 2001a, 338–339] сходятся во мнении, что *-râ* обязательно маркирует топикализованные ПД.

- (24) *ketâb-râ mixân-and*
 книга-РА читать:НАСТ-3МН
 ‘[Именно] книги они читают’ [Lazar 2001a, 338–339].

¹⁰ Вопрос о появлении *-râ* в подобных предложениях более подробно рассматривается в разделе **II.1.1.3**.

- (25) *xâne va kâx va garmâbe-râ ham naxost u banâ*
дом и замок и баня-РА также сначала он постройка
kard *kašti-râ avval bâr u be âb*
делать:ПРОШ.3ЕД корабль-РА первый раз он ПРЕДЛ вода
andâxt va âhan-râ barâ-ye sâxtan-e
бросать:ПРОШ.3ЕД и железо-РА ПРЕДЛ-ИЗФ создание-ИЗФ
selâh-e jang u narm kard
оружие-ИЗФ война он мягкий делать:ПРОШ.3ЕД
‘Дома, замки и бани также вначале он (человек — А.В.) построил, в первый раз
корабли спустил на воду, и железо научился обрабатывать для изготовления
военного оружия’ [Lazar 2001a, 339].

В приведенном примере все ПД являются топикализованными, поэтому они оформлены послелогом. При изменении коммуникативного статуса ПД послелог обязательно исчезает (26).

- (26) *xâne va kâx va garmâbe banâ kard kašti*
дом и замок и баня постройка делать:ПРОШ.3ЕД корабль
be âb andâxt va barâ-ye sâxtan-e
ПРЕДЛ вода бросать:ПРОШ.3ЕД и ПРЕДЛ-ИЗФ создание-ИЗФ
selâh-e jang âhan narm kard
оружие-ИЗФ война железо мягкий делать:ПРОШ.3ЕД
‘Он построил дома, замки, бани, спустил на воду корабли и для создания военного
оружия научился обрабатывать железо’ [Lazar 2001a, 339].

В доступных нам работах не оговаривается, что является формальным признаком топикализованного ПД и что подразумевается под данным термином относительно персидского языка. Возможно, под топикализацией ПД подразумевается нахождение ПД в тематической части предложения, которая противопоставлена рематической. Мы предлагаем считать, что ПД в персидском языке топикализовано, только если он передвигается из своей обычной позиции (после подлежащего и перед глаголом) в какую-либо другую, т. е. передвижение ПД в позицию перед подлежащим (25) или после глагола (27) (в обоих случаях употребление *-râ* становится обязательным). Так как в персидском языке выражение подлежащего не является обязательным (null-subject language), в некоторых случаях только из предтекста удастся установить, выполняет ли *-râ* функцию маркера сильнореферентного ПД или функцию маркера топика (как в примере (24), который при нейтральном коммуникативном членении означает ‘Они читают эту книгу’).

- (27) *sarbâz-â zad-an dânešju-hâ-ro*
солдат-МН бить:ПРОШ-3МН студент-МН-РА
‘Солдаты побили студентов’ [Karimi 1994, 53].

Через понятие топикализации объясняется возможность оформления *-râ* целого придаточного предложения:

- (28) *inak be-yâ-id* [ân-če ke diruz nevešt-im]_{ПД-*râ*}
 итак КОН-идти-2ЕД [то-что что вчера писать:ПРОШ-2МН]-РА
be-bus-im *va kenâr* *be-gozâr-im*
 КОН-целовать-2ЕД и сторона КОН-класть-2ЕД
 ‘Итак, давайте то, что мы вчера написали, поцелуем и отложим в сторону’
 [Веретенников 1994].

А.А. Веретенников отмечает, что такое употребление послелого носит нерегулярный характер и является «стилистическим приемом» [1994, 134–139]. По словам данного автора, этот прием появился в средствах массовой информации в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. В середине 80-х такое употребление *-râ* стало «довольно регулярно встречаться в текстах массовой информации, в том числе радио и телевидения, и превратилось в одну из специфических черт газетно-публицистического стиля». С начала 90-х годов такое употребление *-râ* стало встречаться все реже и реже. А.А. Веретенников также отмечает, что оно не закрепилось ни в разговорном языке, ни в языке художественной литературы. Мы полагаем, что послелог после придаточного предложения используется не просто как стилистический прием, а именно как показатель темы¹¹.

Иногда возможно маркирование послелогом и ПД, имеющего придаточное определительное, и самого придаточного определительного. Мы полагаем, что такое маркирование возможно только в том случае если релятивизованный объект выполняет функцию ПД как в главном, так и в придаточном определительном предложении (по крайней мере нам не встречались контрпримеры)

¹¹ Ж. Лазар [Lazard 2001a, 339] высказывает гипотезу (оговаривая, что требуются более подробные исследования), что *-râ* может быть не только показателем определенности и тематизованного положения объекта, но и показателем ремы. Он приводит следующий пример:

- а) *yek čelov-kebâb mixor-ad*
 один челов-кебаб есть:НАСТ-3ЕД
 ‘Он ест челов-кебаб’. (вареный рис с шашлыком)
- б) *yek čelov-kebâb-râ mixor-ad*
 ‘Он (съ)ест весь челов-кебаб’.

С точки зрения Ж. Лазара, предложение (а) нейтрально: некто проголодался и ест челов-кебаб. Предложение (б) предполагает, что, например, ребенок настолько голоден, что съест, несмотря на свой юный возраст, всю порцию целиком. В (а) глагол и объект вместе являются ремой, что является обычным коммуникативным членением. В (б) рематизуется только объект (*la visée n’est par neutre, mais marquée par la rhématisation de l’objet*).

Трактовка примера (б) Ж. Лазаром является сомнительной. Тут явно идет речь о полноте охвата объекта действием. *čelov-kebâb-râ* ‘челов-кебаб’, скорее всего, является темой, так как предполагается, что заранее известно, о каком количестве еды идет речь. Более подробно о значении полноохватности объекта действием см. в разделе ix.

- (29) [[*čâdor-e namâz-e golgoli-yaš*]_{ПД₁-râ} ke yek-i az
 чадра-ИЗФ намаз-ИЗФ пятнистый-ЗЕД-РА который один-НР ПРЕДЛ
dust-ân-aš az Mašhad barâ-yaš âvorde₁ bud₂]_{ПД₂-râ}
 друг-МН-ЗЕД ПРЕДЛ Мешхед ПРЕДЛ-ЗЕД привозить: ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}-РА
be sar andâxte₁ bud₂
 ПРЕДЛ голова класть: ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}
 ‘Она надела на голову пеструю чадру для намаза, которую друзья ей привезли из Мешхеда’ (Anuširvân Mas’udi ‘Otobus’ www.maniha.com).

В приведенном примере, при первом употреблении *-râ*, *čâdor-e namâz-e golgoli-yaš* ‘ее пестрая чадра для намаза’ выполняет функцию ПД (ПД₁) предиката придаточного предложения *âvorde bud* ‘привезли’. Второе употребление *-râ* объясняется тем, что для главного предиката функцию ПД (ПД₂) выполняет все придаточное определительное вместе с ПД₁.

Мы не беремся наверняка сказать, какую дополнительную семантическую нагрузку несет подобное использование послелога. Нужно заметить, что такое употребление послелога встречается также, когда придаточное определительное является относительно коротким:

- (30) [*šekanje-hâ-yi*]-*râ* ke tahammol karde₁ bud₂-*râ*
 пытка-МН-НР-РА который перенесение делать:ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}-РА
zehr namud
 упоминание класть:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Он упомянул о пытках, которые перенес.’ <http://www.farnaaz.com/archives/000225.html>

Если то, к чему относится придаточное, выполняет функцию ПД в главном предложении, но не выполняет данную функцию в придаточном (например, является подлежащим придаточного), употребление *-râ* после всей группы ПД (ПД + придаточное) возможно, хотя, наверное, менее характерно (см. пример (31), повторяющий (4)).

- (31) *omidvâr-im* [*amvâl-e farhangi-ye kešvar ke*
 надеющийся-2МН имущество-ИЗФ культурное-ИЗФ страна который
be tour-e qeyr-e qânuni az tamlakat xârej
 ПРЕДЛ образ-ИЗФ не-ИЗФ законный ПРЕДЛ страна внешний
šode-ast-râ]_{ПД} *bâz pas be-gir-im*
 становиться:ПЕРФ-ЗЕД-РА снова обратно КОН-брат-2МН
 ‘Мы надеемся вернуть культурные ценности страны, которые незаконно были вывезены за пределы государства’ [Веретенников 1994, 134].

Нужно заметить, что употребление *-râ* после придаточного, относящегося к ПД, или одновременно после ПД и после придаточного, относящегося к ПД, возможно только в письменном языке и используется или в научной литературе и прессе (для усложнения стиля), или в современных коротких рассказах (обычно для передачи неправильной, «базарной» речи персонажей). Подобные употребления послелога являются явным

отклонением от нормы. Несколько опрошенных информантов отвергли правильность всех предложений, в которых *-râ* употребляется после придаточного, относящегося к ПД.

iv. Другие факторы, влияющие на появление *-râ*

Ж. Лазар [Lazard 2001a] отмечает, что на употребление *-râ* влияют также «степень полноты глагола» (*degré de plénitude du verbe*), «семантическая дистанция между глаголом и объектом» (*distance sémantique du verb et de l'objet*) и «относительный вес синтаксических групп» (*poids relatif des groupes syntaxiques*). Рассмотрим данные факторы более подробно.

Семантическая полнота глагола. При глаголах «с расплывчатой семантикой» (*contenu sémantique tenu*) *-râ* обычно не употребляется. Так обстоит дело с глаголом *dâštan* ‘иметь’.

(32) *bačče-hâ-i* *dâšt* *ke* *nân-e* *xošk*
 ребенок-МН-НР иметь:ПРОШ.3ЕД который хлеб-ИЗФ черствый
mixord-and
 есть:ИМПФ-3МН
 ‘У него были дети, которые ели черствый хлеб’.

(33) *bačče-hâ-i-râ* *did* *ke* *nân-e* *xošk* *mixord-and*
 дети-МН-НР-РА видеть:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он видел детей, которые ели черствый хлеб’.

Глагол *kardan* ‘делать’ в этом отношении ведет себя так же, как *dâštan*.

(34) *az* *avâmer* *va* *moqarrarât-e* *nezâm* *taxallof*
 ПРЕДЛ приказы и устав-ИЗФ армия несоблюдение
ne-mikon-ad
 не-делать:НАСТ-3ЕД
 ‘Он не нарушает приказов и армейского устава’.

(35) *az* *avâmer* *va* *moqarrarât-e* *nezâm* *taxallof-râ*
 ПРЕДЛ приказы и устав-ИЗФ армия несоблюдение-РА
jâyez *ne-midân-ad*
 разрешение не-считать:НАСТ-3ЕД
 ‘Он не считает допустимым (дозволительным) невыполнение приказов и армейского устава’.

Если в последнем предложении (35) *-râ* может быть опущен, то в первом (34) он никоим образом не может быть вставлен.

К сожалению, остается не совсем понятно, что имеет в виду Ж. Лазар под термином «семантическая полнота глагола» и в чем принципиальная разница между такими глаголами как ‘делать’ и ‘считать’. Возможно, более корректно было бы говорить не о «семантической полноте глагола», а о положении глагола на шкале переходности [Nopper,

Thompson 1980]. Исходя из теории переходности, предложенной в работе П. Хоппера и С. Томпсон, такие глаголы, как ‘делать’ и ‘иметь’ (т.е. те глаголы, с которыми *-râ* чаще опускается), следует рассматривать как слабопереходные (прототипический объект у данных глаголов скорее будет неодушевленный и слабореферентный), а глаголы типа ‘видеть’, ‘любить’, ‘убивать’ (с которыми употребление *-râ* становится практически обязательным), как сильнопереходные (объект практически всегда будет сильно референтным, а у глагола ‘убивать’ практически всегда референтным и одушевленным). Таким образом, чем более переходным (в понимании П. Хоппера и С. Томпсон) является глагол, тем более благоприятные условия создаются для появления *-râ*.

Однако более простой представляется следующая интерпретация примеров, приведенных Ж. Лазаром. В предложении (34) *taxallof* ‘несоблюдение’ является именной компонентной сложного глагола *taxallof kardan* ‘не соблюдать’. Невозможность оформления *taxallof* послелогом объясняется тем, что, скорее всего, данный сложный глагол является переходным (в персидском существует некоторое количество переходных глаголов, управляющих своим объектом с помощью предлога *az*; см. [Рубинчик 2001, 455]). Именная компонента переходного сложного глагола не может оформляться послелогом и каким-либо образом отрываться от глагольной компоненты.

В примере (35) *taxallof* ‘несоблюдение’ является ПД, поэтому оформление послелогом возможно, но не обязательно.

Семантическая дистанция между предикатом и объектом. Под этой формулировкой Ж. Лазар имеет в виду семантические отношения между объектом и предикатом. Если значения объекта и предиката входят в одно и то же семантическое поле¹², семантическая дистанция между ними небольшая, и *-râ*, скорее всего, не появится. Если же значения объекта и предиката не имеют ничего общего, не входят в одно семантическое поле, тогда объект, скорее всего, будет оформлен *-râ*. Чем больше семантическая дистанция между предикатом и объектом, тем больше шансов у объекта быть оформленным *-râ*. Рассмотрим примеры Ж. Лазара:

- (36) *ketâb-e* *jâleb-tar* *az* *in-râ* *peydâ*
 книга-ИЗФ интересный-более ПРЕДЛ ЭТОТ-РА явный
na-kard-am
 не-делать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я не находил книги более интересной, чем эта’.

¹² Под семантическим полем мы понимаем «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000, 98–99].

(37) *ketâb-e jāleb-tar az in na-xând-am*
не-читать:ПРОШ-1ЕД
'Я не читал книги более интересной, чем эта'.

В обоих предложениях объект один и тот же, но предикаты разные. По словам Ж. Лазара, *-râ* можно опустить в первом предложении (36), но почти невозможно присоединить во втором (37). Однако из трех опрошенных информантов (коренных тегеранцев) ни один не подтверждает правильности предложения (36)¹³. Если доверять свидетельствам опрошенных информантов, можно сделать вывод, что на современном этапе развития языка вхождение или не вхождение глагола и ПД в одно семантическое поле не влияет на употребление или неупотребление *-râ*.

Невозможность употребления *-râ* как в (36), так и в (37) объясняется тем, что ПД 'книга' является нереферентной экзистенциальной неконкретной именной группой (по терминологии [Падучева 1985, 94]), т. е. предполагается, что из всех книг, которые я не читал, нет ни одной книги, более интересной чем эта; во множестве существует некий объект, неиндивидуализованный и не могущий быть предъявленным. Данные примеры демонстрируют невозможность употребления *-râ* с экзистенциальными неконкретными именами.

Относительный вес группы объекта и расстояние между объектом и глаголом («Poids relative du groupe objet et de ce qui suit jusqu'au verbe inclus»). Чем длиннее объектная группа (то есть чем больше у объекта определений) и/или чем длиннее глагольная группа (то есть состоит ли глагольная группа из простого глагола или из двухкомпонентного «сложного глагола») и чем больше слов отделяет объектную группу от глагольной, тем больше, при прочих равных условиях, шансов на появление *-râ*. Другими словами, чем длиннее глагольная и объектная группы, тем выше возможность появления *-râ*.

Рассмотрим примеры Ж. Лазара. (38) демонстрирует длинную объектную группу¹⁴ с *-râ* и короткую глагольную; (39) короткую объектную и короткую глагольную (*-râ* отсутствует); (40) длинную объектную и длинную глагольную, объект оформлен *-râ*; (41) длинную объектную группу без *-râ* и короткую глагольную; (42) короткую объектную группу и длинную глагольную.

¹³ По словам одного из опрошенных информантов, предложение (36) может быть правильным только в случае, если *jāleb-tar az in* 'более интересная, чем эта' является названием книги.

¹⁴ Под «длинной объектной группой» Ж Лазар, видимо, имеет в виду объектную группу, состоящую более чем из одного слова.

- (38) [zabân-e fârsi]_{ПД-рâ} [balad-am]_{ПРЕД}
 язык-ИЗФ персидский-РА знающий-быть.1ЕД
 ‘Я знаю персидский язык’.
- (39) [fârsi]_{ПД} [balad-am]_{ПРЕД}
 персидский знающий-быть.1ЕД
 ‘Я знаю персидский’.
- (40) [yek çârak nân]_{ПД-рâ} [panj qerân miforuš-and]_{ПРЕД}
 один чарак хлеб-РА пять кран продавать:НАСТ-3МН
 ‘Они продают один чарак хлеба за пять кран’.
- (41) [yek çârak nân]_{ПД} [miforušand]_{ПРЕД}
 один чарак хлеб продавать:НАСТ-3МН
 ‘Они продают один чарак хлеба’.
- (42) mâderbozorg-am [jâ-namâz]_{ПД-рâ} [peydâ kard]_{ПРЕД}
 бабка-1ЕД место-молитва-РА явный делать:ПРОШ.3ЕД
 va bâ xošhâli goft
 и ПРЕДЛ радостью говорить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Моя бабушка нашла молитвенный коврик и радостно сказала...’

Однако в текстах встречаются примеры с длинной группой ПД и длинной глагольной группой, в которых –рâ не употребляется (43), (44).

- (43) be-yâ-im az₁ in₂ pas₃ be aziz-ân-emân farzand-ân
 КОН-идти-2МН тогда_{1,2,3} ПРЕДЛ дорогой-МН-1МН ребенок-МН
 yâ dust-ân-emân be jâ-ye har hediye-ye
 или друг-МН-1МН ПРЕДЛ место-ИЗФ любой подарок-ИЗФ
 digar-i [yek ketâb-e xub]_{ПД} [hediye dah-im]_{ПРЕД}
 другой-НР один книга-ИЗФ хороший подарок давать:КОН-1МН
 ‘Давайте тогда нашим дорогим, детям или нашим друзьям вместо какого-либо другого подарка подарим одну хорошую книгу.’ [http:// a3moone-abi.blogspot.com](http://a3moone-abi.blogspot.com)
- (44) sâl-e avval-i ke âmad-am be holand
 год-ИЗФ первый-НР который приезжать:ПРОШ-1ЕД ПРЕДЛ Голландия
 az xessat va yâ har₁ çê₂ zur-am miâmad
 ПРЕДЛ скупость и или все что_{1,2} сила-1ЕД приходит:ИМПФ.3ЕД
 [kise-ye maxsus-e âşqâl] az forușgâh
 мешок-ИЗФ предназначенный-ИЗФ мусор ПРЕДЛ универмаг
 be-xar-am¹⁵
 КОН-покупать-1ЕД
 ‘В первый год после того, как я приехал в Голландию, из-за скупости или из-за тех всех вещей, которые мне были непереносимы, я покупал в универмаге мешки, предназначенные для мусора’. <http://www.rezaghassemi.org/ketabkhaneh.htm>

Неупотребление послелого в (43) и (44) объясняется тем, что ПД является слабореферентным или, скорее, вообще нереферентным.

Влияние фактора длины группы ПД и группы глагола сводится не к употреблению / неупотреблению послелого, а, скорее, к изменению референциального статуса ПД (т. е.

¹⁵ Представляется непонятным употребление сослагательного наклонения у данного глагола. Скорее всего, тут просто опечатка или пропуск какого-то модального глагола.

чем длиннее группы глагола и ПД, тем, видимо, больше шансов у ПД быть сильнореферентным). Хотя даже о таком влиянии можно говорить лишь как об общей тенденции, а не как о правиле (43), (44).

v. Предварительные выводы

Итак, можно сделать предварительный вывод, что $-r\acute{a}$ оформляет только ПД. На появление $-r\acute{a}$ могут влиять следующие факторы:

1) определенность ПД;

2) одушевленность ПД;

3) топикализация ПД;

4) семантика глагола (при таком глаголе как *dāštan* 'иметь' $-r\acute{a}$ часто не употребляется даже с одушевленными ПД).

При 1) и 3) $-r\acute{a}$ обязательно оформляет ПД. Исходя из двух других факторов, мы можем только предсказывать появление $-r\acute{a}$ с большей или меньшей вероятностью. Референтность и тематический статус объекта напрямую связаны между собой. Референтный определенный объект является известным и говорящему, и слушающему, такой объект всегда будет относиться к тематической части предложения. Таким образом, если понимать топикализацию в более широком смысле, можно включить пункт 1) в пункт 3) и сказать, что употребление $-r\acute{a}$ становится обязательным только при топикализованном объекте.

Однако употребление $-r\acute{a}$ не поддается исчерпывающему объяснению через топикализацию (хотя, как пишет Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 141], такие попытки предпринимались, см. [Peterson 1974; Windfuhr 1979, 1987]). Дело в том, что возможно одновременное употребление $-r\acute{a}$ и постпозитивной безударной морфемы $-i$, которая маркирует неопределенные референтные объекты и, следовательно, новую информацию. Данный вопрос будет подробно обсуждаться в разделе **II.1.1.3.**

vi. «Квази-объекты» Ж. Лазара

Ж. Лазар пишет, что в современном персидском языке послелог может оформлять не только прямые объекты [2001a, 343–350]. Рассмотрим пример:

- (45) *ru-ye* *yaх-ră* *kâh* *miriz-and*
на¹⁶-ИЗФ лед-РА солома сыпать:НАСТ-3МН
‘Они застилают лед соломой’.
- (46) *ru-ye* *yaх* *kâh* *miriz-and*
на-ИЗФ лед солома сыпать:НАСТ-3МН
‘Они рассыпают солому на лед’.
- (47) *be* *ru-ye* *yaх* *kâh* *miriz-and*
ПРЕДЛ на-ИЗФ лед солома сыпать:НАСТ-3МН
‘Они рассыпают солому на лед’.

В примере (45) объект ‘лед’ оформлен предлогом (*ru-ye*, который обычно переводится ‘на поверхность чего-то’) и послелогом *-ră*. По мнению Ж. Лазара, предикативная группа *kâh mirizand* является непереходной (видимо, потому что объект уже оформлен предлогом). Предложение (46) показывает, что оформление послелогом не является обязательным. В предложении (47) объект оформлен сложным предлогом *be ru-ye*, при этом оформление послелогом становится невозможным.

Ж. Лазар считает, что предложения (45) и (47) различаются тем, что в первом *ru-ye yaх-ră* представляет собой именную группу и выполняет функцию актанта, а во втором *be ru-ye yaх* представляет собой предложную группу и выполняет функцию сирконстанта. Относительно значения *-ră* Ж. Лазар предполагает, что *-ră* придает значение «тотальности» (под которым, видимо, подразумевается полноохватность объекта). Предложение с *-ră* он переводит ‘*Ils jonchent la glace de paille*’, а предложение с *be* ‘*Ils réparent de la paille sur la glace*’. Ж. Лазар полагает, что в предложениях, подобных (45), объекты, хотя и очень близки по своим свойствам к прямым объектам, все же не могут считаться таковыми. Ж. Лазар не объясняет, на каких основаниях делается данное утверждение; скорее всего к подобному решению его привело то, что 1) в (45) объект оформляется отыменным предлогом *ru-ye*; 2) предлоги не могут вводить прямые объекты (исключение составляет только предлог *az*, и то довольно редко); 3) в (45) объект оформляется также послелогом; 4) послелог употребляется только с ПД. На основе 1) и 2) Ж. Лазар говорит о непереходности предиката, на основе 3) и 4) делает вывод об актантном статусе и полноохватности объекта. Подобные объекты Ж. Лазар называет «квази-объектами» (*quasi-objet*). Он признает, что иногда трудно определить, является та или иная именная группа, маркированная *-ră*, квази-объектом или просто объектом. Например,

¹⁶ Тут и в следующих *ru* у Ж. Лазара глоссируется как *dessus-EZ*

- (48) *ru-ye tambr-hâ-râ mohr zad*
 на-ИЗФ марка-МН-РА печать ударять:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он поставил печать на марки’/ ‘Он погасил марки’. (Il mit un cachet sur le timbres / Il oblitéra les timbres)

С одной стороны, если мы уберем предлог *ru-ye* ‘на чем-либо’, предложение останется правильным (*tambr-hâ* «марки» будут являться ПД). Однако, принимая во внимание то, что в данном предложении послелог можно заменить предлогом *be*: [*be*] *ru-ye tambr-hâ mohr zad* «он поставил печать на марки», Ж. Лазар приходит к выводу, что *ru-ye tambr-hâ-râ* следует считать квази-объектом [Lazard 2001a, 345].

Из вышеприведенных рассуждений Ж. Лазара можно заключить, что критерием отнесения именных групп к квази-объектам данный автор считает возможность оформления данных групп при одном и том же глаголе послелогом или сложным предлогом (например, *be ru-ye* «на поверхности»). Однако далее Ж. Лазар замечает, что встречаются, хотя и довольно редко, временные квази-объекты, которые не могут вводиться сложными предлогами:

- (49) *šab-râ dar qahvexâne manzel kard-im*
 ночь-РА ПРЕДЛ кафе стоянка делать:ПРОШ-2МН
 ‘На ночь мы остановились в кафе’ (Pour la nuit nous fîmes étape dans le café).

- (50) *Jâni Bek ayyâm-i-râ dar âzarbâjân bud*
 Джани Бек дни-НР-РА ПРЕДЛ Азербайджан быть:ПРОШ.3ЕД
 ‘Джани Бек пробыл определенное время в Азербайджане’.

По мнению Ж. Лазара, в приведенных примерах предикативная группа является непереходной, именная группа, маркированная *-râ*, — квази-объектом.

Характерными чертами квази-объектов Ж. Лазар считает «тотальность» (т.е. использование объекта в полном объеме, полную охваченность объекта действием, более подробно о полноохватности объекта действием см. в разделе **II.1.1.1.ix.**) и тематическое положение.

Подробного рассмотрев аргументацию Ж. Лазара в пользу выделения «квази-объектов», остается непонятным основной критерий приписания той или иной именной группе статуса квази-объектов¹⁷. С формальной точки зрения «квази-объекты» и прямые объекты совершенно не различаются, поэтому проще не выделять «квази-объекты», а добавить к описанию *-râ* пункт, в соответствии с которым существуют ПД места и

¹⁷ Квазиграммы отличаются от граммем в следующем: граммема обладает свойствами обязательности и регулярности выражения; квазиграммема обладает только свойством регулярности выражения [Мельчук 1997, 287-288]. *-râ* обязательно употребляется только с именами собственными, личными местоимениями и именами, имеющими местоименные энклитики или определения, указывающие на их сильную референтность (например, *in* ‘этот’). Таким образом, если выделять квазиграммему для маркирования временных и локативных объектов, нужно включать в нее также все необязательные употребления *-râ* с «обычными» объектами.

времени, вводящиеся послелогом. Следует согласиться с Ж. Лазаром в том, что объекты с локативным и временным значением, оформленные послелогом, приобретают значение «тотальности», т.е. становятся объектами, полностью охваченными действием («они застилают лед соломой», «(всю) ночь мы провели в кафе»). Тематическое положение данных объектов, оформленных *-râ*, подтверждает только то, что *-râ* – маркер топика. То, что *-râ* может оформлять объекты, уже имеющие «предлоги», получает свое объяснение, если не считать предлогами существительные, способные, не изменяя своего значения, присоединять к себе при помощи изафета другие существительные. Например, у существительного *ru* по персидско-русскому словарю под редакцией Ю.А. Рубинчика выделяется два значения 1. лицо, 2. поверхность. У отыменного предлога *ru* первым значением выделяется «на (поверхности чего-либо)» [1983, т. I, 734]. Принимая во внимание тот факт, что в персидском языке при присоединении определения у определяемого появляется изафет, не представляется возможным различить случаи употребления *ru-ye* в качестве предлога со значением ‘на поверхности чего-либо’ и в качестве существительного со значением ‘поверхность’. Таким образом, можно либо не выделять у существительного *ru* значение ‘поверхность’, либо не выделять у предлога *ru* значение ‘на поверхности’. Мы считаем, что не существует предлога *ru* со значением ‘на поверхности’, а существует существительное со значениями 1. лицо, 2. поверхность. Данное решение позволяет не выделять «квази-объектов» и объяснить структуру предложений, приведенных в [Lazard 2001a] следующим образом:

(45) [поверхность льда]_{ПД}-*râ* [он солома-посыпает]_{ПРЕД}

(47) на [поверхность льда]_{НД} [солону]_{ПД} [он посыпает]_{ПРЕД}

Нужно также заметить, что дополнения с временным значением всегда¹⁸, когда это позволяет семантика глагола, могут оформляться послелогом и, таким образом, становиться полноохваченным прямым объектом, в то время как дополнения с

¹⁸ Ограничением на употребление *-râ* с обстоятельствами времени могут быть предложения-состояния, где в принципе невозможна полнота охвата объекта действием:

šab havâ tarik ast
ночь воздух темный быть.3ЕД
‘Ночью темно.’

**šab-râ havâ tarik ast*

Так же ограничением может выступать употребление предлога (не связанного напрямую с именем) перед дополнением с временным значением (что указывает на то, что дополнение не является прямым и, следовательно, употребление послелога невозможно):

tâ nahâr kâr kard
до обед работа делать:ПРОШ.3ЕД
‘Он работал до обеда.’

**tâ nahâr-râ kâr kard*

локативным значением не всегда могут присоединять *-râ*. Т.е. если для дополнений с временным значением возможность оформления послелогом является универсальной и запреты могут возникнуть только из-за семантики глагола, то для дополнений с локативным значением нам не удастся сформулировать правило употребления/неупотребления послелога (выяснение данного вопроса — задача отдельного исследования; возможно, такого правила вообще не существует, и тогда способность того или иного глагола управлять локативным дополнением с помощью послелога должна маркироваться в словаре). Отличие временных и локативных дополнений проявляется также в том, что если у дополнений со значением времени послелог скорее всегда может быть опущен или заменен предлогом, то с некоторыми локативными дополнениями замена послелога на предлог недопустима:

(51) *u zamin-râ bil mizan-ad*
 он земля-РА лопата ударять:ИМПФ-ЗЕД
 ‘Он копает землю’ (*bil zadan* — сложный глагол «копать»).

(52) **u be zamin bil mizan-ad*

Предложение (52) под звездочкой, скорее всего, возможно только в значении ‘он втыкает лопату в землю.’

(53) *az moxallafât-e jurbejur ru-ye miz-râ por*
 ПРЕДЛ предметы-ИЗФ разный поверхность-ИЗФ стол-РА полный
karde₁ bud₂
 делать:ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}
 ‘Он наполнил разными вещами стол’.

(54) **az moxallafât-e jurbejur be ru-ye miz por karde bud*

Низкая частотность в текстах ПД со значением времени, оформленных *-râ*, объясняется тем, что данные ПД не только являются полностью охваченными действием, но и топикализованными. То есть буквальный перевод на русский звучал бы примерно так: «Что касается всей прошлой недели-*râ*, я отдыхал»¹⁹.

Итак, выделенные Ж. Лазаром «квази-объекты», находят свое объяснение в рамках тех же факторов, которые были уже рассмотрены выше

¹⁹ Данное обстоятельство позволило М. Дабиру-Мукаддаму рассматривать подобные примеры вместе со структурами, которые можно назвать клефтом, о чем далее и пойдет речь. Однако нужно заметить, что клефт вовсе не предполагает полноохватности объекта действием, поэтому, на наш взгляд, обстоятельства времени и места, оформленные послелогом, правильнее считать ПД полностью охваченными действием, а не косвенными клефтизованными объектами.

vii. Клефт

Клефтом, или расщеплением предложения, называют особый способ выражения темы и ремы, который состоит в том, что предложение становится сложноподчиненным и приобретает следующую коммуникативную структуру: главная часть предложения «целиком относится к реме, а зависимая клауза – к теме» [Тестелец 2001, 446]. Например, англ. [*It was he*]_{РЕМА} [*whom I wounded*]_{ТЕМА} «Именно его я ранил», букв. «это был он, кого я ранил»; рус. [*Что касается меня,*]_{ТЕМА} [*то я ухажу*]_{РЕМА}. Клефт может иметь место, когда зависимая клауза находится в конце предложения (вышеприведенные примеры). Иногда клефт появляется, когда подчиненная клауза располагается в начале. Такой случай иногда называют псевдоклефтом. Например, [*The one who speaks*]_{ТЕМА} [*is John*]_{РЕМА} «Тот, кто говорит, – Джон».

Формальными признаками клефта в персидском является вынесение элемента в начало предложения и появление на его месте следа – местоимения, отсылающего к вынесенному элементу.

О клефте в строгом смысле говорят, если вынесенный элемент составляет клаузу (как в приведенных русских и английских примерах). В персидском вынесенный элемент не является клаузой, и, возможно, не является даже малой клаузой (*small clause*). Однако реальное употребление клефта намного шире. Рассмотрим примеры из русского:

- (а) *Что касается моей ноги, я ее поранил.*
- (б) *Что до моей ноги, я ее поранил.*
- (в) *Моя нога, я ее поранил* (с ударением на *нога*).
- (г) *Мою ногу я поранил* (ударение на *ногу*).

Структуры предложений (а) и (б) одинаковы, хотя в (б) вынесенный элемент вряд ли составляет клаузу. (в) с точки зрения коммуникативного членения предложения сходно с (а) и (б), однако в (в) вынесенный элемент явно не представляет собой клаузы. (г) является примером обычной топикализации ПД.

В персидском имеются структуры (в) (примеры см. ниже) и (г) (примеры см. в **iii. Топикализация**), отличающиеся наличием местоимения в главной клаузе, относящем к вынесенному элементу (следа). Нам неизвестно работ, различающих структуры (в) и (г) в персидском языке, поэтому, за неимением более подходящего термина, мы предлагаем называть структуру (в) конструкцией с клефтом, а (г) — конструкцией с топикализацией.

–*râ* маркирует клефт только дополнений при переходных глаголах. Рассмотрим предложения из [Dabir-Moghaddam 1990, 41]:

- (55) *mehmân-e hamsâye-ro did-am*
гость-ИЗФ сосед-РА видеть:ПРОШ-1ЕД
'Я видел гостя соседа.'

- (56) *hamsâye-ro mehmân-aš-ro did-am*
 сосед-РА гость-3ЕД-РА видеть:ПРОШ-1ЕД
 ‘Что касается соседа, я видел его гостя.’
- (57) **hamsâye mehmân-aš-ro did-am*

В предложении (55) переходный глагол *did-am* управляет референтным определенным ПД *mehmân-e hamsâye* с помощью послелого. В (56) переходный глагол *did-am* управляет с помощью послелого референтным определенным ПД *mehmân-aš* ‘его гость’, а *hamsâye* ‘сосед’ маркирован послелогом для демонстрации того, что эта и только эта именная группа является в данном предложении темой, все остальное — ремой. Предложение (57) показывает, что *-râ* обязательно должен употребляться при клефте ПД, иначе предложение неправильно.

Рассмотрим предложения с непереходным глаголом:

- (58) *mehmân-e hamsâye âmad*
 гость-ИЗФ сосед приходить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Пришел гость соседа.’
- (59) *hamsâye mehmân-aš âmad*
 сосед гость-3ЕД приходить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Что касается соседа, его гость пришел.’
- (60) **hamsâye-ro mehmân-aš âmad*
 Примеры взяты из [Dabir-Moghaddam 1990, 41]

Предложение (58) является нейтральным с точки зрения коммуникативного членения. Предложение (59) показывает, как осуществляется клефт в предложении с непереходным глаголом: именная группа, полностью относящаяся к теме, выносится в начало предложения и не получает при этом оформления послелогом. Предложение (60) доказывает, что послелог не может употребляться при клефте в предложении с непереходным глаголом.

Косвенное дополнение при клефте, также как и ПД, обязательно оформляется *-râ*:

- (61) *be mehmân-e hamsâye xandid-am*
 ПРЕДЛ гость-ИЗФ сосед смеяться:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я посмеялся над гостем соседа.’
- (62) *hamsâye-ro be mehmân-aš xandid-am*
 сосед-РА ПРЕДЛ гость-3ЕД смеяться:ПРОШ-1ЕД
 ‘Что касается соседа, я посмеялся над его гостем.’
- (63) **hamsâye be mehmân-aš xandid-am*
 Примеры взяты из [Dabir-Moghaddam 1990, 42]

Послелог также может оформлять всю именную группу, выступающую в функции косвенного дополнения (возможно, такое употребление допустимо и для группы ПД, однако нам не встречалось подобных примеров).

- (64) *az* [mehmân-e hamsâye] šekâyat kard-am
 ПРЕДЛ гость-ИЗФ сосед жалоба делать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я пожаловался на гостя соседа.’
- (65) [mehmân-e hamsâye]-ro az-eš šekâyat kard-am
 гость-ИЗФ сосед-РА ПРЕДЛ-3ЕД жалоба делать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Что касается гостя соседа, я пожаловался на него.’
- (66) *[mehmân-e hamsâye] az-eš šekâyat kard-am

В предложении (64) непереходный глагол управляет косвенным дополнением с помощью предлога *az*²⁰. В (65) показан клефт всей именной группы, составляющей в предложении без клефта косвенное дополнение: данная именная группа вынесена вперед и оформлена послелогом, ее место занимает местоименная энклитика, отсылающая к группе косвенного дополнения. Предложение (66) показывает, что при вынесении всей именной группы дополнение обязательно должно оформляться *-râ*.

Таким образом, при клефте происходит вынесение именной группы или ее части в начало предложения. При этом зависимая клауза обязательно оформляется *-râ*, если выносятся прямое или косвенное дополнение. Зависимая клауза не может оформляться *-râ*, если выносятся часть группы подлежащего (60).

Вместе со значением клефта М. Дабир-Мукаддам рассматривает употребление *-râ* с обстоятельствами времени и места:

- (67) *emšab*_{1,2} injâ bâš-id
 сегодняшная₁ ночь₂ тут быть:ИМП-2МН
 ‘Сегодня ночью будьте тут.’
- (68) *emšab*_{1,2}-râ injâ bâš-id
 сегодняшная₁ ночь₂-РА тут быть:ИМП-2МН
 ‘Всю сегодняшнюю ночь будьте тут.’ (букв. ‘Что касается всей сегодняшней ночи, будь тут’.)

²⁰ В грамматике утверждается [Рубинчик 2001, 455], что персидском языке имеется некоторое количество глаголов, управляющих ПД с помощью предлога *az*. Данное утверждение основывается на следующих соображениях. Выражение объекта при данных глаголах обязательно. Поэтому, несмотря на то, что дополнения таких глаголов оформляются не послелогом, а предлогом, вводящим обычно косвенные дополнения, их следует считать ПД, а данные глаголы – переходными.

Обязательное выражение объекта не является фактором, обеспечивающим переходное значение у глагола. Обязательность выражения объекта говорит лишь о том, что данный объект является актантом. В данной работе все дополнения, вводящиеся с помощью предлога, будут считаться косвенными дополнениями, а дополнения, способные присоединять послелог – прямыми.

- (69) *ru-ye* *yaħ* *kâh* *miriz-and*
 поверхность-ИЗФ лед солома сыпать:НАСТ-3МН
 ‘Они рассыпают солому на лед’.
- (70) *ru-ye* *yaħ-ra* *kâh* *miriz-and*
 поверхность-ИЗФ лед-РА солома сыпать:НАСТ-3МН
 ‘Они застилают лед соломой’.

Выше уже рассматривалось употребление *-ra* вместе с обстоятельствами времени и места и было решено считать, что в данных случаях дополнения с временным и локативным значением являются прямыми. В таких предложениях клефта нет, так как нет не только местоимения, отсылающего к вынесенному элементу, но и нет собственно вынесения именной группы или ее части в начало предложения. В предложениях с временными или локативными ПД подлежащее имеет достаточно жесткую позицию в самом начале предложения. При постановке подлежащего после временных и локативных ПД предложение становится менее правильным.

- (71) *šomâ* *emšab_{1, 2}-ra* *injâ* *bâš-id*
 вы сегодняшняя₁ ночь₂-РА тут быть:ИМП.2МН
 ‘Всю сегодняшнюю ночь будьте тут.’
- (72) ? *emšab_{1, 2}-ra* *šomâ* *injâ* *bâš-id*
 сегодняшняя₁ ночь₂-РА вы тут быть:ИМП.2МН
 ‘Что касается сегодняшней ночи, всю ее проведите тут’

Возможна ситуация, когда в предложении две именных группы будут оформлены *-ra*, одна — как клефт, другая — как ПД с временным или, возможно, локативным значением (на данный момент у нас нет надежного примера на ПД с локативным значением).

- (73) *faqat in ye sa'at bâ bačče bâzi kon*
 только этот один час ПРЕДЛ дети игра делать:ИМП.2ЕД
 ‘Только этот один час поиграй с детьми.’ [Dabir-Moghaddam 1990, 42]
- (74) *bačče-ro faqat in ye sa'at-ro bâ-š bâzi kon*
 дети-РА только этот один час-РА ПРЕДЛ-3ЕД игра делать:ИМП.2ЕД
 ‘Что касается детей, поиграй с ними этот один час.’ [Dabir-Moghaddam 1990, 42]

Существительное *bačče* ‘дети’ является косвенным дополнением и в (74), подвергаясь клефту, оформляется послелогом. Словосочетание *ye sa'at* ‘одни час’ в (74), присоединяя к себе послелог, становится ПД, полностью охваченным действием. Таким образом, в (74) мы имеем не два клефта (что невозможно по определению), а клефт косвенного дополнения и ПД с временным значением, полностью охваченное действием.

Данная функция *-ra* — оформление клефта объектов — явно отличается от рассмотренных ранее случаев употребления *-ra* при ПД с определенными свойствами. Следует отметить также, что *-ra* может быть маркером клефта не только прямых, но и косвенных дополнений. Таким образом, с синхронной точки зрения предлагается считать,

что в языке существует два $-r\acute{a}$: $-r\acute{a}_1$ маркирует ПД с определенными свойствами, $-r\acute{a}_2$ маркирует прямые и косвенные дополнения при их клефте.

viii. Сколько раз $-r\acute{a}$ может выступать в одной клаузе?

Ж. Лазар [Lazard 2001a, 351], выделяя объекты и квази-объекты, отмечает, что в одном предложении $-r\acute{a}$ может выступать не больше двух раз (la postposition $r\acute{a}$ peut figurer, au maximum, deux fois dans la même unité de phrase): в первый раз – оформляя квази-объект, во второй – прямой объект.

(75) *portoqâl-o* *bâyad* *puss-eš-o* *kand* *ba'd*
апельсин-РА нужно кожура-3ЕД-РА сдирать:УСЕЧ.ИНФ потом
xord
есть:УСЕЧ.ИНФ
'Что касается апельсина, (в начале) следует снять с него кожуру, потом есть.'

(76) *mâšin-o* *dar-aš-o* *bast-am*
машина-РА дверь-3ЕД-РА закрывать:ПРОШ.1ЕД
'Что касается машины, я закрыл ее двери.'
(Примеры из [Karimi 1990, 143.13] по [Ghomeshi 1997, 145].)

С. Карими [Karimi 1990, 143.13] (по [Ghomeshi 1997, 145]), принимая во внимание то, что в вышеприведенном примере $-r\acute{a}$ употребляется два раза, утверждает, что это является аргументом против того, чтобы считать $-r\acute{a}$ показателем аккузатива.

Как в примере Ж. Лазара, так и в примере С. Карими мы имеем дело с клефтом и ПД, которое является частью объекта, подвергшегося клефту. В предыдущем разделе мы предложили считать, что в языке существует $-r\acute{a}_1$ и $-r\acute{a}_2$. Примеры Ж. Лазара и С. Карими демонстрируют одновременное употребление $-r\acute{a}_1$ и $-r\acute{a}_2$ в одном предложении.

И.К. Овчинникова пишет, что «в предложении, где имеется несколько прямых дополнений, относящихся к одному и тому же сказуемому, при условии, что они... разделяются другими, относящимися к каждому прямому дополнению в отдельности членами предложения, каждое прямое дополнение... оформляется послелогом $-r\acute{a}$ » [1956, 379]:

(77) *četour tomken bud u be kas-i*
как возможно быть:ПРОШ.ЗЕД она ПРЕДЛ человек-НР
alâqe peydâ kon-ad yek zan-e
привязанность явный делать:КОН-ЗЕД один женщина-ИЗФ
havasbâz ke [[yek mard]-râ barâ-ye šahvatrâni]
развратный который один человек-РА ПРЕДЛ-ИЗФ разврат
[[*yek-i-râ barâ-ye ešqbâzi*] va [[*yek-i-râ barâ-ye*
один-НР-РА ПРЕДЛ-ИЗФ флирт и один-НР-РА ПРЕДЛ-ИЗФ
šekanje dâdan] lâzem ast
мучение давать необходимый быть.ЗЕД
‘Как она могла привязаться к кому-либо, развратная женщина, которой один
мужчина был нужен для разврата, другой — для флирта, а третий — для того, чтобы
мучить его.’

Предложение можно изобразить в виде следующей схемы:

[[[[]пдг-*râ*]ПРЕДЛГ [[]пдг-*râ*]ПРЕДЛГ [[]пдг-*râ*]ПРЕДЛГ]ПРЕД

В предложении представлено три однородных ПД, каждое из ПД оформлено *-râ*, каждое из ПД разделено предложной группой *barâ-ye* ‘для’.

Итак, можно сказать, что в одном предложении не может быть двух неоднородных дополнений, оформленных *-râ*, однако в одном предложении может быть дополнение, подвергшееся клефту, оформленное *-râ₂*, и ПД, оформленное *-râ₁*. Также в одном предложении возможно несколько однородных ПД, разделенных между собой и оформленных *-râ₁* по отдельности.

ix. Значение полноохватности объекта действием²¹

В персидском языке имеется большое количество «сложных глаголов», многие из которых имеют два способа управления объектом: с помощью послелога *-râ* или с помощью предлога *be* (*benzin zadan* ‘заливать бензин’, *pâre duxtan* ‘штопать, ставить заплатки’, *pâdâš dâdan* ‘награждать’ и т. д.). Доступные мне грамматики и словари не объясняют разницы в употреблении *-râ* и предлога *be*. Скорее всего, подобные глаголы или, по крайней мере, их значительная часть, являются глаголами полного охвата объекта действием.

Рассмотрим признаки глаголов полного охвата (*набить карманы орехами, забить щель наклей, load the truck with hay* и т. д.), приводимые Е.В. Падучевой и Р.И. Розиной [1993, 8–

²¹ Раздел является переработанной версией доклада, представленного на Первой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург 24-25 сентября 2004, см. [Выдрин 2004б].

10]), и сравним их с признаками персидских глаголов, допускающих два способа управления объектом.

Все глаголы полного охвата имеют следующий набор семантических компонентов:

- 1) Субъект воздействует на Средство (под Средством подразумевается такой участник ситуации, который расходуется или, по крайней мере, связывается в ходе деятельности Субъекта, то есть Средства остается все меньше в свободном состоянии [Апресян 1974, 128]), а именно:
- 2) Субъект перемещает Средство в направлении Объекта;
- 3) Субъект приводит Средство в контакт с Объектом или определенной его частью;
- 4) контакт Средства с Объектом или с его частью – полный или, по крайней мере, мыслится как полный;
- 5) Средство не устраняется из Объекта после достижения контакта; более того, этот контакт и составляет цель Субъекта.

Таким образом, в случае глаголов полного охвата Субъект воздействует не на Объект, а на Средство. Воздействие Субъекта на Средство сводится к перемещению Средства. Объектом у глаголов полного охвата является Место – конечный пункт, в который Субъект перемещает Средство. Таким образом, у глаголов полного охвата периферийный актант Места повышается до роли Объекта, который становится при этом полностью охваченным действием, т.е. в предложении *я нагрузил грузовик сеном* грузовик полон. Объект же воздействия трактуется как Средство и грамматически оформлен не как прямое дополнение, а периферийным падежом (*я нагрузил грузовик сеном*, Объект ‘сено’ оформлен не аккумулятивом²²) [Падучева, Розина 1993].

Рассмотрим примеры из персидского языка:

- (78) [*be* *māšīn*]_{НД} [*benzīn*]_{ПД} [*be-zan*]_{ПРЕД}
ПРЕДЛ машина бензин ИМП-бить.2ЕД
‘Залей бензин в машину.’
- (79) [*benzīn*]_{ПД} [*be* *māšīn*]_{НД} [*be-zan*]_{ПРЕД}
бензин ПРЕДЛ машина ИМП-бить.2ЕД
‘Залей бензин в машину.’
- (80) [*māšīn-ra*]_{ПД} [*benzīn be-zan*]_{ПРЕД}
машина-РА бензин ИМП-бить.2ЕД
‘Залей машину бензином.’

²² При этом о полноте расходования *сена* речь не идет вообще. В примере же *я нагрузил сено на грузовик* полностью охваченным является Средство *сено*.

(81) *benzin māsīn-rā be-zan

(82) *māsīn-rā benzin-rā be-zan

В примере (78) Место ‘машина’ оформлено косвенным падежом, Средство ‘бензин’ никак не оформлено, объект не является полностью охваченным действием. Средство ‘бензин’ можно переместить в начало предложения (79) (в этом случае, как правило, Средство можно оформить –rā, как это сделано в примере (85)). Средство в (78) и (79) имеет синтаксическую роль ПД. В (80) Место оформляется послелогом –rā и становится Объектом, полностью охваченным действием. В данном случае Средство ‘бензин’ перестает быть ПД, теряет способность перемещаться (81) и быть оформленным послелогом (82); Средство становится частью сложного глагола.

Такие же операции возможны со сложным глаголом *puder zadan* ‘пудрить’.

(83) [be surat-aš]_{НД} [puder]_{ПД} [zad]_{ПРЕД}
ПРЕДЛ лицо-3ЕД пудра бить:ПРОШ.3ЕД
‘Она напудрилась’.

(84) [puder]_{ПД} [be surat-aš]_{НД} [zad]_{ПРЕД}
пудра ПРЕДЛ лицо-3ЕД бить:ПРОШ.3ЕД
‘Она напудрилась (какой-то) пудрой’ (букв. ‘Положила пудру на свое лицо’).

(85) [in puder-rā]_{ПД} [be surat-aš]_{НД} [zad]_{ПРЕД}
этот пудра-РА ПРЕДЛ лицо-3ЕД бить:ПРОШ.3ЕД
‘Она напудрилась этой пудрой’ («положила эту пудру на свое лицо»).

(86) [surat-aš-rā]_{ПД} [puder zad]_{ПРЕД}
лицо-3ЕД-РА пудра бить:ПРОШ.3ЕД
‘Она напудрила все свое лицо.’

В ходе опроса информантов по анкете, включающей более 80 глаголов, выяснилось, что перестановки, похожие на те, что представлены в (83)–(86), в персидском языке осуществимы только с такими глаголами, как: ‘пользоваться косметикой’ (*puder zadan* ‘пудриться’, *ruž zadan* ‘красить (губы)’, *sorxāb zadan* ‘румяниться’), *atr zadan* ‘душиться, пользоваться духами’, *sābun zadan* ‘намыливать’, *pih mālidan* ‘смазывать (сапоги жиром)’, *rouyan zadan* ‘смазывать (подшипник маслом)’, *rang zadan* ‘красить (забор краской)’, *benzin zadan* ‘заправлять (машину бензином)’, *X zadan* ‘приправлять X-ом’, ‘добавлять X’ (*čāšni zadan* ‘приправлять приправой’, *zenyān zadan* ‘приправлять анисом’, *serke zadan* ‘добавлять уксусом’, *felfel zadan* ‘добавлять перцем’ и т.д.), *pādāš dādan* ‘давать награду’. Все эти глаголы можно считать глаголами полного охвата. Сомнения могут возникнуть только относительно глагола ‘заправлять бензином’, который не допускает употребления послелога со Средством (пример (79), где информанты запрещают оформление слова ‘бензин’ послелогом даже если добавить к нему указательное местоимение ‘этот’). Можно

предполагать, что любые другие глаголы персидского языка, которые будут допускать перестановки (83)–(86), будут глаголами полного охвата.

х. Использование *-râ* с генерическими именами

Как было показано в предыдущих разделах, сфера действия *-râ* распространяется скорее только на референтные ПД. Однако оказывается, что возможно (и в некоторых случаях даже обязательно) использование *-râ* с генерическими ПД.

- (87) *serke šir-râ mibor-ad*
 уксус молоко-РА сворачивать:НАСТ-3ЕД
 ‘Уксус сворачивает молоко.’ [Dabir-Moghaddam 1992, 557]
- (88) **serke šir mibor-ad*
 уксус молоко сворачивать:НАСТ-3ЕД
- (89) *harârat-e xoršid âb-râ tabxir mikon-ad*
 теплота-ИЗФ солнце вода-РА испарение делать:НАСТ-3ЕД
 ‘Солнечное тепло испаряет воду.’ [Soxan, v. 3, 1603].
- (90) **harârat-e xoršid âb tabxir mikon-ad*
 теплота-ИЗФ солнце вода испарение делать:НАСТ-3ЕД

На данный момент мы не можем сформулировать какое-то правило относительно генерических имен и их обязательного оформления послелогом. Скорее для этого потребуется отдельное детальное исследование подобных случаев.

xi. Выводы относительно сферы употребления *-râ* в персидском языке

Итак, подробно рассмотрев все возможные случаи употребления послелога *-râ*, можем сделать следующие выводы:

- 1) Сфера употребления *-râ* распространяется только на дополнения. Обычно *-râ* (*-râ₁*) оформляет с ПД (в том числе с временным и локативным значением). С косвенными дополнениями *-râ* (*-râ₂*) может употребляться только при клефте;
- 2) *-râ* (*-râ₂*) обязательно употребляется при клефте прямых или косвенных дополнений;
- 3) *-râ* (*-râ₁*) обязательно употребляется с референтными определенными ПД;
- 4) *-râ* (*-râ₁*) обязательно употребляется с топикализованными ПД, а также (как будет показано в **II.1.1.3.**) с ПД, имеющими коммуникативный статус так называемой «второй темы»;

- 5) на употребление $-r\acute{a}$ ($-r\acute{a}_1$) влияют одушевленность объекта (одушевленные ПД чаще оформляются $-r\acute{a}$, чем неодушевленные) и семантические свойства предиката (при глаголе *dāštan* 'иметь' и, возможно, некоторых других глаголах $-r\acute{a}_1$ не употребляется, если даже ПД одушевленно);
- 6) В одном предложении могут быть одновременно употреблены $-r\acute{a}_1$ и $-r\acute{a}_2$. В одном предложении $-r\acute{a}_1$ может употребляться несколько раз при однородных ПД, разделенных какими-то другими членами предложения.

xii. Вопрос о терминах

Л.С. Пейсиков считает, что «главная функция ra ($-r\acute{a}$ — *A.B.*) не ограничивается простым указанием прямого дополнения, так как при прямом дополнении, как известно, ra может не стоять. Главная функция ra – выделительная, точнее функция артикля при прямом дополнении или группе прямого дополнения» [1959, 35–37]. Исходя из этого, Л.С. Пейсиков предлагает отказаться от традиционного термина «послелог» и называть $-r\acute{a}$ «**синтаксической частицей**».

Ю.А. Рубинчик [2001, 324] считает, что за $-r\acute{a}$ следует оставить традиционный термин «**послелог**», так как « $-r\acute{a}$ может обозначать косвенное дополнение с указанием на лицо, которому что-либо принадлежит, на адресат действия». Однако, как мы видели в самом начале раздела, посвященного послелогам, случаи употребления $-r\acute{a}$ с косвенными дополнениями являются или архаическими, застывшими формами в языке, или цитатами из классического персидского языка. Все же основной функцией $-r\acute{a}$ Ю.А. Рубинчик считает оформление референтных определенных прямых дополнений при переходных глаголах.

И.К. Овчинникова, принимая во внимания то обстоятельство, что $-r\acute{a}$ присоединяется не непосредственно к ПД, а обычно оформляет всю группу ПД, считает, что «такая синтаксическая самостоятельность послелога $\text{۱} \text{ } (-r\acute{a} — A.B.)$ свидетельствует о том, что эта грамматическая частица, хотя и обнаруживает тенденцию к морфологизации, однако все же **не может быть признана** морфологическим показателем имени, **падежным окончанием** его» [Овчинникова 1956, 364].

Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 141] отмечает, что некоторые исследователи [Peterson 1974; Windfuhr 1979, 1987] считают, $-r\acute{a}$ **маркером топика**. Однако как будет показано в **П.1.1.3.**, $-r\acute{a}$ может маркировать также так называемую «вторую тему». Поэтому нужно или согласиться с Дж. Гомеши в том, что все случаи употребления послелога $-r\acute{a}$ не

следует объяснять через топиализацию, или же оговаривать, что «наша топиализация» включает в себя вторую тему, а также некоторые свойства объекта и предиката, которые не связаны напрямую с топиализацией.

По словам Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 138], С. Карими [Karimi 1989, 1990] употребляет для $-r\acute{a}$ термин «показатель косвенного падежа и специфичности» ('specific-oblique' marker). Специфичность С. Карими определяют следующим образом: именная группа является специфической, если в сознании говорящего есть конкретный предмет, референт. Различие между определенной и неопределенной специфической именными группами заключается в следующем: догадывается слушающий об этом референте или нет. Определение и разделение специфичности на определенную и неопределенную у С. Карими совпадает с определением референтности и ее разделением на сильную и слабую Е.В. Падучевой [1985, 87].

Сама Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 166] уходит от прямого ответа на вопрос, как называть $-r\acute{a}$. Она считает $-r\acute{a}$ показателем падежа именных групп, подчиненных глагольным группам, показателем высокой переходности, который появляется у прямых объектов, известных слушающему (presupposed = сильно референтные по Е.В. Падучевой), определенных, одушевленных, а также у топиков.

Исходя из сделанного нами вывода о статусе послелого, а также разделения послелога на $-r\acute{a}_1$ и $-r\acute{a}_2$, **попробуем ответить на вопрос, можно ли $-r\acute{a}_1$ считать падежом, а персидский язык – языком с двухпадежной системой.**

В начале рассмотрим определение падежа для языков с двухпадежной системой П.М. Аркадьева [2005, 102]:

«Опираясь на определения падежа, предложенные Б. Блейком [Blake 1994: 1] и И.А. Мельчуком [Мельчук 1998: 325], можно сказать, что в данном языке выделяется двухпадежная система, если в нем есть грамматическая категория (далее Γ — A, B), удовлетворяющая нижеследующим условиям:

- (i) Γ определена на именных группах (ИГ) и выражается в пределах ИГ;
- (ii) Γ содержит две граммы – прямой падеж (Dir) и косвенный падеж (Obl);
- (iii) каждая из этих грамм может маркировать определенный тип синтаксической зависимости ИГ от финитного сказуемого;
- (iv) если в данном языке есть еще одна грамматическая категория Γ' , удовлетворяющая условиям (i) и (iii), то либо для Γ' не выполняется условие (ii), либо Γ более грамматикализована, чем Γ' (например, показатели Γ – аффиксы, а Γ' – послелог).»

$-r\acute{a}$ маркирует только дополнения (причем $-r\acute{a}_1$ только прямые), значит, условие (i) выполняется. Условие (ii) будет выполняться, если принять положение о том, что граммма прямого падежа выражается отсутствием $-r\acute{a}$. Как мы уже говорили, $-r\acute{a}_1$

маркирует только ПД, показатель прямого падежа (отсутствие $-r\acute{a}_1$) всегда маркирует подлежащее (косвенное дополнение обычно вводится предлогами, хотя возможно и беспредложные косвенные дополнения, однако подлежащее с предлогом невозможно), значит, условие (iii) тоже выполняется. Условие (iv), то есть вопрос о том, есть ли в персидском еще одна грамматическая категория, выполняющая условия (i) и (iii) и если есть, создает ли она препятствия для рассмотрения $-r\acute{a}_1$ как показателя падежа, будет рассмотрено позже, в разделе **II.1.1.3.** Сейчас же предварительно можно сказать, что $-r\acute{a}_1$ можно считать показателем падежа, а персидский язык – языком с двухпадежной системой. Далее $-r\acute{a}_1$ будет глоссироваться как маркер аккузатива АКК.

Теперь вернемся немного назад. Мы выяснили, что $-r\acute{a}_1$ маркирует только ПД с определенным набором свойств, важнейшими из которых являются определенная референтность и топикализация.

Таким образом, в персидском языке мы имеем дело со случаем дифференциального маркирования объекта, т. е. маркирования, которое осуществляется только при определенных семантических свойствах объекта (основными работами по дифференциальному падежному маркированию являются [Comrie 1975, 1979, 1980, 1986, 1989; Silverstein 1976, 1981; Lazard 1984; Bossong 1985; Croft 1988; Aissen 2003]).

Дифференциальное падежное маркирование объекта – явление не такое уж и редкое в языках мира. Приведем одну пару примеров из русского языка: *Бегемот любит носорог-а* и *Бегемот любит ил-Ø* [Comrie 1979, 14], где употребляются разные маркеры для одушевленного и неодушевленного ПД. Обычно на маркирование/ немаркирование ПД влияют определенность/ неопределенность и одушевленность/ неодушевленность ПД. Два названных фактора в зависимости от языка могут иметь различную степень дробности (например, определенными могут считаться только личные местоимения и имена нарицательные; одушевленными могут считаться только люди) и по-разному комбинироваться в языках мира (может влиять только одушевленность или только определенность, или при выполнении одного из факторов падежное маркирование будет обязательным, при другом – предпочтительным), см. [Aissen 2003]. В персидском оформлении $-r\acute{a}$ становится обязательным при определенных ПД и предпочтительным при одушевленных. Однако в некоторых случаях употребление $-r\acute{a}$ становится обязательным даже при нереперентных одушевленных ПД (см. раздел **II.1.1.1.ii.**).

Влияние именно определенности и одушевленности объекта на маркирование ПД объясняется следующими соображениями: субъект обычно является определенным, одушевленным и тематизованным, а объект – неопределенным, неодушевленным и рематизованным. Главная функция падежного маркирования субъекта и объекта – различительная. Таким образом, падежное маркирование, вероятнее всего, будет обязательно применяться там, где будет возможность неоднозначной идентификации субъекта и объекта. То, что при дифференциальном маркировании объекта именно определенные одушевленные объекты (а не неопределенные неодушевленные) оформляются падежом, объясняется тем, что такие объекты по своим семантическим свойствам больше всего претендуют на

роль субъекта [Comrie 1975, 8–9; Comrie 1979, 19]. Таким образом, система дифференциального падежного маркирования отвечает принципу экономности, используя падежные маркеры только там, где это необходимо для недвусмысленного понимания предложения [Aissen 2003]. Данная система также соблюдает принцип иконичности, обеспечивая при маркировании падежом в том или ином языке неопределенных или неодушевленных объектов обязательное маркирование некоторых определенных или одушевленных объектов соответственно [там же].

Теоретически возможен язык, где для различения неопределенного неодушевленного рематизованного субъекта и определенного одушевленного тематизованного объекта будет использоваться падежное маркирование неопределенного субъекта. Однако в таком случае мы получим конструкцию, во многом похожую на пассив (по этому поводу см. [Comrie 1975, 14–16]). На данный момент нам неизвестны исследования подобных случаев в конкретных языках.

Для $-r\acute{a}_1$ вполне применим термин «падежный показатель», с двумя оговорками: 1) для того, чтобы ПД было оформлено $-r\acute{a}$, в семантические свойства ПД должны входить референтность, топикализация и т. д. (см. **II.1.1.1.xi**); 2) с морфологической точки зрения $-r\acute{a}$ не является полноценным суффиксом и ведет себя как клитика (см. **II.1.1.1.0**).

Сравнивая $-r\acute{a}_1$ в персидском и других иранских языках, можно сказать, что функции послелога в персидском во многом сходны с его функциями в гилянском, мазендеранском, белуджском, татском и, возможно, других иранских языках, где данный послелог, хотя и выражается только при определенных объектах, включается в падежную парадигму в качестве падежа (см. например [Расторгуева 1975, 191–197; Расторгуева 1982, 503–506, 249–250; Мошкало 1999, 35–40]). В белуджском языке соответствующий послелог присоединяется к показателю общекосвенного падежа ($-ā$ единственном числе, $-ān$ во множественном) и, таким образом, может быть истолкован не как падежный показатель, а как показатель определенности прямых и косвенных дополнений. Как утверждается в работе [Расторгуева 1975, 192], на рассмотрение в этих языках (гилянском, мазендеранском и белуджском) послелога как падежного показателя повлияло то обстоятельство, что «эти языки уже имели по одному или два агглютинативных падежа». Мы полагаем, что отсутствие в персидском языке других «агглютинативных» падежей не является аргументом против того, чтобы считать $-r\acute{a}_1$ падежом.

К интерпретации $-r\acute{a}_1$ как падежного показателя можно подойти с другой стороны, а именно – рассмотрев факторы, препятствующие появлению $-r\acute{a}_1$ у ПД. Употребление $-r\acute{a}_1$ блокирует нереперентность объекта (с некоторыми оговорками, относительно генерических имен, см. **II.1.1.1. x**) и рематизованность объекта.

II.1.1.2. Постпозитивная безударная морфема *-i*

-i указывает на референтный неопределенный статус существительного. Данная морфема имеет два алломорфа: *-i* после согласного и *-yi* после гласного. В персоязычных грамматиках для постпозитивной безударной морфемы *-i* используются различные термины в зависимости от ее синтаксической позиции и контекстного значения: *yâ-ye nakare*, *yâ-ye tankir* – ‘*-i* неопределенности’, *yâ-ye vahdat* – ‘*-i* единичности’, *yâ-ye ma’refe* – ‘*-i* определенности’, *yâ-ye ešâre* – ‘*-i* указательное’ (после придаточного определительного предложения). Ю.А. Рубинчик [2001, 119–125] отмечает, что, хотя *-i* в разных синтаксических позициях, возможно, имеет различные этимологии, в современном персидском языке оно выполняет везде одну и ту же функцию. Эту функцию Ю.А. Рубинчик называет выделительной²³, а безударную морфему *-i* – выделительным артиклем. «Артикль служит грамматическим средством выделения предметов и явлений из ряда им подобных». Вместе с тем Ю.А. Рубинчик не отрицает «специфику употребления выделительного артикля после антецедентов, к которым относятся придаточные определительные предложения» [2001, 119].

В рамках современной лингвистической терминологии точнее было бы называть *-i* не показателем «выделительности», а показателем неопределенной референтности или слабой референтности. Хотя референтность и можно свести к выделению объекта из данного класса путем его конкретизации, термин «неопределенная референтность» имеет преимущество перед термином «выделительность» в том, что указывает, до какой точки доходит выделение, насколько объект становится конкретизирован, в то время как «выделительность» указывает лишь на то, что объект не является нереперентным.

В дальнейшем для постпозитивной безударной морфемы *-i* мы будем использовать термин «показатель неопределенной референтности» (НР в глоссах).

-i может употребляться как с подлежащим, так и с прямым или косвенным дополнениями²⁴. *-i* одновременно является показателем единственного числа.

(91) *mard-i raft*
человек-НР уходить:ПРОШ.3ЕД
‘Кто-то умер’ (букв.: ‘ушел’).

(92) *man ketâb-i mixân-am*
я книга-НР читать:НАСТ.1ЕД
‘Я читаю одну книгу’.

²³ К подобной трактовке склоняется также Ж. Лазар [Lazard 1966].

²⁴ Употребление *-i* с косвенными дополнениями, а также система детерминации косвенного дополнения в работе не рассматривается.

(93) *u dar dānešgāh-i dars mixān-ad*
 он ПРЕДЛ университет-НР урок читать:НАСТ-ЗЕД
 ‘Он учится в каком-то университете’.

–*i* не употребляется с именами, имеющими определения, указывающие на сильную референтность данных имен²⁵ (т. е. указательные местоимения *in* ‘этот’, *ān* ‘тот’, *hamin* ‘этот самый’, *hamān* ‘тот самый’; также такие определения как ‘первый’, ‘второй’). –*i* также не употребляется с именами, имеющими определения в превосходной степени. Примеры можно найти в [Lazard 1966, 252—253].

–*i*, употребляясь с неисчисляемыми существительными, или с существительными во множественном числе, может обозначать их часть (*pul* ‘деньги’ — *pul-i* ‘некоторая сумма денег’; *ketāb-hā* ‘книги’ — *ketāb-hā-yi* ‘некоторое количество книг’ [Lazard 1966, 250]).

–*i* обязателен после неопределенно-референтной именной группы, имеющей относительное рестриктивное²⁶ (придаточное определительное):

(94) ... *xis mišod-and bā bārān-i ke*
 мокрый становится:ИМПФ-ЗМН ПРЕДЛ дождь-НР который
ru-ye divār-e ājori
 поверхность-ИЗФ стена-ИЗФ кирпичный
pošt-e sar-ešān mibārid
 спина-ИЗФ голова-ЗМН литься:ИМПФ.ЗЕД
 ‘... они промокли от дождя, который лился по кирпичной стене, находящейся за ними.’ (Farzād Tabāyi “Be foruq” www.maniha.com)

Комментарий

–*i* не является надежным критерием разграничения рестриктивных и аппозитивных придаточных, т. к. может появляться у антецедентов аппозитивных придаточных, выполняя при этом функцию маркера неопределенной референтности. Рассмотрим примеры из [Lazard 1966, 254]:

(а) *piremard-i ke zāheran nāxoš bud*
 старик-НР который внешне больной быть:ПРОШ.ЗЕД
boland šod
 высокий становится:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Встал старик, который по внешнему виду был болен’.

(б) *piremard[-i] ke zāheran nāxoš bud boland šod*
 ‘Старик, который по внешнему виду был болен, встал’.

В (а) представлено придаточное рестриктивное (из множества стариков встал тот, который по внешнему виду был болен), употребление –*i* обязательно. В (б) — придаточное аппозитивное (существовал всего один старик, он был по внешнему виду болен, и он встал), употребление –*i* возможно, если старик является слабореферентным, т. е. если предложение означает ‘встал какой-то старик, внешний вид которого свидетельствовал о том, что он болен’.

²⁵ Если при этом данные имена не являются антецедентами придаточных предложений, о чем речь пойдет ниже.

²⁶ Или почти обязателен, см. (4), где семантически придаточное является рестриктивным, однако –*i* не оформляет антецедент придаточного.

Исходя из референциального статуса *-i*, можно предположить, что если после релятивизованной именной группы *-i* отсутствует, данная группа является либо определенно-референтной (95), либо нереферентной. Нам не встречались примеры с релятивизованным именем, не имеющим *-i* и обладающим нереферентным статусом. Это можно объяснить тем, что при присоединении придаточного к именной группе, она всегда (или, возможно, почти всегда) теряет свою нереферентность и, следовательно, становится или неопределенно-референтной (обязательно оформляется *-i*; (94)), или определенно-референтной (*-i* отсутствует; (95))²⁷.

- (95) *ra'is-e jomhur dar in payâṁ ke*
 глава-ИЗФ республика ПРЕДЛ этот обращение который
tavassot-e doctor Ali ra'is-e jehâd-e
 посредством-ИЗФ доктор Али глава-ИЗФ движение-ИЗФ
dânešgâhi qarâ'at šod goft
 университетский чтение становится:ПРОШ.ЗЕД говорить:ПРОШ.ЗЕД
 'Глава Республики в этом обращении, которое было прочитано доктором Али, главой организации Джаходе Данешгохи,²⁸ сказал...' (<http://www.hamshahri.org>).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что *-i* не может употребляться с именами собственными, местоимениями и другими языковыми единицами, указывающими на определенно-референтный статус имени. Однако изучение языкового материала показывает, что такое употребление *-i* возможно, если данные языковые единицы имеют придаточное предложение, вводимое союзом *ke*. В таких случаях *-i* выполняет уже функцию маркера эмфатического выделения²⁹:

- (96) *man ne-midânest-am u-yi-râ ke*
 я не-знать:ИМПФ-1ЕД он-И-АКК который
na-dide₁ bud-am₂ čegune dar miyân-e in
 не-видеть:ППЕРФ-1ЕД_{1,2} как ПРЕДЛ середина-ИЗФ это
hame surat peydâ kon-am
 все лицо явный делать:КОН-1ЕД
 'Я не знала, как я среди всех этих лиц найду именно его, которого я [долго] не видела.' (газета Хамшахри 26 мордад 1383, номер 212, приложение к выпуску номер 3468, с.3)

²⁷ Семантически (95) является примером придаточного аппозитивного, с которыми *-i* не всегда может употребляться.

²⁸ Точная передача данного словосочетания на русский язык нам неизвестна. Толковый персидско-персидский словарь дает следующее пояснение: 'Организация в системе образования Исламской Республики Иран, подчиненная университетам, деятельность которой заключается в улучшении и проведении научных, исследовательских и культурных программ' [Soxan 3, 2234]. Основываясь на приведенном толковании, *jehâd-e dânešgâhi* можно перевести как 'Ученый Совет'.

²⁹ Возможно, точнее было бы назвать данную функцию *-i* контрастивным выделением. Однако, если понимать контрастивное выделение как выбор с противопоставлением из нескольких элементов небольшого множества (до 5–7 объектов, обычно 2–3), состав которого известен говорящему и адресату [Тестелец 2001, 458], становится непонятно, что тогда является релевантным множеством, из которого происходит выделение.

- (97) *hamun*_{1,2} *ke* *tu-ye* *jašn-e* *tavallod-am*
 тот₁ самый₂ который внутренность-ИЗФ праздник-ИЗФ рождение-1ЕД
*dotâyi gereft-im bâham hamun*_{1,2}-*i* *ke* *to xeyli*
 парный братъ:ПРОШ-1МН вместе тот₁ самый₂-НР который ты очень
*az un xoš-at umade*₁ *bud*₂
 ПРЕДЛ этот хорошо-2ЕД идти:ППЕРФ.3ЕД_{1,2}
 ‘[Ты знаешь, о какой фотографии я говорю], о той самой, парной, которую мы
 сделали с тобой на моем дне рождении, та самая, которая тебе очень понравилась’
 (Habibullah Nabi Allahi “Bâ man harf bezan” www.maniha.com).

Данная функция *-i* может распространяться также на косвенное дополнение (98) и на подлежащие (99). Примеры из [Рубинчик 2001, 529].

- (98) *ammâ hič entezâr na-dâšt ke u-râ be*
 но никакой ожидание не-иметь:ПРОШ.3ЕД что он-АКК ПРЕДЛ
Gilân-i ke ânqadr martub va sard ast
 Гилян-НР который настолько мокрый и холодный быть.3ЕД
be-ferest-and
 КОН-посылать-3МН
 ‘Но он совсем не ожидал, что его отправят в [тот самый] Гилян³⁰, такой сырой и
 холодный’.
- (99) *man-i ke az dahân-e Lidâ be joz-e qahr o*
 я-НР который ПРЕДЛ рот-ИЗФ Лида ПРЕДЛ кроме-ИЗФ гнев и
sarzaneš ne-mišenid-am nâgahân šenid-am
 упрек не-слышать:ИМПФ-1ЕД неожиданно слышать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я, который из уст Лиды ничего не слышал, кроме гневных жалоб и упреков, вдруг
 услышал...’

В примере (98) *-i* оформляет косвенное дополнение, в роли которого выступает имя собственное *Gilân* ‘Гилян’, имеющее безусловно определенно-референтный статус. В примере (99) *man* ‘я’ является подлежащим и подчиняет релятивную клаузу. Обычно (без эмфазы) у личных местоимений не появляется *-i*, основная функция которого — оформление неопределенно-референтных именных групп. Однако в данном примере *-i* все-таки появляется.

В работе [Lazard 1966] имеется другое объяснение употребления *-i* с придаточными предложениями.

Ж. Лазар разделяет придаточные на рестриктивные (*relatives déterminatives*) и аппозитивные (*relatives appositives*) на основе интонации. Антецедент придаточных рестриктивных обязательно должен быть оформлен *-i*. При опущении *-i* интонация меняется, и придаточное становится аппозитивным. Антецедентами придаточных рестриктивных предложений могут быть любые имена (нарицательные, местоимения, прилагательные в превосходной степени, имена собственные (хотя собственные имена Ж. Лазар не упоминает, но логически это вытекает из его изложения)). У придаточных аппозитивных

³⁰ Прикаспийская область на севере Ирана.

употребление *-i* факультативно и выполняет функцию неопределенного артикля (употребление *-i* в данном случае невозможно с указательными и личными местоимениями, прилагательными в превосходной степени и именами собственными).

Объяснение Ж. Лазара имеет несколько недостатков. Во-первых, интонация не является надежным критерием разграничения придаточных рестриктивных и придаточных аппозитивных предложений. Это признает и сам Ж. Лазар и приводит следующий пример:

- (100) [ân] *še'r-e* *u* *ke* *bištar*
 тот стихотворение-изф он который больше
az *hame* *xoš-am* *miây-ad*
 ПРЕДЛ все хороший-1ЕД идти:НАСТ-3ЕД
 '[To] его стихотворение, которые мне нравится больше всего...' [Lazard 1966, 258].

По словам Ж. Лазара, (100) произносится с интонацией придаточного рестриктивного, однако оформить [ân] *še'r-e u* 'то его стихотворение' частицей *-i* не представляется возможным.

Вторым недостатком подхода Ж. Лазара является то, что случаи употребления *-i* с личными и указательными местоимениями (а также, видимо, и с именами собственными), имеющими придаточное, Ж. Лазар считает обычным употреблением *-i* при антецедентах придаточных рестриктивных. Становится неясным, что ограничивают подобные «придаточные рестриктивные», имеющие своими антецедентами личные и указательные местоимения.

Теперь вернемся к вопросу о двухпадежности персидского языка, поставленному в разделе **II.1.1.1. xii.**, *-i* не выполняет условие (iii), так как указывает на референциальный статус ИГ вообще, вне зависимости от того, является ИГ прямым, косвенным дополнением или подлежащим. Таким образом, *-i* не создает препятствий для того, чтобы *-ra*₁ считать падежом, а систему персидского языка — двухпадежной.

II.1.1.3. Одновременное употребление послелога *-ra* с постпозитивной морфемой *-i*

Иногда встречается одновременное оформление ПД *-i* и *-ra*. Рассмотрим все известные нам подобные случаи.

1. Как уже было сказано в предыдущем разделе, *-i* может выполнять функцию маркера единственного числа. Это значение может также передаваться с помощью лексемы *yek* 'один'. Возможно также совместное употребление *-i* и *yek*. Таким образом, одновременное употребление *-i* и *-ra* при ПД возможно в случае, если *-i* (или лексема *yek* 'один') маркирует единственное число, а *-ra* — падеж. Употребление *-ra* объясняется сильной

референтностью ПД (101), одушевленностью ПД (102)–(103)³¹. В некоторых случаях мотивация употребления *-râ* остается для нас неясной (104).

(101) *do morq... har kodâm yek pâý-šân-râ*
 два курица каждый из которой один нога-3МН-АКК
zir-e bâl-ešân gerefte₁ bud₂-and
 под-ИЗФ крыло-3МН брать:ППЕРФ_{1,2}-3МН
 ‘Две курицы стояли, спрятав одну лапу у себя под крылом’ [Смирнова 1974, 65].

(102) *mard-i-râ did*
 человек-НР-АКК видеть:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он видел одного человека’.

(103) *medâd-i xarid*
 карандаш-НР покупать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он купил один карандаш’.

(104) *in zanjir-e asrârâmiz-i ke vâqe'e-i-râ*
 этот цепочка-ИЗФ загадочный-НР который событие-НР-АКК
be vâqe'e-ye ba'di peyvand midâd
 ПРЕДЛ событие-ИЗФ следующий связывание давать:ИМФ.3ЕД
 ‘Эта загадочная цепочка, которая связывала одно событие с последующим событием...’ [Пауло Коэльо «Алхимик», перевод на персидский Деларайа Кахремана, с. 71]

2. Если ПД имеет определение *čonin* ‘такой’, ПД может оформляться одновременно и *i*, и *-râ* (хотя чаще оформляется только *-i*). *čonin* ‘такой’ в функции определения делает обязательным употребление *-i* после всей именной группы. *-râ* в этих случаях играет роль падежного маркера.

(105) *namâyandegân-e majles ke qasd-e erâ'e-ye*
 депутаты-ИЗФ Меджлис который намерение-ИЗФ предъявление-ИЗФ
čonin tarh-i-râ dâšt-and nazarât-e
 такой проект-НР-АКК иметь:ПРОШ-3МН надзор-ИЗФ
mašvarati-ye a'zâ-ye šabke-ye
 консультативный-ИЗФ представители-ИЗФ система-ИЗФ
bânkî ...-râ ham mixâst-and
 банковский...-АКК также хотеть:ИМПФ-3МН
 ‘... депутаты Меджлиса, которые имели намерение представить на рассмотрение такой проект, хотели также узнать мнения и советы представителей банков.’
 [www.hamshahri.org/hamnews/1383/831101/news/eqtes.htm#s2166]

Однако чаще ПД, имеющее определение *čonin* ‘такой’, оформляются только *-i*. О мотивации употребления *-râ* в данном случае будет сказано ниже в связи с рассмотрением гипотезы М. Дабира-Мукаддама.

³¹ Ж. Лазар считает, что в паре примеров (102)–(103) на употребление / неупотребление *-râ* влияет параметр человек / не-человек; однако он не приводит примеров с именами в функции ПД, отвечающими параметру «не-человек», но не отвечающими параметру «одушевленность».

Если ПД, имеющее определение *čonin* ‘такой’, стоит во множественном числе (*-hâ*), оно обязательно будет оформляться и *-i*, и *-râ* (по крайней мере нам не встречались контрпримеры):

(106) *hâlâ ke pedar o mâdar-am ma-râ be sofrexâne âvard-and, tâze ehsâs mikon-am ke dar Irân hast-am, Irân-e vâqe’i va bâstâni ke hame donyâ entezâr dâr-and čonin čiz-hâ-yi-râ dar ân be-bin-ad. engâr ke tamâm-e čiz-hâ-yi qašang o qadimi-râ injâ jam’ karde-and va in vâqe’an zibâ-st*

(интервью 22-летней Шахла Надери, которая пришла вместе со своей семьей в ресторан традиционной кухни) Сейчас, когда родители привели меня в этот ресторан, я уже чувствую, что нахожусь в Иране, в настоящем и древнем Иране, в котором весь мир ожидает увидеть **такие вещи**. Как будто все прекрасное и древнее собрали здесь. Это действительно красиво. www.hamshahri.org/vijenam/tehran/1383/830325/vijeh.htm

В приведенном примере наблюдается явное прагматическое выделение именной группы *такие вещи*. Рассмотрим, как объясняется подобное выделение в работе [Dabir-Moghaddam 1990, 35–37].

М. Дабир-Мукаддам рассматривает три предложения с одним и тем же ПД, маркированным только *-i*, только *-râ* и одновременно *-i* и *-râ*:

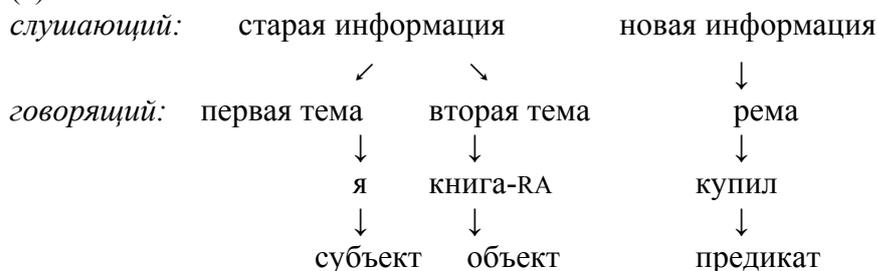
(107)

- a) *man ketâb-râ xarid-am*
я книга-АКК покупать:ПРОШ-1ЕД
‘Я купил эту книгу.’
- b) *man ketâb-i xarid-am*
я книга-НР покупать:ПРОШ-1ЕД
‘Я купил одну книгу.’
- c) *man ketâb-i-râ xarid-am*
я книга-НР-АКК покупать:ПРОШ-1ЕД
‘Я купил [такую] книгу, что...’
‘Я купил книгу, [которая]...’

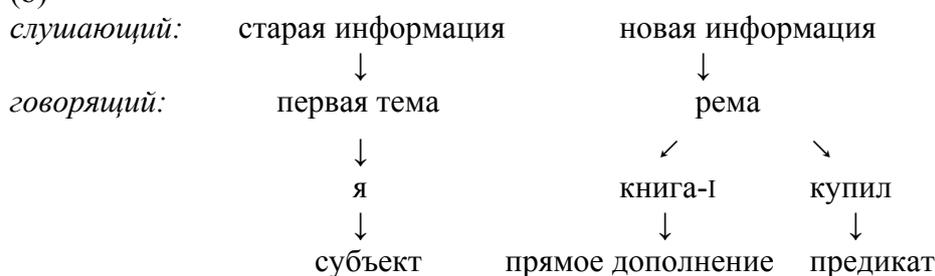
Предложение (a) может являться ответом на вопрос «в конце концов, какое решение ты принял насчет этой книги?». Другими словами, «книга» является темой. (b) может быть ответом на вопрос «что ты делал сегодня?». «Книга» является тут ремой. (c) может быть, как и (b), ответом на вопрос «что ты сегодня делал?». Однако, в отличие от (b), предложение (c) будет приемлемо только в том случае, если говорящий продолжит предложение и, таким образом, объяснит употребление *-râ* (например, *слушай, я купил такую книгу, ты не поверишь. Называется...*). Если же говорящий дальше не продолжит предложение, слушающий обязательно сочтет неполным или неправильным. «Книга» является тут как бы преждевременной темой, «неполновыраженной ремой» (М. Дабир-Мукаддам употребляет тут термин «вторая тема»). Употребление в данном случае послелого «подготавливает почву для выражения ремы».

М. Дабир-Мукаддам исходит из того, что на тему и рему предложение разделяет говорящий. Слушающий же разделяет предложение на старую и новую информацию. Тема-рематическое членение предложения и выделение старой и новой информации не всегда совпадают. Исходя из этих рассуждений, различие предложений (а), (b) и (с) можно представить следующим образом:

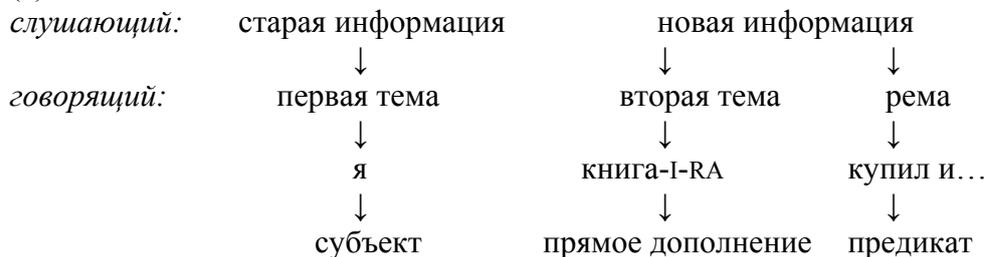
(а)



(b)



(с)



(с) показывает несовпадение тема-рематического членения и разделения на данное и новое. Новым является и 'книга', и 'купил', однако, в отличие от (b), ремой является только 'купил'.

Разведение терминов «тема — старая информация», «рема — новая информация» сейчас уже не ново для лингвистики. Примеры несовпадения тема-рематического членения и разделения на старую и новую информацию в русском языке можно найти в учебнике Я.Г. Тестельца [2001, 456–457]. Действительно, говорящий, намеренно выставляя новую информацию как тему, вызывает заинтересованность в данном предмете у слушающего (предложение *Слушай, я купил такую книгу...* с повышением интонации на *такую* провоцирует слушающего поинтересоваться, что за книгу я купил). Такое

выставление новой информации как темы часто может использоваться в художественной литературе как стилистический прием.

Теперь вернемся к вопросу о возможности объяснения всех случаев употребления *-râ* через топиализацию, которая обсуждалась в разделе **П.1.1.1. v.** Если понятие топиализации расширить и включить в него вторую тему, можно сказать, что *-râ* обязателен и возможен только когда объект топиализован.

3. Когда к ПД относится вопросительное местоимение *če* ‘что’ и предложение является вопросительным, ПД обычно оформляется и *-i*, и *-râ* (108). Если предложение при этом восклицательное, чаще ПД оформляется только *-i* (109). Если ПД стоит во множественном числе, одновременное оформление *-i* и *-râ* становится обязательным (110).

(108) *dar Tehrân če rešte-yi-râ entexâb kard-id*
ПРЕДЛ Тегеран что специальность-НР-АКК выбор делать:ПРОШ-2МН
‘Какую специальность ты выбрал в Тегеране?’

(109) *če donyâ-yi ke bâ to na-dâšt-im*
что мир-НР который ПРЕДЛ ты не-иметь:ПРОШ-1МН
tâ kojâ-hâ ke bâ to na-raft-im
ПРЕДЛ куда-МН который ПРЕДЛ ты не-идти:ПРОШ-1МН
‘Чего только мы с тобой не видели (букв. «какой только мы мир мы с тобой не имели»), куда только мы с тобой не ходили’ (Ali Akbar Kermâni Nežâd “Šomâ čiz-i gom nakardin. Majmu’e-ye dâstân”)

(110) *harf-râ kešid-am be inke_{1,2}*
слово-АКК тянуть:ПРОШ-1ЕД ПРЕДЛ то₁ что₂
če ketâb-hâ-i-râ dust dâr-i va če mixân-i
что книга-МН-НР-АКК друг иметь:НАСТ-2ЕД и что читать:НАСТ-2ЕД
‘Мы завели разговор о том, «какие книги ты любишь и какие читаешь»’ (Nâder Erfâni “Ma’nâ-ye zendegi”)

4. При одновременном использовании *-râ* и *-i* ПД часто релятивизируется, что подтверждает предположение М. Дабира-Мукаддама о том, что в таких случаях информация о ПД является неполной, и предложение должно быть продолжено.

Дж. Гомеши [Ghomeshi 1997, 142], ссылаясь на С. Карими [Karimi 1990, 147], пишет, что имя в позиции прямого дополнения, при котором имеется релятивная клауза, обязательно будет оформлено послелогом *-râ*³². К объяснению обязательного

³² Однако, как уже было сказано в разделе **П.1.1.1.0.**, встречается (хотя и довольно редко) оформление всего придаточного вместе со своим антецедентом (выполняющим функцию ПД главного предложения) как единого целого. В данном случае ПД является все придаточное вместе со своим антецедентом:

употребления *-râ* при релятивизированном объекте можно подойти с другой стороны. Релятивизируясь, объект автоматически становится референтным.

- (111) *ketâb-i-râ ke diruz dar bâr-aš harf*
 книга-НР-РА который вчера ПРЕДЛ ПРЕДЛ-3ЕД разговор
mizad-im xarid-am
 бить:ИМПФ-2МН покупать:ПРОШ.1ЕД
 ‘Я купил книгу, о которой мы говорили вчера.’ [Karimi 1990, 147.21]
- (112) **ketâb-i ke diruz darbâr-aš harf mizadim xaridam*
 [Karimi 1990, 147.22]

Единственный аргумент против этого утверждения можно найти в работе М. Дабира-Мукаддама [Dabir-Moghaddam 1990, 40]:

- (113) *bu-ye namnâk-i ke az gisuv-ân-e sangin-e*
 запах влажный-НР который ПРЕДЛ коса-МН-ИЗФ тяжелый-ИЗФ
siyâh-aš motasâ'ed mišod be-bu-yim
 черный-3ЕД испаряющийся становится:ИМПФ.3ЕД КОН-нюхать-2МН
 ‘Понюхаем влажный запах, который исходил от ее тяжелых черных кос.’
- (114) *angoštar-i ke dar dast dâšt*
 кольцо-НР который ПРЕДЛ рука иметь:ПРОШ.3ЕД
birun âvard
 наружу приносить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он показал кольцо, которое было у него в руке.’

В примере (113) ПД является *bu-ye namnâk* «влажный запах», придаточное определительное *az gisuv-ân-e sangin-e siyâh-aš motasâ'ed mišod* «испарялся из ее тяжелый черных кос» относится к ПД. ПД в данном предложении имеет определение и релятивную клаузу и, без сомнения, референтно, следовательно, должно быть оформлено *-râ*. Однако, как мы видим, в данном предложении *-râ* отсутствует.

В примере (114) ПД *angoštar* «кольцо» имеет придаточное определительное и, более того, является ПД не только главного предложения, но и придаточного определительного. Однако по каким-то причинам ПД не получает оформления послелогом.

Данные примеры взяты автором из произведения Садека Хедаята «Слепая сова» (*buf-e kur*). С. Карами [Karimi 1991, 25] пишет, что данный иранский писатель часто нарушает правила языка в стилистических целях. В творчестве Садека Хедаята встречается частое опущения послелого. Несколько опрошенных информантов признают данные примеры

omidvâr-im [amvâl-e farhangi-ye kešvar ke
 надеющийся-2МН имущество-ИЗФ культурное-ИЗФ страна который
be tour-e qeyr-e qânuni az mamlakat xârej
 ПРЕДЛ образ-ИЗФ не-ИЗФ законный ПРЕДЛ страна внешний
šode-ast]пд-râ bâz pas be-gir-im
 становится:ПЕРФ-3ЕД-РА снова обратно КОН-брат-2МН
 ‘Мы надеемся вернуть культурные ценности страны, которые незаконно были вывезены за пределы государства’ [Веретенников 1994, 134].

неправильными. Таким образом, их нельзя считать аргументами против вышеизложенной функции *-râ*. Если послелог можно опускать в стилистических целях, задачей дальнейшего исследования может стать выяснение того, насколько широка сфера распространения этого стилистического приема. В любом случае, раз существует такой прием, одни правила употребления послелога могут оказаться менее обязательными, другие – более обязательными.

В целом относительно одновременного употребления *-i* и *-râ* можно сказать, что в таком случае всегда происходит некоторое прагматическое выделение объекта, более точно охарактеризовать которое мы не беремся. Понятие второй темы далеко не всегда может объяснить одновременное употребление *-i* и *-râ*, так как объект, одновременно оформленный *-i* и *-râ*, совершенно не обязательно должен стать предметом обсуждения в последующих предложениях (напомним, что М. Дабир-Мукаддам считает, что предложение, в котором объект оформлен *-i* и *-râ*, обязательно должно быть продолжено, чтобы объяснить слушающему причины такого оформления объекта).

II.1.2. Нереперентность ПД

Если с ПД не употребляется ни послелог *-râ*, ни морфема *-i*, оно является нереперентным, т.е. выражает объект как представитель всего класса – объект именно из этого класса, а не из какого-либо другого. Рассмотрим примеры.

(115) *in sib-e porâb-râ be-yâr*
 этот яблоко сочный-АКК ИМП-нести.2ЕД
 ‘Принеси это сочное яблоко’.

(116) *sib be-yâr*
 яблоко ИМП-нести.2ЕД
 ‘Принеси яблок’ (а не груш).

(117) *âb-râ be-deh*
 вода-АКК ИМП-давать.2ЕД
 ‘Дай воду.’

(118) *âb be-deh*
 вода ИМП-давать.2ЕД
 ‘Дай воды.’

В (115) ПД реперентно (подразумевается конкретное яблоко), в (116) – нереперентно (подразумевается класс яблок). Примеры (117) и (118) различаются тем, что в (117) имеется в виду конкретная вода, определенное количество воды или вода, необходимая

для какой-то цели, например, умыться или попить; вода в (117) референтна. В (118) подразумевается неопределенное количество воды без уточнения, для чего она необходима; вода в (118) нереферентна.

II.2. Детерминация подлежащего

Детерминация подлежащего существенно отличается от детерминации ПД и заслуживает отдельного рассмотрения. Из показателей детерминации к подлежащему может присоединяться только показатель неопределенной референтности *-i*. Следовательно, с *-i* подлежащее будет всегда референтным и неопределенным. Без *-i* подлежащее может быть как референтным, так и нереферентным. Бывает, что референтность или неферентность подлежащего без *-i* не определить даже по контексту. Рассмотрим следующие примеры:

- (119) *mard-i* *âmad*
человек-НР приходит:ПРОШ.ЗЕД
‘Какой-то человек пришел’.
- (120) *mard* *o zan* *âmad-and*
мужчина и женщина приходит:ПРОШ-ЗМН
а) ‘Пришли мужчина и женщина’.
б) ‘Пришли люди’, букв. «мужчины и женщины»’.

При а) подлежащее референтно, при б) – нереферентно.

Часто *-i* употребляется с релятивизируемым подлежащим, являющимся нарицательным существительным. Имеются случаи употребления *-i* с релятивизируемыми подлежащими, выраженными именами собственными или личными местоимениями. В доступных мне грамматиках персидского языка ничего не говорится о том, какую роль играет *-i* в этом последнем случае.

II.3 Число

Число в персидском языке непосредственно связано с категорией детерминации и заслуживает отдельного рассмотрения. В отношении прямого дополнения и подлежащего эта категория проявляет себя по-разному. Единственное число маркируется постпозитивной *-i* (более подробно об этой морфеме см. в II.1.1.2.) или аналитически,

словом *yek* ‘один’, а иногда совместным употреблением *-i* и *yek*; множественное – суффиксами *-hâ* или *-ân*; у некоторых арабских заимствований возможна также заимствованная форма множественного числа из арабского языка. Не будем останавливаться на том, в чем различие между маркированием числа тем или иным суффиксом или суффиксом и отдельным словом и насколько распространенными являются арабские модели множественного числа. Множественное число употребляется только при определенно-референтных именах, например, *zan* ‘женщина / женщины’, *zan-hâ* ‘(эти) женщины’. Возможно одновременное употребление *-hâ* и *-i*. В таком случае лексема становится неопределенно-референтной и приобретает неопределенную множественность, например, *zan* ‘женщина’, *zan-hâ* ‘(эти) женщины’, *zan-hâ-yi* ‘некоторое количество женщин’.

С послелогом *-râ* могут употребляться показатели множественного числа и, как мы уже видели, морфема *-i* (хотя, скорее всего, употребляясь одновременно с *-râ*, *-i* не всегда выполняет функцию маркера единственного числа). При этом порядок присоединения всегда будет следующим: корень, показатель множественного числа, *-i*, *-râ*. То есть *-i* не может стоять раньше суффикса множественного числа, а *-râ* – раньше *-i* и суффикса множественного числа.

Возможно также одновременное употребление при ПД слова *yek* и *-râ*, пример (121). В данном случае *yek* является маркером единственного числа. Если ПД при этом не является сильно референтным, употребление *-râ* необязательно, пример (122).

(121) *do morq... har kodâm yek pây-šân-râ*
 два курица каждый из которой один нога-3МН-АКК
zir-e bâl-ešân gerfte bud-and
 под-ИЗФ крыло-3МН брать:ППЕРФ-3МН
 ‘Две курицы стояли, спрятав одну лапу у себя под крылом.’ [Смирнова 1974, 65]

(122) *yek xalqe barâ-ye to xarid-am*
 один кольцо ПРЕДЛ-ИЗФ ты покупать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я купил тебе кольцо.’ [Смирнова 1974, 63]

Дж. Гомеши [Ghomeshi 2003, 60] утверждает, что при показателях множественного числа ПД воспринимается или как определенное (в этом случае всегда обязательно употребление послелога *-râ*) или как неопределенное (обязательно употребление *-i*).

(123) *ketâb-hâ-ye jâleb-i xund-am*
 книга-МН-ИЗФ интересный-НР читать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я читал (какие-то) интересные книги’.

(124) *ketâb-hâ-ye jâleb-o xund-am*
 книга-МН-ИЗФ интересный-РА читать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я читал эти интересные книги’.

- (125) **ketâb-hâ-ye* *jâleb* *xund-am*
 книга-МН-ИЗФ интересный читать:ПРОШ-1ЕД

Исследование, проведенное Дж. Гомеши, показывает, что ПД с показателем множественного числа всегда будет, по крайней мере, референтным, то есть обязательным является употребление либо *-râ*, либо *-i* (примеры (123) и (124)). Данный вывод согласуется с замечаниями, сделанными в работе И.А. Смирновой [1974, 68—69].

Однако в той же работе [Смирнова 1974, 68—69], а также в исследовании, проведенном Дж. Гомеши [Ghomeshi 2003, 58], говорится о некоторых случаях употребления множественного числа с именными группами, занимающими позицию ПД и не имеющими ни *-râ*, ни *-i*. Рассмотрим примеры из работы [Ghomeshi 2003, 58]:

- (126) *bahs* *kard-im*
 дискуссия делать:ПРОШ-2МН
 ‘Мы дискутировали.’
- (127) *bahs-[h]â* *kard-im*
 дискуссия-МН делать:ПРОШ-2МН
 ‘Мы часто дискутировали.’
- (128) *dard* *kešid-im*
 боль тянуть:ПРОШ-2МН
 ‘Мы страдали от боли.’
- (129) *dard-hâ* *kešid-im*
 боль-МН тянуть:ПРОШ-2МН
 ‘Мы постоянно страдали от боли.’

Как замечает Дж. Гомеши, в (127) и (129) *-hâ*, присоединяясь к именной части сложного глагола, ставит не имя во множественное число, а обеспечивает итеративное прочтение всей конструкции³³ (под «итеративным значением» подразумевается такой тип множества ситуаций, в котором «каждая из ситуаций, входящих в множество, осуществляется в свой отдельный период времени» при этом «в каждой из повторяющихся ситуаций, входящих в множество, участвуют тождественные наборы актантов [Храковский 1989, 23—24]).

Из примеров, которые приводит в своей работе И.А. Смирнова [1974,69], видно, что при итеративном прочтении именная группа с суффиксов *-hâ* может быть довольно длинной, может отрываться от глагола косвенным дополнением, а также суффикс *-hâ* при релятивизированной именной группе (конструкция с *ke*) может стоять после

³³ Сходное употребление множественного числа замечено Б.Я. Островским [2004, 199] в языке дари: «На многократность может также указывать употребление именной части сложного глагола в форме множественного числа; например: *Javânân-e konjkâv bêqarâri-hâ namudand-o hila-hâ angêxtand-o xâheš-hâ namudand* «Любознательные юноши (неоднократно) хлопотали (букв. делали беспокойства), прибегали к уловкам (букв. возбуждали хитрости) и увещаниям (букв. делали просьбы)».

релятивизатора *-i*, что говорит о том, что в данном случае явно происходит нарушение нормы присоединения суффикса множественного числа к имени. Однако возможное рассмотрения суффикса *-hâ* как маркера итератива при определенных условиях, требует подробного исследования, которое выходит за рамки данной работы.

-i, являясь формальным показателем единственного числа, тоже может присоединяться к именной части СГ. Рассмотрим следующий пример из [Рубинчик 2001, 456]:

(130) *mixâh-am* *be* *dust-am* *sar-i* *be-zan-am*
 хотеть:НАСТ-1ЕД ПРЕДЛ друг-1ЕД голова-НР КОН-бить-1ЕД
 ‘Я хочу заглянуть (зайти в гости) к другу.’

В примере представлен СГ *sar zadan* ‘заходить ненадолго, заглядывать’. *-i*, употребляясь с именной частью СГ, скорее всего указывает на пунктивное значение всей ситуации (т.е. ситуация описывается в целом, как мгновенное событие, не имеющее длительности).

Что касается влияния числа на детерминацию подлежащего, можно сказать, что если подлежащее имеет показатели числа, оно будет сильнореферентно, если не имеет, подлежащее может быть или слабореферентно, или нереперентно.

II.4 Разговорный суффикс *-e*

В разговорном персидском употребляется суффикс (т.е. ударная морфема, присоединяющаяся к концу лексемы) *-e* (*-ye* после гласного *-i*, *-he* после остальных гласных). *-e* может употребляться с прямым, косвенным дополнениями и подлежащим и указывает на сильнореферентный статус оформляемого им слова.

(131) *kelid* *ru-ye* *miz-é* *ast*
 ключ поверхность-ИЗФ стол- быть:3ЕД
 ‘Ключ на (этом) столе.’ [Lazard 1957, 69]

(132) [*in donyâ qašang*]-*é-râ* *konfayakun* *kard*
 этот мир красивый--АКК творение делать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он разрушил этот прекрасный мир.’ [Lazard 1957, 69]

Как видно из (132), данный суффикс, также как и послелог *-râ* и безударная морфема *i*, присоединяется ко всей именной группе. Из примера (132) можно сделать вывод, что при употреблении *-e* с ПД оно становится сильнореферентным и обязательно маркируется послелогом *-râ*. Ж. Лазар [Lazard 1957, 69] отмечает, что *-e* не может присоединяться к

имени, оформленному суффиксом множественного числа ($-h\acute{a}$, $-ān$). Можно сказать, что суффикс $-e$ и суффикс множественного числа, имея сходную функцию, находятся в дополнительной дистрибуции (см. литературу по данной теме в [Windfuhr 1979, 41])

Как отмечает А. Хорасани (по [Windfuhr 1979, 41]³⁴) $-e$ может также присоединяться к именам собственным, например, *Hoseyn-e* ‘тот самый Хусейн’

Нужно отметить, что $-e$ встречается только в разговорном стиле персидского языка и является факультативным маркером определенной референтности.

II.5. Вывод о системе детерминации ПД и подлежащего

Таким образом, в персидском языке мы имеем дело с двумя системами детерминации, ПД и подлежащего. Противопоставляется нереферентное ПД (без каких-либо морфологических показателей) и референтное ПД ($-r\acute{a}$, $-i$, $-h\acute{a}$, $-e$). Референтное ПД может быть определенным референтным ($-r\acute{a}$, $-h\acute{a} + -r\acute{a}$, $-e + -r\acute{a}$) и неопределенным референтным ($-i$, $-h\acute{a} + -i$). Относительно подлежащего можно сказать, что неопределенное референтное подлежащее ($-i$) и определенно референтное подлежащее во множественном числе ($-h\acute{a}$) противопоставляется всему остальному, т. е. определенному референтному подлежащему в единственном числе и нереферентному подлежащему. Определенно референтное подлежащее в единственном числе может (только в разговорном стиле) быть факультативно маркировано суффиксом $-e$. Две системы детерминации можно схематично изобразить следующим образом:

³⁴ К сожалению, Г. Виндфур не указывает, в какой именно работе А. Хорасани отмечает данное свойство суффикса $-e$.

| | | | |
|---|---------------------------|-----|------------------|
| Референтное ПД | | vs. | Нереферентное ПД |
| ↙ | ↘ | | |
| Определенное | Неопределенное | | |
| $-r\acute{a}$, $-h\acute{a}$ $+r\acute{a}$, $-e$ $+r\acute{a}$ | $-i$, $-h\acute{a}$ $+i$ | | ∅ |

| | | | |
|---|--|-----|--|
| Референтное неопределенное подлежащее | Референтное определенное подлежащее множественного числа $-h\acute{a}$ | vs. | Референтное определенное подлежащее в единственном числе (факультативное $-e$), Нереферентное подлежащее |
| $-i$ | | | ∅ |

III. Прямое дополнение: постановка проблемы

Теперь рассмотрим прямое дополнение (ПД) в современном персидском языке. Основной порядок слов в этом языке SOV [Karimi 1994; Рубинчик 2001, 475], позиция ПД фиксированная, перед глаголом. Возможно перемещение ПД за глагол, что воспринимается как его прагматическое выделение. Л. С. Пейсиков пишет, что ПД, вынесенное за глагол, обязательно должно оформляться показателем *-rā* [Пейсиков 1960, 116]. Как было показано в предыдущей главе II, единственным морфологическим показателем, употребляющимся только с ПД, является послелог *-rā*. Но *-rā* употребляется только тогда, когда ПД является референтным и определенным. Если ПД нереперентно, оно будет находиться непосредственно перед глаголом, и при этом не будет иметь никаких морфологических показателей. Такая позиция ПД и отсутствие морфологических показателей заставляли Л. С. Пейсикова изложить проблему следующим образом [1960, 116]: «прямое дополнение в общем падеже (т.е. без морфологических показателей — *A.B.*) всегда помещается перед глаголом-сказуемым, примыкает к нему. Тем самым устанавливается тесная связь прямого дополнения со сказуемым, доходящая часто до лексического объединения. Например, трудно сказать, что мы имеем в предложении *Hasan doruy mige* – прямое дополнение *doruy* (ложь говорит) или сложное сказуемое *doruy mige* (лжет)? Во всяком случае, примыкание в данном примере нарушить невозможно. Перемещение прямого дополнения за сказуемое влечет за собой изменение падежного оформления объекта и, следовательно, зачастую более конкретное толкование».

На вопрос, поставленный Л.С. Пейсиковым уже почти полвека назад, ни в отечественных, ни в зарубежных работах до сих пор не дано исчерпывающего ответа. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, в следующих двух главах (IV.1 «Сложные глаголы» (СГ), IV.2 Механизм образования СГ, IV.3 Свойства СГ, V. Инкорпорация) мы обратимся к так называемым «сложным глаголам», подробно рассмотрим их свойства и механизм образования, а затем вернемся к поставленной проблеме идентификации неоформленного ПД в персидском языке.

IV.1 «Сложные глаголы» (СГ)

В отечественной иранистике нет четкого определения «сложных глаголов» (СГ). Ю.А. Рубинчик ограничивается следующим указанием: «Двучленные глагольные ФЕ (фразеологические единицы. – *A.B*) в многочисленных работах, грамматиках и учебниках персидского языка обычно называются сложными глаголами» [1981, 114]. К глагольным ФЕ он относит «устойчивые словосочетания, состоящие из двух основных частей – именной и глагольной. Именная часть ... может состоять из одного, двух или более слов, глагольная часть выражается простым, префиксальным или сложным глаголом»³⁵ [1981, 113]. Таким образом, Ю.А. Рубинчик пытается трактовать категорию «сложных глаголов» в терминах фразеологии, то есть выводит эту категорию за пределы грамматики. Позже мы вернемся к описанию СГ, сейчас же рассмотрим историю возникновения СГ.

Дж. Хейг делает предположение [Heig 2002, 43], что развитие СГ в иранских языках началось с конструкции «глагол плюс частица», по образцу которой постепенно стали образовываться конструкции «имя плюс глагол». Схематично Хейг изображает появление глагольно-именных комплексов следующим образом:

particle+verb→adjective+verb→noun+verb

Ш. Ахади [Ahadi 2000b, 215], ссылаясь на Г. Шайнтух [Sheintuch 1976, 139], отмечает, что сложные глаголы имелись уже в авестийском и среднеперсидском, однако их число было незначительным. Простые и префиксальные глаголы абсолютно преобладали. Завоевание Ирана арабами в середине VII века, а вместе с этим и приобретение арабским языком статуса официального языка повлекли за собой большие изменения в развитии персидского языка: он сохранил за собой только статус разговорного языка. До нас дошло крайне мало письменных памятников, относящихся к периоду с VIII по X вв. – лишь несколько стихотворных отрывков. В X веке, как только появляются тексты на персидском языке, наблюдается появление огромного количества арабских заимствований и, вместе с тем, сложных глаголов, именными компонентами которых часто выступают арабские слова. Ш. Ахади считает, что именно многочисленные арабские заимствования способствовали массовому возникновению сложных глаголов. Постепенно модель образования сложных глаголов (назовем ее аналитической) вытеснила другие, морфологические модели глагольного словообразования. Ш. Ахади не указывает, хотя бы приблизительно, когда новая аналитическая модель образования глаголов стала

³⁵ Само определение СГ как «двучленных глагольных фразеологических единиц», в которых глагольная часть может выражаться сложным глаголом, уже противоречиво.

преобладающей в языке. Ю.А. Рубинчик, ссылаясь на П. Ханляри [Khanlari 1349 / 1971, 91], указывает, что «процесс активного образования СГ наблюдается в персидском языке начиная с XIII века». Е.Е. Арманд отмечает [2000, 16–17], «что в классических персидских текстах (как в прозаических, так и в поэтических) количество префиксальных и сложных глаголов примерно одинаково, при этом оно вдвое меньше, чем количество простых глаголов». Далее этот автор отмечает, что вплоть до XIV века префиксальный способ образования новых глаголов был относительно продуктивен. Таким образом, в классическом персидском языке (X–XIV вв.) аналитическая модель образования новых глаголов уже была продуктивной, но не преобладающей. После XIV века прекратилось образование новых префиксальных глаголов и осталось только два способа глагольного словообразования – по модели сложных глаголов и отыменной деривацией при помощи суффикса *-id*. М. Салихов [1993, 7], проведя статистический анализ соотношения сложных, префиксальных и простых глаголов в «Истории Бейхаки» (произведение на классическом персидском языке второй половины XI века), пишет: «Тенденция развития новоперсидской глагольной системы явно заключается в вытеснении префиксальных и простых глаголов сложно-именными, хотя документально это подтверждено не было. Был проведен подсчет сложных, префиксальных и простых глаголов на 20 страницах из разных мест памятника, где идет обычное повествование об исторических событиях и нет ни стихов, ни арабских цитат, ни изложения писем или документов... В целом количество сложно-именных и префиксальных глаголов примерно равно, оно вдвое меньше, чем количество простых глаголов. Из этих подсчетов явствует, что префиксальные глаголы применялись в количественном отношении так же часто, как и сложные глаголы, то есть были равноправным способом образования глагольной лексики... В результате проведенного статистического анализа выясняется, что тенденция к вытеснению сложно-именным типом префиксальных глаголов уже намечается».

Таким образом, на данный момент можно сказать определенно, что модель образования СГ могла стать преобладающей только после XIV века.

Сложные глаголы формируются на основе простых. Этим последним в персидском языке сравнительно немного: в словаре Ю.А. Рубинчика [Рубинчик 1983] мы насчитали их 564. Уместно сделать оговорку, что большое количество глаголов из этого списка являются устаревшими, носители современного языка не употребляют и даже не узнают их. Исследователи по-разному оценивают количество активно используемых в современном языке простых глаголов, от 115 [Mohammad and Karimi 1992] до 279 [Khanlari 1986]. В любом случае, их не более 300. Считается, что далеко не все простые

глаголы могут выступать в качестве глагольной составляющей СГ. Ниже приводится список простых глаголов, наиболее употребительных в составе двусоставных СГ по типу существительное + глагол (именно данный тип СГ станет предметом рассмотрения в данной работе)³⁶.

| | |
|-----------------|---|
| <i>andâxtan</i> | ‘бросать’, например, <i>qor’e andâxtan</i> ‘бросать жребий’, букв. «жребий бросать» |
| <i>âvardan</i> | ‘приносить’, например, <i>dalil âvardan</i> ‘приводить аргументы’, букв. «аргумент приносить» |
| <i>bastan</i> | ‘связывать’, например, <i>šart bastan</i> ‘заключать пари’, букв. «условие связывать» |
| <i>dâštan</i> | ‘иметь’, например, <i>edâme dâštan</i> ‘продолжаться’, букв. «продолжение иметь» |
| <i>dâdan</i> | ‘давать’, например, <i>nešân dâdan</i> ‘показывать’, букв. «знак давать» |
| <i>didan</i> | ‘видеть’, например, <i>zarar didan</i> ‘нести убытки’, букв. «убыток видеть» |
| <i>zadan</i> | ‘бить’, например, <i>qadam zadan</i> ‘шагать’, букв. «шаг бить» |
| <i>xordan</i> | ‘есть’, например, <i>zamin xordan</i> ‘упасть’, букв. «земля есть» |
| <i>kardan</i> | ‘делать’, например, <i>sar kardan</i> ‘надевать на голову’, букв. «голова делать» |
| <i>kešidan</i> | ‘тянуть’, например, <i>dâd kešidan</i> ‘звать на помощь’, букв. «крик о помощи тянуть» |
| <i>gereftan</i> | ‘брать’, например, <i>vâm gereftan</i> ‘брать займы / в кредит’, букв. «заем / кредит брать» |
| <i>šodan</i> | ‘становиться’, например, <i>šoru’ šodan</i> ‘начинаться’, букв. «начало становиться» |

Существует также некоторое количество синонимических пар простых глаголов, различающихся по регистру:

| | |
|-----------------|--|
| <i>baxšidan</i> | ‘дарить’ (высокий стиль для ‘давать’ <i>dâdan</i>) |
| <i>gardidan</i> | ‘крутить(ся), вертеть(ся)’ (высокий стиль для ‘становиться’ <i>šodan</i>) |
| <i>namudan</i> | ‘класть’ (высокий стиль для ‘делать’ <i>kardan</i>) |
| <i>farmudan</i> | ‘приказывать’ (высокий стиль для ‘делать’ <i>kardan</i>) |

СГ с глаголами *xordan* и *šodan* всегда непереходные; СГ с глаголом *kešidan*, по словам М. Дабира-Мукаддама [Dabir-Moghaddam 1997, 39], почти всегда непереходные.³⁷ Остальные глаголы могут образовывать как переходные, так и непереходные СГ.

Из дальнейшего изложения будет понятно, что подход к СГ, основанный на семантике и фразеологичности последних (который принят в отечественной иранистической традиции), имеет много недостатков. Мы предлагаем отказаться от фразеологического подхода к СГ и определять их на основе синтаксических и морфологических свойств. Нужно признать, что при таком подходе определить то или иное глагольно-именные словосочетание как СГ или как неоформленное дополнение и простой глагол возможно

³⁶ В переводе дается основное значение простого глагола. Как будет показано в главе XII, значение глагола в составе СГ отличается от того, которое выражает данный глагол, употребляясь отдельно.

только в ходе опроса информанта. Таким образом, для того, чтобы составить полный список простых глаголов, обладающих способностью образовывать СГ, нужно провести объемную работу с информантом. Предполагается, что в результате такой работы окажется, что любой более или менее часто употребляющийся в современном языке глагол сможет выступать в качестве глагольной компоненты двусоставного СГ, образованного по типу существительное + глагол.

Количество СГ не поддается исчислению. Довольно часто они выражают семантически базовое действие или состояние. Например, 'любить' – *dust dâštan* (букв. «друг иметь»), 'работать' – *kâr kardan* («работа делать»), 'играть' – *bâzi kardan* («игра делать»), 'спрашивать' – *so'âl namudan* («вопрос показывать»). В современном языке способ пополнения глагольного лексикона путем образования сложных глаголов является абсолютно преобладающим. По словам Ю.А. Рубинчика, «простые и префиксальные глаголы представляют собой закрытые группы, которые не пополняются новыми глагольными образованиями» [2001, 204]. Если не учитывать каузативной деривации с помощью суффикса *-ân*, которая, если и используется в современном языке для образования новых глаголов, то довольно редко, можно сказать, что в современном персидском языке образование новых глаголов по модели СГ является не просто преобладающим, а единственным продуктивным способом глаголообразования. Для передачи заимствований из других языков тоже используются СГ, состоящие из заимствованного слова в качестве именной компоненты и простого глагола. Например, *imeil zadan* 'писать по электронной почте' (букв. «электронная почта бить»), *telefon kardan* 'звонить по телефону' («телефон делать»), *faks kardan* 'посылать по факсу' («факс делать»), *sigar kešidan* 'курить' («сигарета тянуть»), *čenj kardan* 'менять валюту'. У персов-билингвов при переключении кодов (см., например, [Lotfabadi 2002] о шведско-персидском переключении кодов) или для выражении реалий, отсутствующих в иранской культуре, в качестве именной компоненты СГ используется заимствованная лексема или словосочетание, в качестве глагольной компоненты – простой глагол *kardan* 'делать' или *šodan* 'становиться' (примеры из [Megerdooian 2002, 58]: *cancel kardan* 'отменить' (to cancel), *announce kardan* 'объявить' (to announce), *take-a-chance kardan* 'попытаться' (to take a chance).

Механизм образования СГ в отечественной иранистике описывается примерно следующим образом: именная часть присоединяется к глагольной, при этом одна или обе части подвергаются некому «переосмыслению» и образуют фразеологическую единицу,

³⁷ примеры переходных СГ с данным глаголом: *âb kešidan* 'полоскать' (букв. «вода тянуть»); *utu kešidan*

которая обладает различной «степенью устойчивости» и которая представляет собой сложный глагол. Под «устойчивостью» понимается степень переосмысления компонентов, входящих в СГ [Рубинчик 1981, 121]. В качестве иллюстрации этот автор приводит такие примеры:

sib xordan ‘есть яблоко’
zamin xordan ‘падать’ (букв. «земля есть»).

Первый пример автор считает свободным словосочетанием, второй – сложным глаголом. Однако вслед за этим Ю.А. Рубинчик, продолжая описывать свойства и особенности СГ, относит к СГ такие словосочетания, как *kâr kardan* ‘работать’ (‘работа делать’), *zang zadan* ‘звонить’ (‘звон бить’), *nafas kešidan* ‘дышать’ (‘вдох тянуть’). Если интуитивно и чувствуется разница между *sib xordan* ‘есть яблоко’ и *zamin xordan* ‘падать’ (последнее воспринимается как нечто фразеологическое), то совершенно непонятно, в чем отличие трактуемого как свободное сочетание примера *sib xordan* ‘есть яблоко’ от *kâr kardan* ‘работать’ (‘работа делать’) или *zang zadan* ‘звонить’ (‘звон бить’) и на каком основании *sib xordan* считается свободным словосочетанием, а вышеприведенные примеры – сложными глаголами.

Итак, как мы видели, в исследованиях отечественной иранистики нет четкого критерия для отнесения к СГ того или иного словосочетания. Подход к СГ как к фразеологическим единицам также не имеет предсказательной силы, являясь чисто дескриптивным. Он только описывает свойства СГ и их отдельных компонентов, пытается установить, какой устойчивостью обладает тот или иной СГ. Однако что получится в результате соединения именной компоненты с глагольной, произойдет ли при этом семантический сдвиг или нет, а если произойдет, то какой, данный подход к СГ предсказать не в силах.

В следующем разделе мы попытаемся описать механизм образования СГ, не прибегая к фразеологии.

IV.2 Механизм образования СГ

Нужно сразу оговорить, что здесь и далее речь пойдет только о двусоставных СГ, именной компонентой которых является существительное.

Как было показано в предыдущем разделе, определение СГ как «двучленных глагольных фразеологизмов» нельзя признать удовлетворительным. Чтобы понять, что

‘гладить’ (букв. «утюг тянуть»); *jâru kešidan* ‘подметать’ (букв. «метла тянуть»)

представляют собой СГ, и по какому механизму они образуются, рассмотрим следующие примеры.

(133) *mâ* *otâq-râ* *âyin* *bast-im*
мы комната-АКК украшение привязывать:ПРОШ-1МН
'Мы украсили комнату'.

(134) *in* *âyin-râ* *bast-am*
этот украшение-АКК привязывать:ПРОШ-1ЕД
'Я привязал это украшение'.

В примере (133) *mâ* 'мы' является подлежащим, *otâq* 'комната' – прямым дополнением, *bastim* 'мы привязываем' – видимо, сказуемым. Но какую синтаксическую функцию несет *âyin* 'украшение'? Так как нейтральным порядком слов в персидском языке является SOV (подлежащее-прямое дополнение-сказуемое), можно предположить, что *âyin* является ПД. Но у нас уже есть одно прямое дополнение – *otâq*. Считать, что *âyin* составляет вместе с *otâq* одну именную группу, являющую собой ПД (что-то вроде «украшения комнаты», «комнатные украшения»), не представляется логичным, так как тогда *-râ* переместился бы в конец именной группы и стоял бы после *âyin*. Считать *âyin* косвенным дополнением тоже не представляется возможным, – косвенное дополнение обычно вводится предлогом. Остается только один выход – считать *âyin* частью глагола. В таком случае, *mâ* – подлежащее, *otâq* – прямое дополнение, *âyin bastim* – сказуемое. Очевидно, *âyin bastim* образовалось из прямого дополнения *âyin* и глагола *bastan* (инфинитив от *bastim*), тогда предложение (134) можно считать исходным по отношению к (133).

Предварительно механизм образования СГ можно описать следующим образом:

1. переходный глагол имеет референтное ПД₁;
2. ПД₁ теряет морфологические показатели числа, референтный статус, синтаксическую самостоятельность и становится частью глагола;
3. образуется новый глагол, неразрывный с семантической и частично морфологической и синтаксической точек зрения, который может быть как переходным (иметь ПД₂), так и непереходным (вообще не иметь ПД).

Формальным критерием образования СГ можно считать изменения, связанные с переходностью глагола. Глагол, присоединив к себе нереперентное ПД, может сохранить свою переходность (как мы видели это в предыдущем примере) или утратить ее (135)–(136).

(135) *tasmim gereft-am ke hič₁ kodâ₂*
 решение брать:ПРОШ-1ЕД что никакой_{1, 2}
*az in [kâr-hâ]_{ПД-*râ*} [na-kon-am]_{ГЛ}*
 ПРЕДЛ этот работа-МН-АКК не-делать:КОН-1ЕД
 ‘Я решил, что не буду выполнять ничего из этих дел’ Nâser Fâxte “Eks mâ^t”
<http://www.rezaghassemi.org/ketabkhaneh.htm>

(136) *tamâm-e ruz-ro [kâr mikard-am]_{СГ} va*
 весь-ИЗФ день-АКК работа делать:ИМПФ-1ЕД и
hamun_{1, 2} jâ ham nâhâr mixord-am
 тот₁ самый₂ место также обед есть:ИМПФ-1ЕД
 ‘Весь день я работал и на том же самом месте обедал’. Amin Asadi Moqaddam “Vaqtî mâ^{mân} mord”
<http://www.rezaghassemi.org/ketabkhaneh.htm>

При образовании СГ диатеза простого глагола с базовой меняется либо на одноактантную диатезу (бывшее ПД теряет свою синтаксическую функцию и становится частью СГ), либо на двухактантную (после потери ПД₁ своей синтаксической функции его место занимает ПД₂). Схематично это можно изобразить в виде таблиц 1 и 2, где X и Y обозначают семантические актанты (партиципаны предложения, агенс и пациенс), а римскими цифрами I и II обозначаются глубинно-синтаксические актанты (члены предложения, подлежащее и ПД)

Таблица 1. Образование непереходного СГ

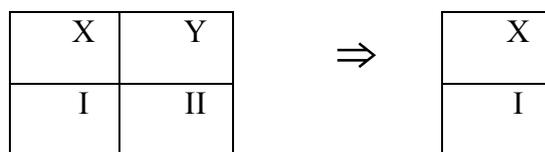
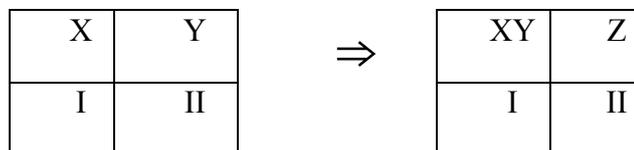


Таблица 2. Образование переходного СГ



К предварительному механизму образования СГ следует сделать несколько замечаний. Во-первых, не всегда именная компонента СГ до образования самого СГ представляла собой ПД. Чаще именная компонента СГ при разбиении СГ на оформленное дополнение и

простой глагол становится косвенным дополнением с предлогом. С учетом этого полное определение механизма образования СГ выглядит следующим образом:

- 1) переходный глагол имеет референтное ПД₁ и/или референтное косвенное дополнение;
- 2) ПД₁ теряет морфологические показатели числа, референтный статус, синтаксическую самостоятельность и становится частью глагола; или у косвенного дополнения опускается предлог, оно теряет референтный статус и синтаксическую самостоятельность и становится частью глагола
- 3) образуется новый глагол, неразрывный с семантической и частично морфологической и синтаксической точек зрения, который может быть как переходным (иметь ПД₂), так и непереходным (вообще не иметь ПД).

Перейдем к рассмотрению свойств СГ.

IV.3 Свойства СГ

i. Невозможность отделения именной части СГ от глагольной

К именной компоненте **переходного** СГ, потерявшей свою референтность и статус самостоятельного слова, не могут прибавляться показатели числа (138), а также именная компонента не может каким-либо образом отделяться от глагольной компоненты³⁸.

(137) *pedar pesar-aš-rā [čub zad]*_{СГ}
отец сын-3ЕД-АКК палка бить:ПРОШ.3ЕД
'Отец поколотил палкой сына'.

(138) **pedar pesar-aš-rā čub-i zad*

(139) **pedar čub pesar-aš-rā zad*

Предложение не подвергается трансформации, при которой именная компонента *čub* была бы оторвана от глагольной *zad* (139).

Трансформации возможны, если в предложении представлен не СГ, а простой глагол с косвенным (140)–(141) или прямым (142), (144) дополнениями.

³⁸ Здесь необходимо сделать некоторые оговорки. Ранее, в разделе **II.3.**, было показано, что именная компонента СГ может иметь показатель множественного числа, однако данное обстоятельство не мешает считать СГ единым комплексом. Далее (глава **VI.**) будут также рассмотрены случаи вставок между именной и глагольной компонентами энклитического местоимения, эмфатической частицы *ke*, частицы *ham* 'даже', а также вспомогательных глаголов *xāstan* и *dāštan* и модального глагола *tavānestan* 'мочь'.

(140) *kârgar-e si sâle-yi ke barâ-ye ârâm*
 рабочий-ИЗФ 30 летний-НР который ПРЕДЛ-ИЗФ спокойствие
kardan-e barâdarzâde-ye dah sâle-yaş u-râ ânqadr
 делать-ИНФ-ИЗФ племянник-ИЗФ 10 летний-ЗЕД он-АКК настолько
bâ çub zad tâ zarbe maqzi şod
 ПРЕД палка бить:ПРОШ.ЗЕД что удар мозговой становится:ПРОШ.ЗЕД
va mord
 и умирать:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Тридцатилетний рабочий, который для того, чтобы успокоить своего десятилетнего племянника, так ударил его палкой, что тот получил сотрясение мозга и умер...’
<http://www.mano-paltalk.com/pdf/h2.htm>

(141) *kârgar-e si sâle-yi ke barâ-ye ârâm*
 рабочий-ИЗФ 30 летний-НР который ПРЕДЛ-ИЗФ спокойствие
kardan-e barâdarzâde-ye deh sâle-yaş u-râ bâ çub
 делать-ИНФ-ИЗФ племянник-ИЗФ 10 летний-ЗЕД он-АКК ПРЕДЛ палка
ânqadr zad tâ zarbe maqzi şod
 настолько бить:ПРОШ.ЗЕД что удар мозговой становится:ПРОШ.ЗЕД
va mord
 и умирать:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Тридцатилетний рабочий, который для того, чтобы уgomонить своего десятилетнего племянника, так ударил его палкой, что тот получил сотрясение мозга и умер...’

Именная компонента **непереходного** СГ тоже неотделима от глагольной компоненты

(143). В случае присоединения морфологических показателей к именной компоненте непереходных СГ она перестает быть частью СГ, превращаясь в ПД (144).

(142) *man dar dâneşgâh [kâr mikon-am]_{СГ}*
 я ПРЕДЛ университет работа делать:НАСТ-1ЕД
 ‘Я работаю в университете’.

(143) **man kâr dar dâneşgâh mikon-am*
 я работа ПРЕДЛ университет делать:НАСТ-1ЕД

(144) *man in [kâr]_{ПД-рâ} dar dâneşgâh mikon-am*
 я этот работа-АКК ПРЕДЛ университет делать:НАСТ-1ЕД
 ‘В университете я выполняю эту работу’.

ii. Невозможность присоединения определений к именной компоненте некоторых СГ

Именная компонента переходных и большинства непереходных СГ не может иметь определений³⁹, в противном случае СГ становится сочетанием простого глагола и прямого или косвенного дополнения (148). Рассмотрим примеры:

Переходный СГ:

³⁹ Данное свойство подсказано нам работой [Heig 2002], посвященной СГ курдского языка.

- (145) *mā otâq-râ âyin bast-im*
 мы комната-АКК украшение привязывать:ПРОШ-1МН
 ‘Мы украсили комнату’.
- (146) *mā otâq-râ xub âyin bast-im*
 мы комната-АКК хорошо украшение привязывать:ПРОШ-1МН
 ‘Мы хорошо украсили комнату’.
- (147) **mā otâq-râ âyin-e xub bast-im*
 украшение хорошо привязывать:ПРОШ-1МН
- (148) *agar sokut kon-i to-râ bâ in ĉub*
 если молчание делать:КОН-2ЕД ты-АКК ПРЕДЛ этот палка
mizan-am va agar harf be-zan-i ham to-râ
 бить:НАСТ-1ЕД и если слово КОН-бить-2ЕД также ты-АКК
bâ in ĉub mizan-am
 ПРЕДЛ этот палка быть:НАСТ-1ЕД
 ‘Если ты замолчишь, я тебя ударю этой палкой, если заговоришь, я также тебя ударю этой палкой’. <http://www.womeniw.com/articleDtl.asp?id=32>

Непереходный СГ:

- (149) *dar dânešgâh kâr mikon-am*
 ПРЕДЛ университет работа делать:НАСТ-1ЕД
 ‘Я работаю в университете.’
- (150) *dar dânešgâh ziyâd kâr mikon-am*
 ПРЕДЛ университет много работа делать:НАСТ-1ЕД
 ‘Я много работаю в университете.’
- (151) **dar dânešgâh kâr-e ziyâd mikon-am*
 работа-ИЗФ много
- (152) **dar dânešgâh kâr-e saxt mikon-am*
 работа-ИЗФ тяжелый

Однако некоторые непереходные СГ допускают присоединение определений к своей именной компоненте. Например, (153), где представлен СГ *harf zadan* ‘говорить’, можно преобразовать в (154), где к именной компоненте *harf* ‘слово’ при помощи изафета присоединяется определение *ziyâd* ‘много’.

- (153) *Parviz ziyâd harf zad*
 Парвиз много слово бить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Парвиз много говорила.’
- (154) *Parviz harf-e ziyâd zad*
 Парвиз слово-ИЗФ много бить:ПРОШ.3ЕД
 ‘Парвиз много говорила.’ [Sheintuch 1976, 143]

Данное свойство СГ Г. Шайнтух [Sheintuch 1976, 143] объясняет тем, что на самом деле (154) является аналогом (155), где определение присоединяется не к глагольной компоненте СГ, а к прямому объекту.

- (155) *Parviz harf-e ziyād harf zad*
 Парвиз слово-изФ много слово бить:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Парвиз много слов говорила.’

В персидском языке существует также категория СГ, допускающих расширение именной компоненты и присоединение к ней определений. Речь идет о так называемой «рамочной конструкции» [Арендс 1941, 36; Пейсиков 1959, 390; Веретенников 1993; Рубинчик 2001, 229–232]. К именной компоненте при помощи изафета присоединяется косвенное дополнение. Например,

taslim kardan ‘подчинять, покорять’, букв. ‘подчинение делать’

- (156) *šab-i ke Falisyā miāmad tā sar₁ anjām₂*
 ночь-НР который Фалисья идти:ИМПФ.ЗЕД чтобы наконец_{1,2}
xod-rā taslim-e u kon-ad zamin az
 сам-АКК подчинение-изФ он делать:КОН-ЗЕД Земля ПРЕДЛ
čarx-aš bāz istāde₁ bud₂
 вращение-ЗЕД опять стоять:ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}
 ‘В ночь, когда Фалисья шли, чтобы наконец подчиниться ему, Земля прекратила
 свое вращение...’ (Rezā Qāsemi “Čāh-e Bābol”
<http://www.rezaghassemi.org/ketabkhaneh.htm>)

Косвенное дополнение *u* ‘он’ можно поставить и перед СГ. В грамматике [Рубинчик 2001, 229-232], разница в позиции косвенного дополнения объясняется стилистическими различиями (какими именно, не уточняется).

- (157) *šab-i ke Falisyā miāmad tā sar₁ anjām₂*
 ночь-НР который Фалисья идти:ИМПФ.ЗЕД чтобы наконец_{1,2}
xod-rā be u taslim kon-ad zamin az
 сам-АКК ПРЕДЛ он подчинение делать:КОН-ЗЕД Земля ПРЕДЛ
čarx-aš bāz istāde₁ bud₂
 вращение-ЗЕД опять стоять:ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}
 ‘В ночь, когда Фалисья шли, чтобы наконец подчиниться ему, Земля прекратила
 свое вращение...’

СГ, допускающие присоединение косвенного дополнения к своей именной части, сохраняют свойство неотделимости.

- (158) **šab-i ke Falisyā miāmad tā sar₁ anjām₂*
 ночь-НР который Фалисья идти:ИМПФ.ЗЕД чтобы наконец_{1,2}
taslim-e u xod-rā kon-ad zamin az
 подчинение-изФ он сам-АКК делать:КОН-ЗЕД Земля ПРЕДЛ
čarx-aš bāz istāde₁ bud₂
 вращение-ЗЕД опять стоять:ППЕРФ.ЗЕД_{1,2}

- (159) *šab-i ke Falisyâ miâmad tâ hod-râ
ночь-НР который Фалисья идти:ИМПФ.3ЕД чтобы сам-АКК
taslim-e u sar₁ anjâm₂ kon-ad zamin az
подчинение-ИЗФ он наконец_{1,2} делать:КОН-3ЕД Земля ПРЕДЛ
čarx-aš bâz istâde₁ bud₂
вращение-3ЕД опять стоять:ППЕРФ.3ЕД_{1,2}

Таким образом, можно считать, что существует отдельная группа СГ, допускающих расширение своей именной компоненты. Теоретически можно предположить, что именная компонента таких СГ может быть расширена до сколь угодно больших размеров. Однако нами не проверялось на информантах правильность таких предложений, как (160), где к именной компоненте СГ присоединена довольно длинная именная группа, содержащая придаточное предложение.

- (160) *xod-râ [taslim-e ra'is-e dânešgâh-e Allâme*
сам-АКК подчинение-ИЗФ директор университет-ИЗФ Аляме
tabâtabâyi ke al'ân haftâd sâl dâr-ad
Таботабойи который сейчас 80 лет иметь:НАСТ-3ЕД
*kard-am]*_{СГ}
делать:ПРОШ-1ЕД

‘Я подчинился директору университета Аляме Таботабойи, которому сейчас 80 лет’

Как утверждается в грамматике [Рубинчик 2001, 230–231], существует также группа СГ, у которых дополнение обязательно присоединяется при помощи изафета к именной части СГ, при этом изафетная цепь, состоящая из именной компоненты СГ и дополнения, может оформляться *-râ*.

- (161) *enteqâm gereft-an*
месть брать-ИНФ
‘мстить.’
- (162) *enteqâm-e kas-i-râ gereft-an*
месть-ИЗФ человек-НР-АКК брать-ИНФ
‘мстить за кого-то.’

Если изафетная цепь оформляется *-râ*, мы считаем, что синтаксически она перестает быть частью СГ и начинает выполнять функцию ПД

В дальнейшем, рассматривая СГ, мы будем иметь в виду только те, которые не допускают присоединение определений и не допускают «рамочной конструкции», т. е. те, именная компонента которых не допускает присоединение определений с помощью изафета.

iii. Невозможность разрыва СГ наречием

Обстоятельства, выраженные наречиями, в отличие от других членов предложения, в персидском языке занимают достаточно свободную позицию. Они могут находиться перед подлежащим, после него, непосредственно перед глаголом. Однако разрывать СГ они не могут, что свидетельствует о высокой степени слитности его компонентов. Рассмотрим примеры:

а) поведение наречия при ПД с послелогом *-râ*:

(163) *u dâ'em in ketâb-râ mixân-ad*
он всегда этот книга-АКК читать:НАСТ-3ЕД
'Он всегда читает эту книгу'.

(164) *u in ketâb-râ dâ'em mixân-ad*
он этот книга-АКК всегда читать:НАСТ-3ЕД
'Он всегда читает эту книгу'.

б) поведение наречия при СГ:

переходный СГ:

(165) *u dâ'em in ketâb-râ varaq mizan-ad*
он всегда этот книга-АКК лист бить:НАСТ-3ЕД
'Он всегда листает эту книгу'.

(166) *u in ketâb-râ dâ'em varaq mizan-ad*
он этот книга-АКК всегда лист бить:НАСТ-3ЕД
'Он всегда листает эту книгу'.

(167) **u in ketâb-râ varaq dâ'em mizan-ad*
он этот книга-АКК лист всегда бить:НАСТ-3ЕД

непереходный СГ:

(168) *u dâ'em kâr mikon-ad*
он всегда работа делать:НАСТ-3ЕД
'Он всегда работает.'

(169) **u kâr dâ'em mikon-ad*

iv. Акцентное единство СГ

Еще одним критерием в пользу единства того или иного комплекса является наличие единого ударения [Lambton 1984 (1953), 93; Moyne 1970, 63–64; Ghomeshi and Massam 1994, 183; Damir-Moghaddam 1997, 49 и др.]. Рассмотрим следующие предложения:

Простой глагол + ПД:

- (170) *man diruz in kár-râ kârd-am*
я вчера этот работа-АКК делать:ПРОШ-1ЕД
'Вчера я выполнил эту работу'.

Непереходный СГ:

- (171) *man diruz kâr kard-am*
я вчера работа делать:ПРОШ-1ЕД
'Я вчера работал'.

Переходный СГ:

- (172) *man diruz u-râ gúl zad-am*
я вчера он-АКК обман бить:ПРОШ-1ЕД
'Вчера я обманул его'.

В первом предложении (170), где употребляется простой глагол, ударение падает и на глагол, и на ПД *ketâb*. Во втором (171) и третьем (172) предложениях главное ударение падает на именную компоненту СГ, глагольная же остается безударной (в крайнем случае, можно говорить только о второстепенном ударении на ней), что свидетельствует о том, что с фонологической точки зрения СГ представляют собой единое целое⁴⁰.

v. Номинализация

Под номинализацией подразумевается превращение предиката и его аргументов в именную группу. Например, при номинализации предложения *Я не люблю кошек уже несколько лет* получается [*Моя нелюбовь к кошкам*]_{ИГ} *продолжается уже несколько лет*. Процессы, происходящие при номинализации ПД и простого глагола и при номинализации СГ в персидском языке, исследованы М. Дабир-Мокаддамом [Dabir-Moghaddam 1997, 49–50] и Ш. Ахади [Ahadi 2000a, 14–15].

При номинализации простого глагола в сочетании с ПД ПД присоединяется к глаголу в форме инфинитива с помощью изафета:

- (173) *Ali-râ košt*
Али-АКК убивать:ПРОШ.3ЕД
'Он убил Али'.
- (174) *košt-an-e Ali tavassot-e u*
убивать-ИНФ-ИЗФ Али посредством-ИЗФ он
'Убийство Али_{ii}, [совершенное] им_i'. [Ahadi 2000a]

⁴⁰ Ср. ситуацию в датском языке, где акцентное единство глагольно-именного комплекса является чуть ли не основным критерием его отнесения к СГ (см. [Nedergaard, Herslund 2002, 14] там же более подробная библиография).

При номинализации СГ он не теряет своей цельноформленности, именная компонента не переходит в позицию после глагольной, как это происходит с ПД. Рассмотрим примеры из [Dabir-Moghaddam 1997, 50] с переходным СГ (175)–(176) и с непереходным СГ (177)–(178):

- (175) *Ali Minâ-râ tahdid kard*
 Али Мина-АКК угроза делать:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Али пригрозил Мине (ж.имя).’
- (176) [*tahdid kard-an*]-e *Minâ tavassot-e Ali*
 угроза делать-ИНФ-ИЗФ Мина посредством-ИЗФ Али
 ‘угрожение Али Мине’
- (177) *bačče-hâ qazâ xord-and*
 ребенок-МН еда есть:ПРОШ-ЗМН
 ‘Дети поели.’
- (178) [*qazâ xord-an*]-e *bačče-hâ*
 еда есть-ИНФ-ИЗФ ребенок-МН
 ‘Принятие пищи детьми.’

Если к именной компоненте СГ присоединить *-râ* и тем самым сделать ее ПД, номинализация такого предложения будет выглядеть иначе:

- (179) *bačče-hâ qazâ-râ xord-and*
 ребенок-МН еда-АКК есть:ПРОШ-ЗМН
 ‘Дети съели эту еду.’
- (180) *xord-an-e qazâ tavassot-e bačče-hâ*
 есть-ИНФ-ИЗФ еда посредством-ИЗФ ребенок-МН
 ‘Потребление детьми этой пищи’

Последняя пара примеров является одним из критериев разграничения нереферентного ПД (не имеющего *-râ*, *-i*, *-hâ*) и именной компоненты СГ. Именная компонента СГ при номинализации никогда не будет выноситься в постпозицию к глагольной компоненте, в то время как для ПД это обязательно (вопрос об определении ПД будет рассмотрен ниже в главе VII.).

vi. Поведение СГ при прогрессивно-имперфективной конструкции

Прогрессивно-имперфективная конструкция (progressive notion / imperfect aspect) выражается в персидском языке с помощью выражения *dar hâl-e / mašqul-e* в сочетании с инфинитивной формой глагола. Если в данной конструкции выступает простой глагол и ПД (179), ПД будет присоединяться к инфинитивной форме глагола с помощью изафета (181). Если в данной конструкции выступает СГ (177), он становится неразрывным цельноформленным словом (182) [Dabir-Moghaddam 1997, 50–51].

- (181) *bačče-hâ dar hâl-e xord-an-e qazâ hast-and*
ребенок-МН ПРЕДЛ состояние-ИЗФ есть-ИНФ-ИЗФ еда быть-3МН
‘Дети едят эту еду’.
- (182) *bačče-hâ dar hâl-e qazâ xord-an hast-and*
ребенок-МН ПРЕДЛ состояние-ИЗФ еда есть-ИНФ быть-МН
‘Дети едят’ (букв. «находятся в состоянии поедания еды» / «дети занимаются поеданием еды»).

vii. Возможность отглагольной деривации

От СГ возможно образование сложных слов [Dabir-Moghaddam 1997, 43; Goldberg in print]. От сочетаний дополнения и глагола невозможно образование сложных слов.

- | | |
|--|---|
| (183) <i>bâzi kard-an</i> игра делать-ИНФ ‘играть’ | (184) <i>bâzi-kon</i> игра-делать:ОНВ ‘игрок’ |
| (185) <i>negâh dâšt-an</i> взгляд иметь-ИНФ ‘хранить’ | (186) <i>negâh-dâr</i> взгляд-иметь:ОНВ ‘хранитель, защитник’ |
| (187) <i>u mâšîn xarid</i> он машина покупать:ПРОШ.3ЕД ‘Он купил машину’ | (188) <i>*mâšîn-xar</i> машина-покупать:ОНВ скупщик машин |

Впрочем, нужно признать, что механизм образования сложных слов от СГ не является продуктивным и семантически предсказуемым. Например, от глагола *kâr kardan* ‘работать’, букв. ‘работа делать’, сложное слово ‘рабочий’ не образуется по той же модели, как приведенные примеры **kâr-kon* (работа-делать:ОНВ), а образуется с помощью суффикса *-gar* (*kâr-gar*).

От СГ, также как и от простых глаголов, возможно образование так называемых «причастий долженствования» или «причастий будущего времени», которые образуются от инфинитивной формы глагола с помощью присоединения ударного суффикса *-i*. Причастия долженствования образуются в основном только от СГ, которые в качестве глагольной компоненты имеют *kardan* ‘делать’ или *šodan* ‘становиться’ [Рубинчик 2001, 285–289]. Например,

- | | | | |
|--|---|----------------------------|---------------------------------------|
| <i>xordan</i> ‘есть’ | – | <i>xordani</i> ‘съедобный’ | |
| <i>didan</i> ‘видеть’ | – | <i>didani</i> | ‘засуживающий быть увиденным’ |
| <i>bâvar kardan</i> ‘верить, доверять’ | – | <i>bâvarkardani</i> | ‘заслуживающий’ |

ix. Невозможность эллипсиса именной компоненты

У СГ невозможен эллипсис (опущение элемента, восстанавливаемого из контекста) именной компоненты [Barjasteh 1983, 324–325; по Dabir-Moghaddam 1997, 43]:

(192) *Ali* [mâhi]_{ПД-*râ*_i} *gereft* *va* \emptyset_i
 Али рыба-АКК брать:ПРОШ и
tu-ye *houz* *gozâšt*
 внутренность-ИЗФ бассейн класть:ПРОШ
 ‘Али поймал рыбу и поместил ее в бассейн.’

(193) **Ali* [mâhi_i *gereft*]_{СГ} *va* \emptyset_i *tu-ye* *houz* *gozâšt*

В (192) во второй части предложения возможен эллипсис имени *mâhi* ‘рыба’, так как данное имя является синтаксически (выполняет функцию ПД), морфологически (оформляется падежом) и акцентологически самостоятельным словом. В примере (193) во второй части предложения эллипсис *mâhi* ‘рыба’ невозможен, так как данное имя является частью СГ *mâhi gereftan* ‘ловить рыбу, заниматься рыболовством’.

Д. Барджасте [Barjasteh 1983, 324–325] по [Dabir-Moghaddam 1997, 42] считает, что у СГ невозможен также эллипсис глагольной компоненты. Он приводит следующие примеры:

(194) *man ham* [qazâ-râ] *poxt-am_i* *va ham sabzi-râ* \emptyset_i
 я как еда-АКК варить:ПРОШ-1ЕД и так овощи-АКК
 ‘Я приготовил как еду, так и овощи.’

(195) **man ham* [qazâ *poxt-am_i*] *va ham sabzi-râ* \emptyset_i

В примере (194), где представлено ПД и простой переходный глагол, эллипсис глагола во второй части предложения возможен. В примере (195), где представлен СГ, эллипсис глагольной компоненты во второй части предложения невозможен.

Однако нужно заметить, что ограничение на эллипсис во втором предложении накладывается тем, что слово *sabzi* ‘овощи’ не является именной компонентой СГ (на что указывает наличие послелого *-râ*), а выполняет функцию ПД какого-то другого предиката, не представленного в предложении. Таким образом, предложение показывает невозможность эллипсиса не глагольной компоненты СГ, а простого переходного глагола.

Эллипсис самой глагольной компоненты СГ возможен, например:

(196) *sâl-hâ* *sâsân-râ* *šekanje* *va azâb dâd-and*
 год-МН Сасан-АКК попытка и мучение давать:ПРОШ-3МН
 ‘Многие годы они пытались и мучили Сасана’. (Из [Karimi-Doostan 1997] по [Megerdooomian 2002, 65])

Эллипсис глагольной компоненты СГ более подробно будет рассмотрен в главе VI.

х. Сфера действия отрицания и модальных глаголов

При СГ сферой действия отрицания является весь СГ, а не только его глагольная компонента [Dabir-Moghaddam 1997, 54].

(197) *qazâ na-xord-an*
еда не-есть-ИНФ
'не есть' / *'еду не есть'.

(198) *dust na-dâšt-an*
друг не-иметь-ИНФ
'не любить' / *'не иметь друга'.

Сфера действия модальных глаголов также распространяется на весь СГ, а не только на глагольную компоненту (199) [Dabir-Moghaddam 1997, 54].

(199) *avval bâyard qazâ xord*
вначале нужно еда есть.УСЕЧ.ИНФ
'Вначале нужно поесть' / *'Вначале еду нужно съесть'

(200) *avval bâyard in qazâ-râ xord*
вначале нужно этот еда-АКК есть.УСЕЧ.ИНФ
'Вначале нужно съесть эту еду'

xi. Предварительный вывод

Таким образом, можно считать, что именная часть СГ не является самостоятельным словом, а представляет собой неотделимую часть СГ в акцентологическом, морфологическом (ничем не оформляется) и синтаксическом (не может быть antecedentом анафорического местоимения⁴¹, не допускает эллиптического сокращения, не имеет самостоятельной синтаксической функции) плане. Для переходных СГ дополнительным аргументом в пользу неотделимости именной части СГ можно также считать изменения, происходящие в их диатезе.

Модель образования СГ имеет сходные черты с моделью образования новых глаголов в языках Океании, в языках аборигенов Австралии, Микронезии, майя, языках североамериканских индейцев и других, которую принято называть инкорпорацией. Рассмотрим, что именно подразумевают разные исследователи под эти термином.

⁴¹ Неспособность языковой единицы выполнять функцию antecedenta свидетельствует о ее явной несамостоятельности. В частности, при именной инкорпорации имя обычно или лишено данной функции, или функция antecedenta у данного имени значительно уже, чем у обычного, неинкорпорированного имени

[Nedergaard, Herslund 2002, 22–23]. Вопрос о трактовании персидских СГ как результата инкорпорации будет рассмотрен в следующем разделе.

V. Инкорпорация

0. Теоретическое введение

Термин «инкорпорация» начал использоваться в начале XIX века для описания языков американских индейцев. К. Ажеж [Hagège 1977, 340], цитируя Х. Вудбери [Woodbury 1975, 10], пишет, что это понятие было введено в 1819 году в работе П.С. Дю Понсо (P.S. Du Ponceau) “Reports of the Corresponding Secretary”, опубликованной в журнале *Transactions of the American Philosophical Society 1 (1819)*. А. Кребер определяет инкорпорацию как «объединение в одном слове объекта и глагола, выступающего сказуемым предложения» [Kroeber 1909, 569]. Э. Сепир определяет именную инкорпорацию как «явление объединения именной основы с глагольной, независимо от того, какова в ее логическом смысле синтаксическая функция имени» [Сепир 1993, 361]. Другими словами, Э. Сепир расширяет определение А. Кребера, включая в него объединение не только объекта и глагола, а объединение любого имени и глагола. Такое определение, на наш взгляд, выглядит слишком широко и неопределенно.

П.Я. Скорик определяет инкорпорацию следующим образом: «Инкорпорация... – способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная инкорпорация) или всех членов предложения (полная инкорпорация), при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них. Количество и порядок этих компонентов с обособленными лексическими значениями каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим» [ЛЭС 1990, 193].

И.А. Мельчук [2001, 127] под инкорпорацией понимает сложение двух корней (R_1 и R_2), образующих новую основу (R), причем внутри R эти два корня соединены подчинительной связью ($R_1 \leftarrow R_2$). При этом должны выполняться следующие условия:

1. « R_2 представляет собой глагольный корень, способный выступать в личной глагольной словоформе, от которой синтаксически зависит словоформа, содержащая корень R_1 ; в результате получается словосочетание более или менее синонимичное лексеме с основой R .

2. Результирующая основа R тоже является глагольной и может использоваться, как обычная глагольная основа, в составе личной глагольной словоформы» [там же].

Если R_2 обязательно должен быть глаголом, то R_1 может быть любой частью речи. Определяющим моментом разграничения инкорпорации и обычного словосложения является «глагольность» итоговой лексемы R . Данное утверждение И.А. Мельчука дает

основание отличить интуитивно осязаемое различие между, например, сложными словами немецкого языка (*Mundart + forschung* букв. «диалект + исследование» = ‘диалектология’; **mundartforschung* ‘диалектоисследовать’) и чукотской инкорпорацией. Однако во многих типично инкорпоративных языках присутствует сложение имен, формально ничем не отличающееся от инкорпорации имени в глагольный корень. Для таких случаев И.А. Мельчук вводит термин «инкорпорация в слабом смысле», или «инкорпорация₂», который применяется для любых типов словосложения, но только в том языке, в котором присутствует инкорпорация₁, то есть словосложение, при котором одним из корней является глагол.

Следует обратить внимание на то, что И.А. Мельчук считает инкорпорацией именно сложение двух корней, а не слов, поэтому сутью инкорпорации, по мнению данного автора, является «морфологическое выражение синтаксических отношений». В конце раздела, посвященного инкорпорации, И.А. Мельчук пишет про явления, похожие на инкорпорацию. Одним из таких явлений является словосочетание, состоящее из глагола и существительного, которое обладает следующими свойствами: «имя неререферентно; не может быть отделено от глагола какой-нибудь другой словоформой и не может сопровождаться никакими синтаксическими определителями; у имени отсутствует показатель его синтаксической роли; все словосочетание в целом трактуется... как единый непереходный глагол; клитики, маркирующие грамматические значения глагола, могут присоединяться к имени, когда оно следует за глаголом, играя для этого имени роль суффиксального замыкания» [143–144]. И.А. Мельчук считает, что в данном случае словосочетание не становится единой словоформой (что всегда происходит при инкорпорации), однако он не приводит аргументов в пользу данного утверждения, оговаривая только, что в данном случае основную роль играют «соображения фонетического порядка: количество и распределение ударений» [144]. В рассмотренном явлении И.А. Мельчук усматривает «синтаксическую инкорпорацию» – в отличие от инкорпорации₁, которую он называет «морфологической»⁴².

Наиболее известным и, наверное, первым типологическим исследованием проблем инкорпорации является работа [Mithun 1984] (см. также последнюю известную нам работу М. Митун, затрагивающую явление инкорпорации [Mithun 2001, 44–56]; там же можно найти наиболее полную библиографию работ западных исследователей по инкорпорации).

⁴² В любом случае, как при «синтаксической инкорпорации», так и при «морфологической» прямое или косвенное дополнение теряют свою синтаксическую функцию и становятся неотделимой частью глагола. Остается неясным, в чем же принципиальное отличие «синтаксической инкорпорации» от «морфологической».

М. Митун определяет именную инкорпорацию как продуктивный механизм, при котором имя (N) присоединяется к глаголу (V) и образует новый полноценный глагол (NV). Основным критерием инкорпорации является то, что N является неотделимой частью NV и составляет с ним морфологическое, синтаксическое, а иногда и фонологическое единство. В данной работе мы будем следовать, в первую очередь, определению и классификации М. Митун.

М. Митун выделяет четыре типа инкорпорации. При первом типе N присоединяется к переходному V, в результате чего образуется *непереходный* единый глагол. N теряет свою референтность, оно не может обладать никакими показателями определенности или числа, не маркируется падежным показателем и не выполняет самостоятельной синтаксической функции. Например, микронезийский язык яп (Yapese):

(201) *gi bea chuwaqiy ea mareaw*
 я ПРЕДЛ покупать CONN⁴³ копра
 'Я покупаю копру'.

(202) *gi bea chuwaay' mareaw*
 я ПРЕДЛ покупать копра
 'Я занимаюсь покупкой копры' (букв. «Я копра-покупаю»).

В (202) глагольно-именной комплекс *chuwaay' mareaw* является единым целым как семантически, так и синтаксически. Независимый объект появляется, когда он сам по себе заслуживает особого внимания. Предложение с инкорпорированным объектом обозначает саму деятельность по закупке копры.

Для второго типа характерно все то же самое, что и для первого, только в результате присоединения N к V образуется *переходный* глагол NV. Т. е., если при первом типе происходит понижение валентности ПД₁ и втягивание его в глагол, то при втором происходит еще и образование ПД₂.

Третий тип М. Митун называет «The manipulation of discourse structure». Он характерен для полисинтетических языков. Этот тип инкорпорации зависит от того, какого рода информация содержится в высказывании. Если N упоминается впервые и неизвестно (то есть с точки зрения актуального членения предложения является ремой), оно не будет инкорпорироваться в глагол. Если же N уже упоминалось выше и является известным (то есть является темой), нет необходимости говорить о нем, как о чем-то новом, нет необходимости выделять его, поэтому N инкорпорирован в глагол.

Четвертый тип — дальнейшее усложнение третьего, подобно тому, как второй тип является усложнением первого. Здесь происходит то же самое, что и в предыдущем

⁴³ К сожалению, М. Митун не дает расшифровки аббревиатур.

случае, но вдобавок в предложение помещается именная группа, не входящая в инкорпорационный комплекс, которая поясняет и дополняет N, инкорпорированное в V. Например, австралийский язык гунвинггу (Gunwinggu):

(203) ... *bene-red-naŋ* *redgereŋeni*
они двое-лагерь-видеть лагерь новый
'... они увидели новый лагерь' («Они увидели лагерь, который был недавно разбит»).

Выделяемые М. Митун 4 типа инкорпорации можно свести к двум макротипам. Первый (I и II у М. Митун) ориентирован на потерю именем своей референтности, второй (III и IV у М. Митун) на потерю именем своей рематизированности. В первом ключевую роль играет референтный статус имени, во втором — тема-рематическое членение.

М. Митун [Mithun 1984, 847–848] считает, что важным критерием для выделения инкорпорации в том или ином языке является также возможность высказывания выступать как с инкорпорацией, так и без нее. Данное обстоятельство дает возможность отличить собственно инкорпорацию (которая представляет собой открытую, относительно предсказуемую модель образования сложных слов), как сложение двух корней, от присоединения аффикса к корню (что представляет собой закрытую или, по крайней мере, не всегда предсказуемую форму деривации)⁴⁴. В работе [Mithun 2001, 48–56] М. Митун на примере языков Северной Америки подробно рассматривает сложение двух языковых единиц, очень похожее на инкорпорацию, когда одна из этих языковых единиц не может употребляться самостоятельно и при всех своей схожести с корнем по семантике (например, *-sig-* ‘охотиться’, *-tug-* ‘есть’, *-ci-* ‘покупать’ в языке йупик (Yup'ik)), должна считаться аффиксом⁴⁵. Н.Б. Вахтин, рассматривая эскимосский язык, называет такие конструкции «свернутыми» [1987, 141–174; 1995, 102–143].

М.С. Полинская пишет [1991, 369], что важным признаком именной инкорпорации является ее семантическая аддитивность, т. е. значение инкорпоративного комплекса выводится из значения его компонентов. Данное утверждение дает основание отличить инкорпорацию как способ спонтанного образования новых языковых единиц от устойчивых фразеологических единиц, для которых с трудом можно сформулировать единое правило их возникновения.

⁴⁴ Неучтение данного обстоятельства Дж. Сэддоком [Sadock 1980] применительно к гренландскому эскимосскому породило довольно длительную дискуссию по поводу самого термина «инкорпорация».

⁴⁵ Данные аффиксы отличаются как от корней, так и от привычных нам аффиксов. В частности, интересным замечанием М. Митун является то, что сочетание нескольких подобных аффиксов при отсутствии корневого элемента может образовывать словоформу. Данная кажущаяся аномалия объясняется тем, что подобные аффиксы когда-то были корнями и в современном языке потеряли возможность самостоятельного использования, однако способность образовывать сложные слова сохранилась [Mithun 2001, 56].

Т. Нидергард и М. Херслунд [Nedergaard, Herslund 2002, 15–16] говорят о критериях разграничения инкорпорации и глагольно-именных предикатов (Verbo-Nominal Predicates или Support Verb Construction, например, английские выражения *survey the facts* / *make a survey of the fact*, где второе представляет собой глагольно-именной предикат). Таких критериев два: семантический и морфологический. Семантический критерий заключается в том, что в глагольно-именных предикатах глагольная компонента больше похожа на вспомогательный глагол, основной семантический вес приходится на именную компоненту. Другими словами, *make a survey* не может трактоваться как некий особый вид «делания». В то время как при инкорпорации значение мы имеем дело с комплексным значением, в котором участвуют как именная компонента, так и глагольная (что не дает нам оснований трактовать глагольную компоненту как вспомогательный глагол), например, датский СГ *læse avis* ‘читать газеты’ явно обозначает особый вид чтения. Второй критерий заключается в том, что при инкорпорации происходит морфологическое и акцентологическое объединение имени и глагола; в случае глагольно-именных предикатов имя может сохранять, например, артикль, показатели числа и падежа и не составляет с глаголом акцентологического единства. Впрочем, у глагольно-именных предикатов остается возможность стать объектом инкорпорации при потере именем детерминативов, флексии и изменении акцентологической структуры. Т. Нидергард и М. Херслунд, приводя примеры такого развития глагольно-именных предикатов, не оговаривают, как трактовать подобные случаи: как инкорпорация, как глагольно-именные предикаты или как нечто третье.

Эти же авторы [так же, 19] различают инкорпорацию и глагольно-именные предикаты на синтаксическом уровне. В то время как при инкорпорации объект теряет свою синтаксическую роль, а у глагола изменяется переходность, в случае глагольно-именных предикатов объект не теряет свою синтаксическую функцию и, следовательно, у глагола не происходит изменений, связанных с переходностью. Данное различие Т. Нидергард и М. Херслунд схематично изображают следующим образом:

| | |
|--------------------------|--|
| Transitive Construction: | [[Verb] _{Predicate} + [NP] _{Object}] _{VP} |
| Incorporation | [Verb _{Host} + NP _{Inc}] _{Complex_Predicate} |
| Verbo-Nominal Predicates | [Verb _{Support} + VN _{Predicative_Object}] _{Complex_Predicate} |

Между инкорпорацией и глагольно-именными предикатами имеются также аспектуальные различия: СГ инкорпоративного типа обозначают деятельность (activity), глагольно-именные предикаты – предельные действия (telic action)

В последнее время инкорпорацию стали разделять на синтетическую и аналитическую. Понятие «синтетическая инкорпорация» применяется к инкорпорации в синтетических

языках для обозначения объединения зависимого и главного слов в одну словоформу. Термин «аналитическая инкорпорация» применяется для языков аналитического типа (например, некоторые океанийские, некоторые америндские, тибето-бирманские языки), где объединение зависимого и главного слов не представляют собой цельной словоформы (например, в них отсутствует аффиксальная цельнооформленность, которая обязательна в языках с синтетической инкорпорацией), однако демонстрирует достаточно большую степень единства для признания данного объединения единым морфосинтаксическим комплексом [Муравьева 2004; рукопись].

В целом можно сказать, что трактовка разными исследователями понятия «инкорпорация» относительно сходная.

Сейчас мы не будем давать четкого ответа на вопрос, можно ли считать персидские СГ частным случаем инкорпорации или нет. Мы примем это как исходную гипотезу, поскольку свойства СГ, описанные в разделе IV.3, указывают на достаточно большую степень единства компонентов СГ. Можно сказать, что механизм образования персидских СГ (IV.2) представляет собой первые два (из четырех выделенных М. Митун) типа инкорпорации [Выдрин 2004a]: имя теряет свою референтность, статус ПД, и вообще, статус самостоятельного слова и становится неотделимой частью глагола в синтаксическом, морфологическом и фонологическом плане, при этом новообразованный СГ может быть как непереходным (первый тип инкорпорации), так и переходным (второй тип инкорпорации). Рассмотрим на примерах данные типы.

i. Первый тип инкорпорации в персидском языке

Первый тип инкорпорации представляют собой образование непереходного СГ.

(204) *in* [*kâr*]_{ПД-*râ*} *karde-am*
 этот работа-АКК делать:ПЕРФ-1ЕД
 Я выполнил эту работу.

(205) *man* *dar* *kârkhâne* [*kâr* *mikon-am*]_{СГ}
 я ПРЕДЛ завод работа делать:НАСТ-1ЕД
 ‘Я работаю на заводе’.

В (204) *kâr* ‘работа’ референтно, определено и имеет синтаксическую функцию ПД. В (205) *kâr* нереперентно, не выполняет никакой синтаксической функции и является неразрывной частью СГ *kâr kardan* ‘работать’.

(206) *ne-mixâh-id* *in* [*hadiye*]-*i-râ*
 не-хотеть:НАСТ-2МН этот подарок-НР-АКК
barâ-ye *bačče* *be-xar-id*
 ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок КОН-покупать-2МН
 ‘Не хотите купить ребенку этот подарок?’

(207) *ne-mixâh-id* *barâ-ye* *bačče* [*hadiye* *be-xar-id*]_{СГ}
 не-хотеть:НАСТ-2МН ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок подарок КОН-покупать-2МН
 ‘Не хотите купить ребенку подарок?’

В (206) *hadiye* ‘подарок’ оформлен *-i* и *-râ* и выполняет функцию ПД. В (207) *hadiye* ‘подарок’ утрачивает синтаксическую функцию ПД и становится неотделимой частью СГ *hadiye xaridan* ‘покупать подарки’.

ii. Второй тип инкорпорации в персидском языке

Обычно инкорпорация в отношении персидского языка рассматривается только как способ детранзитивации переходных глаголов, т. е. считается, что если в персидском языке и присутствует инкорпорация, то только у непереходных СГ. При таком подходе считается, что все переходные глаголы не имеют парафразов, в которых СГ разбивается на ПД и простой глагол [Gomeshi and Massam 1994; Dabir-Moghaddam 1997, 41; Ahadi 2000a]. Однако многие переходные СГ имеют парафразы с их разбиением на простой глагол и прямое или косвенное дополнение. Мы считаем, что такие переходные СГ могут быть претендентами на статус инкорпоративных комплексов⁴⁶. Рассмотрим примеры.

(208) *mâdar* *felfel-râ* *be* *qazâ* *zad*
 мать перец-АКК ПРЕДЛ еда бить:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Мать добавила [этот] перец в еду.’

(209) *mâdar* *qazâ-râ* *felfel* *zad*
 мать еда-АКК перец бить:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Мать поперчила еду.’

В первом примере (208) *felfel* ‘перец’ является ПД глагола *zad*. Во втором примере (209) *felfel* теряет статус самостоятельного слова, присоединяется к глаголу *zad* и образует новый глагол *felfel zadan* ‘перчить’, имеющий новое ПД – *qazâ* ‘еда’.

(210) *ne-mixâh-id* *in* *arusak-râ* *be* *envân-e* [*hadiye*]
 не-хотеть:НАСТ-2МН этот кукла-АКК ПРЕДЛ вид-ИЗФ подарок
barâ-ye *bačče* *be-xar-id*
 ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок КОН-покупать-2МН
 ‘Не хотите купить эту куклу ребенку в качестве подарка?’

⁴⁶ В этой связи нельзя не отметить работу [Heig 2002], посвященную рассмотрению СГ в курдском языке. Дж. Хейг приходит к выводу, что только некоторые переходные СГ (причем в качестве глагольной компоненты должны выступать только *kirin* ‘делать’ или *dan* ‘давать’) могут считаться СГ инкорпоративного типа.

(211) *ne-mixâh-id in arusak-râ barâ-ye bačče hadiye*
 не-хотеть:НАСТ-2МН этот кукла-АКК ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок подарок
be-xar-id
 КОН-покупать-2МН
 ‘Не хотите купить эту куклу ребенку в подарок?’⁴⁷

В (210) *hadiye* ‘подарок’ имеет предлог *be envân-e* ‘в качестве’, отделено от глагола косвенным дополнением и выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения. В (211) *hadiye* ‘подарок’ теряет предлог, синтаксическую функцию косвенного дополнения и становится неотделимой частью переходного СГ *hadiye xaridan* ‘покупать в качестве подарка’.

iii. Инкорпорация второго имени в СГ

В персидском языке возможна также потеря именем (найлены примеры только на имена, выполняющие функцию ПД) морфологических показателей и его инкорпорация в уже образовавшийся СГ.

(212) *in mâjarâ ânqadr edâme peydâ kard ke*
 этот событие настолько продолжение явный делать:ПРОШ.3ЕД что
 ‘Это событие столько продолжалось, что... .’ (Farzâne Marâdi “Oftâdan”
www.maniha.com)

СГ *peydâ kardan* ‘находить’ сейчас уже вряд ли может быть разбит на прилагательное и глагол и представляет собой семантически и синтаксически единое целое. Существительное *edâme* ‘продолжение’, не имеющее морфологических показателей, инкорпорируется в глагол *peydâ kardan*.

Тут следует сделать оговорку, что нами не проверялась возможность отделения *edâme* ‘продолжение’ от СГ *peydâ kardan* ‘находить’. Предполагается, что *edâme* ‘продолжение’ может отделяться от СГ и тогда в подобных примерах можно говорить лишь о неоформленном ПД при переходном СГ.

⁴⁷ Данные примеры также показывают, что персидские СГ допускают даублинг (doubling), т. е. вынесение за инкорпоративный комплекс именной группы более специфичной (или хотя бы специфичной), чем именная компонента в составе инкорпоративного комплекса (например, *девять окуней мой отец [рыбо-поймал]*_{СГ} ‘Мой отец поймал девять окуней’). Хотя, конечно, далеко не все персидские переходные СГ допускают даублинг. Стрэндинга (stranding), т. е. вынесения нумератива, детерминатива, прилагательного или посессора за инкорпоративный комплекс (например, *красивые [мы-машино-видим]*_{СГ} ‘Мы видим красивые машины’), персидские СГ вообще не допускают. Более подробно о даублинге и стрэндинге и несколько отличного от М. Митун подхода к инкорпорации см. [Rosen 1989].

Итак, можно говорить о двух видах инкорпорации в персидском языке. Первый – образование непереходного СГ от переходного простого глагола. Второй – образование переходного СГ от переходного простого.

VI. Аргументы против инкорпорации в персидском языке

В разделе IV.3, рассматривая свойства СГ, мы говорили о невозможности отделения именной части от глагольной. Там же мы сделали оговорку, что между именной частью и глагольной могут помещаться некоторые вставки, а именно, энклитическое местоимение, эмфатическая частица *ke*, вспомогательный глагол *xâstan*, вспомогательный глагол *dâstan*. СГ, хотя и имеют единое ударение, акцентологически отличаются от сложных слов. Рассмотрим более подробно каждый из перечисленных случаев и посмотрим, могут ли они служить аргументами против того, чтобы считать СГ инкорпорацией.

i. Глагольные префиксы

Все глагольные префиксы (отрицание *na-*, префикс конъюнктива и императива *be -/ bo-*, префикс *mi-*, образующий настоящее-будущее время и имперфект) при образовании СГ сохраняют свое положение перед глагольной компонентой.

Непереходный СГ:

(213) *diruz kâr na-kard-am*
вчера работа не-делать:ПРОШ-1ЕД
'Я вчера не работал.'

(214) **diruz na-kâr kard-am*

(215) *dars bo-xân*
урок ИМП-читать:2ЕД
'Учись!'

(216) **bo-dars xân*

Переходный СГ:

(217) *u-râ dust na-dâr-am*
он-АКК друг не-иметь:НАСТ-1ЕД
'Я не люблю его.'

(218) **u-râ na-dust dâr-am*

(219) *mixâh-i šallâq-aš be-zan-and*
хотеть:НАСТ-2ЕД плеть-3ЕД КОН-бить-3МН
mixâh-i zajr-aš be-deh-and
хотеть:НАСТ-2ЕД пытка-3ЕД КОН-давать-3МН
'Хочешь, его выпорют, а хочешь — будут пытаться' [Soxan 5, 4559].

(220) **mixâh-i be-šallâq-aš zan-and mixâh-i be-zajr-aš deh-and*

Данное свойство СГ свидетельствует скорее о том, что СГ не представляют собой единого цельнооформленного слова.

ii. Энклитические местоимения (ЭМ)

Клитика – «акцентно несамостоятельная единица, не совпадающая ни с морфемой, ни со словоформой... Клитика, примыкающая к своему носителю справа⁴⁸, называется энклитикой» [Плунгян 2000, 28–29]. Данное определение абсолютно подходит для кратких личных местоимений персидского языка. Ударение в персидском языке фиксировано и приходится всегда на последний слог слова. Краткие личные местоимения, присоединяясь к концу словоформы или предлога, никогда не несут на себе ударения. Они могут присоединяться к существительному, прилагательному, предлогу или глаголу.

Таким образом, мы не можем считать их аффиксами, так как при фиксированном ударении на последнем слоге они остаются безударными; и тем более не можем считать их отдельными словоформами, так как они не обладают свойством автономности, то есть не могут употребляться отдельно (о критериях выделения словоформы см. [Плунгян 2000, 18–35], там же список литературы). Значит, краткие личные местоимения являются клитиками, а точнее, энклитиками (или энклитическими местоимениями), так как присоединяются к носителю справа.

Употребляясь с существительными, ЭМ выражают значение посессора. Если за существительным стоит определяющее его прилагательное, ЭМ ставится после прилагательного и относится ко всей синтагме.

| | | |
|---|---|--|
| (221) <i>ketâb-am</i> книга-1ЕД 'моя книга' | → | (222) [<i>ketâb-e bozorg</i>]- <i>am</i> книга-ИЗФ большой-1ЕД 'моя большая книга' |
|---|---|--|

Употребляясь с простыми глаголами, ЭМ ставится после флексии и имеет значение прямого (первый пример) или косвенного (второй пример) дополнений:

| | | |
|---|---|---|
| (223) <i>u-râ zad-am</i> он-АКК бить:ПРОШ-1ЕД 'Я его ударил'. | → | <i>zad-am-aš</i> бить:ПРОШ-1ЕД-3ЕД 'Я его ударил'. |
| (224) <i>čiz-i-râ be u goft-am</i> вещь-НР-АКК ПРЕДЛ он говорить:ПРОШ-1ЕД 'Я что-то ему сказал'. | → | <i>čiz-i-râ goft-am-aš</i> вещь-НР-АКК говорить:ПРОШ-1ЕД-3ЕД 'Я что-то ему сказал'. |

Употребляясь со сложными глаголами, ЭМ может выполнять синтаксическую функцию прямого или косвенного дополнения. Функцию косвенного дополнения ЭМ

⁴⁸ Т. е. к концу словоформы. Обозначения «справа», «слева» могут привести к путанице при обращении к языкам, использующим письмо, направленное справа налево.

может выполнять только с СГ, которые допускают рамочную конструкцию (т.е. те, которые допускают присоединение ПД к своей именной части через изафет; о рамочной конструкции см. **IV.3.ii.**).

(225) *xod-râ taslim-e u kard-am*
сам-АКК подчинение-ИЗФ он делать:ПРОШ-1ЕД
'Я подчинился ему'.

(226) *xod-râ taslim-aš kard-am*
сам-АКК подчинение-3ЕД делать:ПРОШ-1ЕД
'Я подчинился ему'.

ЭМ иногда может присоединяться к концу сложного глагола (к глагольной компоненте СГ, после флексии):

(227) *dust dâr-am-aš*
друг иметь:НАСТ-1ЕД-3ЕД
'Я ее/его люблю'.

(228) *lagad zad-am-at*
пинок бить:ПРОШ-1ЕД-2ЕД
'Я тебя пнул'.

Однако такое употребление ЭМ нехарактерно для современного персидского языка и встречается редко. Обычно ЭМ, употребляясь со сложными глаголами, ставится между именной и глагольной компонентами:

(229) *u doxtar-e rayis-e kešvar-râ nekâh kard*
он дочь-ИЗФ глава-ИЗФ страна-АКК брак делать:ПРОШ.3ЕД
'Он вступил в брак с дочерью президента'.

(230) *u nekâh-aš kard*
он брак-3ЕД делать:ПРОШ.ЕД
'Он вступил в брак с ней'.

(231) *u-râ kotak zad-am*
он-АКК побои бить:ПРОШ-1ЕД
'Я его побил'.

(232) *kotak-aš zad-am*
побои-3ЕД бить:ПРОШ-1ЕД
'Я его побил'.

Никакой разницы на семантическом уровне между двумя последними примерами нет. Единственным отличием может быть только то, что второе предложение больше характерно для разговорной речи, первое же имеет нейтральный статус и встречается как в разговорном, так и в письменном языке.

Итак, как мы видели, ЭМ действительно может ставиться между именной и глагольной компонентой, не изменяя при этом семантики предложения. Однако не нужно забывать, что это энклитики, несамостоятельные частицы, которые не могут выполнять функции

самостоятельного слова. В разговорном языке они могут появляться между глагольным префиксом (превербом) и глаголом, т. е. внутри словоформы.

(233) *bar* *dâr-aš*
 ПРЕВЕРБ ГЛ:ИМП-3ЕД
 / \
 братъ
 ‘Возьми его’.

(234) *bar-aš* *dâr*
 ПРЕВЕРБ-3ЕД ГЛ:ИМП.2ЕД
 / \
 братъ
 ‘Возьми его’.

Глагольные префиксы давно уже потеряли автономность и продуктивность и вошли в состав глагольной словоформы. Сейчас нет никаких оснований считать, что ЭМ, разделяя преверб и глагол, ставит под угрозу статус этого комплекса как единой словоформы. Другими словами, то, что в грамматиках персидского языка называется энклитическим местоимением, может вести себя не только как энклитика, но и как интраклитика, т.е. помещаться внутри словоформы. Следовательно, возможность введения ЭМ между именной и глагольной компонентой СГ не может считаться достаточным аргументом против того, чтобы считать СГ единым целым, а механизм их образования инкорпорацией.

Интересное наблюдение делает А. Голдберг [Goldberg in print]: если СГ стоит в так называемом «будущем категорическом времени» (которое образуется при помощи вспомогательного глагола *xâstan*), ЭМ может присоединяться только к именной части СГ:

(235) *masxare-aš* *xâh-and* *kard*
 насмешка-3ЕД xâstan-3МН делать:УСЕЧ.ИНФ
 ‘Они точно будут насмехаться над ним’.

(236) **masxare* *xâh-and* *kard-aš*
 насмешка xâstan-3МН делать:УСЕЧ.ИНФ-3ЕД

(237) **masxare* *xâh-and-aš* *kard*
 насмешка xâstan-3МН-3ЕД делать:УСЕЧ.ИНФ

Такое поведение ЭМ можно объяснить тем, что энклитика, будучи акцентологически несамостоятельной единицей, должна примыкать к акцентологически самостоятельной, ударной языковой единице. Как мы увидим ниже, глагольная компонента СГ при отрицании может принимать основное ударение и, таким образом, может быть потенциальным носителем основного ударения в СГ. Этим объясняется, почему возможно (хотя и не характерно для современного языка) помещение ЭМ в конец СГ.

В формах будущего категорического времени из глагольной части СГ в качестве потенциального носителя основного ударения может выступать только вспомогательный глагол (при отрицании основное ударение приходится на частицу отрицания, которая присоединяется к вспомогательному глаголу *xâstan*). Поэтому ожидалось бы, чтобы ЭМ присоединялось только к именной компоненте СГ или к вспомогательному глаголу *xâstan*. Однако, как показывает пример (237), присоединение ЭМ к вспомогательному глаголу невозможно. Мотивация такого запрета нам неясна.

iii. Усилительная частица *ke*

К. Мегердумиан [Megerdooian 2002, 63] пишет, что между двумя элементами, составляющими сложный глагол, может помещаться усилительная (emphatic) частица *ke*.

(238) *gerye ke mikard man ham bâ u*
 плачь КЕ делать:ИМПФ.ЗЕД я тоже ПРЕДЛ ЗЕД
minâlid-am
 плакать:ИМПФ-1ЕД
 ‘Когда бы она ни плакала, я тоже плакал с ней’.

Такое употребление *ke* характерно для разговорного языка и часто встречается у современных персидских писателей, старающихся подражать разговорной речи. В грамматике Ю.А. Рубинчика [2001], а также в известных нам отечественных исследованиях оно не отмечено. Обычно *ke* передает следующие значения: ‘что, кто’; ‘чтобы’; ‘который’; и т. д. Оказываясь между элементами сложного глагола, *ke* приобретает значение ‘когда’. Скорее всего, данное значение развилось из «сложного союза», состоящего из *ke* и имени со значением ‘время’ (*vaqt-i ke, hangâm-i ke, zamân-i ke* ‘во время, когда’). Частицу *ke* нельзя считать союзом с временным значением потому, что данное значение стандартно передается сложными союзами, причем, по словам Ю.А. Рубинчика [2001, 334] некоторые из них могут функционировать без *ke* (*vaqt-i* ‘когда’, *har vaqt* ‘всякий раз, когда’). Усилительной частицей *ke* названа, скорее всего потому, что приведенный пример, а также любые предложения, в которых *ke*⁴⁹ ставится

⁴⁹ *ke* в значении усилительной частицы может употребляться при подлежащем (а), косвенном (b) и прямом дополнении (с). Нужно заметить, что в данном значении у имени, к которому относится *ke*, никогда не появляется показатель релятивизации *-i*.

(a) *xoršid ke dar âmad...*
 солнце КЕ восходить:ПРОШ.ЗЕД
 ‘Когда взошло солнце...’

(b) *az dariĉe ke birun negâh kard-am...*
 ПРЕДЛ форточка КЕ наружу взгляд делать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Когда я выглянул в форточку...’ (Râzeq Mâmun “Gereh” www.farda.org)

между именной компонентой и глагольной, не являются прагматически нейтральными. Частица *ke* является безударной и не может начинать предложение. Таким образом, усилительная частица *ke* по своим свойствам очень похожа на энклитику и не может ставить под сомнение целостность СГ.

iv. Частица *ham* ‘даже’

Частица *ham* ‘даже’ тоже может находиться между именной компонентой и глагольной. Видимо, данное свойство проявляет себя только в разговорном языке:

(239) *telefon ham na-kard*
 телефон даже не-делать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Он даже не позвонил’ [Рубинчик 1983, т. II, 721].

(240) *moddat_{1, 2}-hâ bud ke digar be*
 промежуток₁ времени₂-МН быть:ПРОШ.3ЕД который уже ПРЕДЛ
in molâqât hattâ fekr ham na-karde bud
 этот встреча даже мысль даже не-делать:ППЕРФ.3ЕД
 ‘Прошло много времени, а у него даже мысль не промелькнула об этой встрече’.
 [Пауло Коэльо «Алхимик», перевод на персидский Деларайа Кахремана, с. 61].

Акцентологически частица является самостоятельной. Впрочем, нужно отметить, что в отличие от ЭМ, данная частица, употребляясь в предложении с превербным глаголом, не может находиться между превербом и глаголом.

v. Эллипсис глагольной компоненты

К. Мегердумиан считает, что эллипсис (он употребляет термин *gapping construction*) одного из компонентов СГ ставит под угрозу «лексическое или инкорпоративное единство» всего комплекса [Megerdumian 2002, 65]. К. Мегердумиан приводит следующие примеры:

(241) *tâ diruz ne-mitavânest-am har₁ ânče₂ fekr*
 до вчера не-мочь:ИМПФ-1ЕД все что_{1, 2} мысль
mikard-am va ehsâs boruz deh-am
 делать:ИМПФ-1ЕД и чувство обнаружение КОН.давать-1ЕД
 ‘До вчерашнего дня я не мог обнаружить, что я думал и чувствовал’. (*Muriyâne* Б. Аляви)

(242) *sâl-hâ sâsân-râ šekanje va azâb dâd-and*
 год-МН Сасан-АКК попытка и мучение давать:ПРОШ-3МН
 ‘Многие годы они пытались и мучили Сасана’. [Karimi-Doostan 1997]

(c) *to-râ ke na-bin-and*
 ты-АКК КЕ не-видеть:НАСТ-3МН
 ‘Тебя же не видели.’ (Râzeq Mâmun “Gereh” www.farda.org)

В примере (241) во втором сложном предикате *ehsās kardan* ‘чувствовать’, букв. «чувство делать» пропущена глагольная компонента *kardan*. В примере (242) у СГ *šekanje dâdan* ‘пытать’, букв. «пытка давать» пропущена глагольная компонента *dâdan*.

Как видно из примеров, возможен эллипсис только глагольной компоненты. В примере (242) *šekanje va azâb dâd-and* ‘они пытали и мучили’ можно рассматривать не как два СГ (*šekanje dâdan* ‘пытать’ и *azâb dâdan* ‘мучить’), а как единый СГ *šekanje va azâb dâdan*. Утверждение К. Мегердумиана о том, что эллипсис глагольной компоненты ставит под угрозу инкорпоративное единство комплекса, следует признать необоснованным хотя бы потому, что ни у одного из известных нам исследователей, занимающихся инкорпорацией в различных языках, не говорится о том, что эллипсис составляющих инкорпоративный комплекс является аргументом против существования инкорпорации в том или ином языке.

vi. Вспомогательный глагол *xâstan*

При образовании так называемого «будущего категорического времени» вспомогательный глагол *xâstan* регулярно вставляется между именной и глагольной компонентой СГ. Примеры из [Ahadi 2000a, 16]:

Переходный СГ:

(243) *Ali Minâ-râ tahdid kard*
Али Мина-АКК угроза делать:ПРОШ.ЗЕД
‘Али угрожал Мине’.

(244) *Ali Minâ-râ tahdid xâh-ad kard*
Али Мина-АКК угроза *xâstan*-ЗЕД делать:УСЕЧ.ИНФ
‘Али обязательно будет угрожать Мине’.

(245) **Ali Minâ-râ xâh-ad tahdid kard*
Али Мина-АКК *xâstan*-ЗЕД угроза делать:УСЕЧ.ИНФ

Непереходный СГ:

(246) *man niyâz dâšt-am ke be-nešin-am*
я нужда иметь:ПРОШ-1ЕД что КОН-сидеть-1ЕД
‘Мне нужно было сесть’ (“Man yek zan-e englisi bude-am” Faribâ Sadiqim
<http://www.rezaghasssemi.org/ketabkhaneh.htm>)

(247) *vatan-e mâ fardâ be afrâd-i bâ ruhiyât-i bâ*
родина-ИЗФ мы завтра ПРЕДЛ люди-НР ПРЕДЛ боевой дух ПРЕДЛ
in dast niyâz xâh-ad dâšt
этот рука нужда *xâstan*:УСЕЧ.ИНФ-ЗЕД иметь:ПРОШ.ЗЕД
‘Наша родина завтра точно будет нуждаться в людях с боевым духом и с такими руками’. (“Negarânihâ-ye man” Ahmad Šâmlu www.shamlou.org)

Однако, как отмечено в грамматике [Рубинчик 2001, 243], при образовании будущего категорического времени от префиксальных глаголов вспомогательный глагол *xâstan* имеет постоянную позицию между префиксом и основным глаголом. Например,

bar-gaštan ‘возвращаться’:

(248) *bar xâh-am gašt*
 ПРЕВЕРЬ *xâstan*-1ЕД ГЛ.УСЕЧ.ИНФ
 ‘Я обязательно вернусь’.

Как уже было сказано в разделе VI.ii, цельность префиксальных глаголов в современном языке никогда не подвергалась сомнению. Таким образом, возможность вставки вспомогательного глагола *xâstan* не является аргументом против единства составляющих СГ.

vii. Вспомогательный глагол *dâštan* и модальный глагол *tavânestan*

К. Мегердумиан пишет [Megerdooian 2002, 63], что между сложными глаголами может помещаться не только глагол *xâstan*, но и вспомогательный глагол *dâštan*, образующий «прогрессив»⁵⁰, и модальный глагол *tavânestan* ‘мочь’.

(249) *qeumat-hâ pâyin dâr-and miây-and*
 цена-МН низ *dâštan*:НАСТ-3МН идти:НАСТ-3МН
 ‘Цены падают.’

Вспомогательный глагол *dâštan*, в отличие от вспомогательного глагола *xâstan*, может свободно перемещаться внутри предложения, не изменяя при этом его смысл. *dâštan* может помещаться между составляющими СГ, однако, насколько нам известно, данный вспомогательный глагол, употребляясь с префиксальными глаголами, не может помещаться между префиксом и основным глаголом. Таким образом, поведение вспомогательного глагола *dâštan* является аргументом против трактовки СГ как инкорпоративных комплексов.

Относительно возможности помещения модального глагола *tavânestan* ‘мочь’ между составляющими СГ К. Мегердумиан [Megerdooian 2002, 63] приводит следующий пример:

(250) *in gonješk parvaz ne-mitun-e bo-kon-e*
 этот воробей полет не-мочь:НАСТ-3ЕД КОН-делать-3ЕД
 ‘Этот воробей не может летать.’

⁵⁰ Ю.А. Рубинчик [2001] пишет, что глагол *dâštan* образует «конкретное настоящее» или «конкретное прошедшее время»

Линейная позиция в структуре предложения модальных глаголов (как и наречий) является достаточно свободной. Кроме этого, в отличие от вспомогательных глаголов, модальные глаголы, не изменяя своего значения, могут употребляться самостоятельно. Таким образом, последний пример, приведенный К. Мегердумианом, является самым веским аргументом против рассмотрения СГ как целостных инкорпоративных комплексов.

Однако следует сделать замечание, что помещение как *dāštan*, так и *tavānestan* между составляющими СГ встречается крайне редко (скорее только в разговорном языке) и не является языковой нормой. Информант воспринимает такие предложения, как ошибочные.

viii. Поведение ударения

В IV.3.iv. мы говорили, что СГ имеют единое ударение, которое падает на последний слог именной компоненты. Однако в целом в персидском языке ударение фиксировано и всегда приходится на последний слог, в том числе и в сложных словах:

(251) *čašm-hā'-ye siyāh*
 глаз-МН-ИЗФ черный
 'черные глаза'

(252) *siyāh-čašm*
 черный-глаз
 'черноглазая' (например, девушка с черными глазами)

(253) *Ali dār-rā bāz kard*
 Али дверь-АКК открытый делать:ПРОШ.3ЕД
 'Али открыл дверь'. [Megerdoomian 2002, 80]

(254) *dar-bāz-kón*
 крышка-открытый-делать:ОНВ
 'отмычка (двери)'; 'открывашка (бутылки)' [Megerdoomian 2002, 80].

Примеры (251) и (252) показывают, что при образовании сложных слов ударение приходится на последний слог сложного слова. Примеры (253), (254) показывают, что при образовании сложного слова от СГ, ударение приходится на последний слог, а не на именную компоненту бывшего СГ. Как отмечает М. Мегердумиан [Megerdoomian 2002, 81], при отрицании у СГ ударение перемещается с именной компоненты на суффикс отрицания:

(255) *Māni šenā ne'-mikon-e*
 Мани плавание не-делать:НАСТ-3ЕД
 'Мани не плавает.'

Таким образом, поведение ударения в СГ отличает данные комплексы от именных сложных слов.

ix. Выводы

СГ представляют собой сильную степень единства, однако данное единство не может быть признано абсолютным. СГ могут «разрываться» языковыми элементами, которые имеют статус автономной словоформы (модальный глагол), хотя, по-видимому, подобные случаи выходят за рамки языковой нормы. В любом случае, в морфологическом и фонологическом планах персидские СГ не представляют собой одной словоформы. Следовательно, персидские СГ не могут считаться синтетической инкорпорацией.

В этой связи следует отметить, что рассматриваемое явление в персидском языке иногда называют «коалесценцией» или «сращением» (фр. *coaléscence*) [Lazard 1982; 1994]. Под коалесценцией Ж. Лазар понимает объединение главного и зависимого слов, которое выражается в морфологической немаркированности зависимого и его синтаксической близости с главным. Инкорпорация рассматривается при этом как крайний случай коалесценции. Однако термин «коалесценция» слишком широк для того, чтобы отразить специфику персидских СГ.

В теории инкорпорации для явлений, близких к инкорпорации, используется также термин «квазиинкорпорация» [Муравьева (рукопись)], (или синонимичные ему термины – «синтаксическое сращение» и «слабая инкорпорация», англ. *loose incorporation* [Miner 1986]). Квазиинкорпорация отличается от аналитической инкорпорации по следующим параметрам:

1) при квазиинкорпорации имя может быть отделено от глагола некоторыми служебными словами. При аналитической инкорпорации инкорпорированное в глагол имя неотделимо от него.

2) при квазиинкорпорации имя может быть вынесено из комплекса имя + глагол, если оно выступает в качестве мишени топикализации и фокализации. При аналитической инкорпорации не допускается нарушение контактного расположения инкорпорированного имени и глагола.

3) при аналитической инкорпорации имя теряет способность присоединять зависимые слова, другими словами, инкорпорироваться могут только имена, но не именные группы. В тех языках, для которых первоначально был выработан термин «квазиинкорпорация», к именам, «квазиинкорпорированным» в глагол, также невозможно присоединение

определений. Однако, как показывает И.А. Муравьева [рукопись], в турецком языке, к которому применим термин «квазиинкорпорация», имя, квазиинкорпорированное в глагол, может иметь зависимые слова.

4) из свойств 1) и 2) делается вывод о том, что при квазиинкорпорации квазиинкорпорированный объект теряет часть своей синтаксической автономности, однако не перестает быть актантом предложения (при аналитической и синтаксической инкорпорации объект, инкорпорированный в глагол, теряет синтаксическую функцию объекта, а глагол теряет свою переходность). В результате квазиинкорпорации образуются так называемые «полупереходные глаголы», объект которых теряет свои морфологические свойства (или способность быть представленным в качестве объектных суффиксов внутри глагола), но сохраняет некоторую синтаксическую автономность.

Персидские СГ не подходят под определение квазиинкорпорации. Из языковых элементов, претендующих на статус автономных, именная компонента СГ может отделяться от глагольной только модальным глаголом *tavânestan*, хотя, как мы заметили выше, подобные примеры, скорее всего, выходят за рамки языковой нормы, встречаются крайне редко и только в разговорном языке. Именная компонента не может быть вынесена за пределы СГ в результате топикализации и фокализации. Именная компонента не может иметь зависимых слов (мы исключаем из своего рассмотрения СГ, допускающие рамочную конструкцию IV.3. ii). Таким образом, не соблюдаются все условия квазиинкорпорации, кроме, условия 1), которое соблюдается с некоторыми оговорками.

Представляется, что, если не учитывать возможность вставки между именной компонентой СГ и глагольной модального глагола *tavânestan* 'мочь' (которая встречается крайне редко и скорее не является языковой нормой), персидские СГ можно рассматривать как частный случай аналитической инкорпорации. Мы также предполагаем, что в дальнейшем развитие персидского языка пойдет по пути превращения СГ в единую морфологическую, а затем и акцентологическую словоформу, которую (при сохранении прозрачности ее семантики и возможности разделения на простой глагол и оформленное дополнение) можно будет уже рассматривать как синтетическую инкорпорацию (единая цельнооформленная словоформа).

VII. Еще раз об определении термина ПД в персидском языке

В предыдущих главах (IV.3 и VI) мы рассмотрели свойства СГ и теперь можем вернуться к проблеме разграничения неоформленного ПД при простом глаголе и непереходного СГ. Напомним, что традиционное определение ПД [Рубинчик 2001, 454], которого мы до сих пор придерживались, никак не решает данную проблему, ограничиваясь лишь указанием на то, что если ПД «определено», «известно» или «упоминалось выше», к нему может присоединяться послелог $-r\acute{a}$, а если ПД «неизвестно», «упоминается впервые» и представляет собой «предмет как представитель всего класса», оно ничем не оформляется.

ПД в персидском языке можно попытаться определить на основе морфологии: если именная группа, заполняя вторую валентность переходного глагола, имеет хотя бы один из морфологических показателей референтности ($-r\acute{a}$ или $-i$, или $-r\acute{a} + -i$), она считается ПД. В обратном случае, если именная группа «заполняет» вторую валентность глагола и не имеет ни одного из морфологических показателей референтности, она считается частью СГ. Такой подход к вопросу об определении ПД находит подтверждение в лингвистической типологии⁵¹. П. Хоппер и С. Томпсон [Hopper, Thompson 1980, 257–258] отмечают, что «в некоторых языках, когда объект является неопределенным или нереферентным, имеются причины для того, чтобы глагол считать непереходным». В таком случае возможна инкорпорация объекта в глагол, при этом могут происходить фонологические изменения объекта (чукотский), изменение падежного маркирования в эргативных языках (тонганский), изменение порядка слов (венгерский) и т.д. Для каждого языка выделяется свой критерий, в соответствии с которым нереферентное ПД считается (или не считается) инкорпорированной частью глагола. Как мы видели, рассматриваемые нами СГ очень близки к явлению, называемому инкорпорацией. Морфологическое определение ПД очень удачно сочеталось бы с предложенным нами механизмом образования СГ.

Однако, как было показано в [Выдрин 2005б], морфологический подход к определению ПД в персидском языке имеет несколько существенных недостатков, которые иногда мешают адекватно отличить ПД от именной части СГ. Перечислим их:

1) Имеются случаи, когда нереферентное имя (без каких-либо морфологических показателей) в позиции ПД может отделяться от глагола:

⁵¹ Также в работе [Островский 1981, 161], посвященной языку дари (который некоторые исследователи считают диалектом персидского), можно усмотреть выводы, созвучные со сделанными нами относительно ПД в персидском.

(256) *Majid az ketâbxâne ketâb xarid*
 Маджид ПРЕДЛ библиотека книга покупать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Маджид купил книги в библиотеке’.

(257) *Majid ketâb az ketâbxâne xarid*
 Маджид книга ПРЕДЛ библиотека покупать:ПРОШ.3ЕД
 ‘Маджид купил книги в библиотеке’.

2) имя без морфологических показателей не обязательно является нереферентным. Существуют примеры (пусть и немногочисленные), в которых именные группы заполняют вторую валентность переходного глагола, не имеют никаких морфологических показателей, но являются при этом референтными:

(258) *barâ-ye jobrân-e in xesârat [do belit-e havâpeymâ]*_{ПД}
 ПРЕДЛ-ИЗФ возмещение-ИЗФ этот ущерб два билет-ИЗФ самолет
barâ-ye safar-e šomâ va hamsar-e mohtaram-etân
 ПРЕДЛ-ИЗФ путешествие-ИЗФ вы и супруга-ИЗФ уважаемый-2МН
 [*tahiye karde-am*]_{СГ}
 приготовление делать:ПЕРФ-1ЕД

‘В качестве компенсации нанесенного ущерба, я приготовил два билета на самолет для Вашего путешествия с Вашей уважаемой супругой’. (Âmuzesh-e zabân-e fârsi be qeurg-e fârsizabânâ. Doktor Ziyâ’ Tâj ad-Din 1382 (2003/2004), pp.28).

В [Выдрин 2005б] предлагается определять ПД в персидском языке не на основе морфологии, а на основе синтаксических свойств последнего, отличающихся от синтаксических свойств именной части СГ. ПД обладает следующими синтаксическими свойствами: способность перемещаться (256)–(257) (как было показано в разделе IV.3, это свойство отсутствует у СГ); способность быть антецедентом анафорического местоимения (нереферентное ПД — (259), референтное ПД — (260)) – ср. отсутствие данной способности у именной компоненты СГ (261); способность к эллиптическому сокращению (262) и невозможность эллиптического сокращения именной части СГ (263); поведение ПД при номинализации (266)–(267) – ср. с номинализацией СГ (264)–(265).

(259) *pedar-am har ruz ruznâme_i mixar-ad*
 отец-1ЕД каждый день газета покупать:НАСТ-3ЕД
va ân-râ mixân-ad
 и тот-АКК читать:НАСТ-3ЕД

‘Мой отец каждый день покупает газету_i и читает ее,’ (Âmuzesh-e zabân-e fârsi be qeurg-e fârsizabânâ. Doktor Ziyâ’ Tâj ad-Din 1382 (2003/2004), pp. 27).

(260) *man dišab_{1, 2} [qazâ_i]_{ПД-râ} xord-am va kam-i*
 я прошлая₁ ночь₂ еда-АКК есть:ПРОШ-1ЕД и мало-НР
az ân-râ_i ham be gorbe dâd-am
 ПРЕДЛ тот-АКК также ПРЕДЛ кошка давать:ПРОШ-1ЕД

‘Я поел этой еды и дал немного кошке.’ (букв. «Я поел этой еды_i и немного от нее_i дал кошке»)

(261) **man dišab*_{1,2} [qazâ_i xord-am]_{СГ} va kam-i
 я прошлая₁ ночь₂ еда-АКК есть:ПРОШ-1ЕД и мало-НР
az ân-râ_i ham be gorbe dâd-am
 ПРЕДЛ ТОТ-АКК также ПРЕДЛ кошка давать:ПРОШ-1ЕД

(262) *man [mâhi]_{ПД-рâ} gereft-am va*
 я рыба-АКК братъ:ПРОШ-1ЕД и
tu-ye houz gozâšt-am
 внутренность-ИЗФ бассейн класть:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я поймал рыбу и поместил ее в бассейн’.

(263) **man [mâhi gereft-am]_{СГ} va tu-ye houz gozâšt-am*

Как уже было показано в разделе IV.3, при номинализации СГ становится неразрывным цельнооформленным словом:

(264) *bačče-hâ [qazâ xord-and]_{СГ}*
 ребенок-МН еда есть:ПРОШ-3МН
 ‘Дети поели’.

(265) [*qazâ xord-an*]-e *bačče-hâ*
 еда есть-ИНФ-ИЗФ ребенок-МН
 ‘Принятие пищи детьми’

При номинализации переходного глагола с ПД показатель номинализации *-an* получает только глагол, ПД же перемещается в постпозицию к глаголу и связывается с последним при помощи изафета (т. е. становится определением к форме на *-an*).

(266) *bačče-hâ [qazâ]_{ПД-рâ} xord-and*
 ребенок-МН еда-АКК есть:ПРОШ-3МН
 ‘Дети съели эту еду’.

(267) *xord-an-e qazâ tavassot-e bačče-hâ*
 есть-ИНФ-ИЗФ еда посредством-ИЗФ ребенок-МН
 ‘Потребление детьми этой пищи’

У ПД, не имеющего никаких морфологических показателей, присутствуют, по крайней мере, два из выделенных синтаксических свойств: способность перемещаться (256)–(257) и способность быть антецедентом анафорического местоимения (259). Данное обстоятельство убеждает нас в правильности синтаксического подхода к определению ПД в персидском языке, который позволяет на формальных основаниях отличить именную часть СГ от морфологически неоформленного ПД переходного глагола.

VIII. Семантические типы СГ (по семантике именной компоненты)

Именная компонента в составе СГ может иметь следующие значения:

1) инструмента

(268) *u in čub-râ zad*
он этот палка-АКК бить:ПРОШ.3ЕД
'Он ударил эту палку'.

(269) *pedar pesar-aš-râ bā čub zad*
отец сын-3ЕД-АКК ПРЕДЛ палка бить:ПРОШ.3ЕД
'Отец поколотил сына палкой'.

(270) *pedar pesar-aš-râ čub zad*
отец сын-3ЕД-АКК палка ударять:ПРОШ.3ЕД
'Отец поколотил палкой сына'.

В примере (268) представлен переходный глагол *zadan* 'ударять, бить', который управляет ПД *čub* 'палка' с помощью послелога *-râ*. В примере (269) *čub* 'палка' выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения, ПД становится *pesar* 'сын'. Комплекс *bā čub zad* не является СГ, а представляет собой свободное сочетание косвенного дополнения с предлогом и глагола. В примере (270) *čub zad* представляет собой уже неразрывный переходный СГ. В составе СГ в качестве имени со значением инструмента могут использоваться также части тела («квазиинструмент»), например, *pa zadan* 'ударять ногой', букв. «нога бить»; *mošt zadan* 'ударять кулаком', букв. «кулак бить»; *kalle zadan* 'ударять головой', букв. «голова бить».

2) образа действия

(271) *mitun-i in-râ be nasiye be-foruš-i*
мочь:НАСТ-2ЕД этот-АКК ПРЕДЛ кредит КОН-продавать-2ЕД
Можешь продать это в кредит?

(272) *mitun-i in-râ [nasiye be-foruš-i]_{СГ}*
мочь:НАСТ-2ЕД это-АКК кредит КОН-продавать-2ЕД
Можешь продать это в кредит?

В (271) словосочетание *be nasiye be-foruš-i* состоит из косвенного дополнения с предлогом и простого глагола. В (272) *nasiye be-foruš-i* является СГ.

3) цели

(273) *ne-mixâh-id in arusak-râ be envân-e hadiye*
не-хотеть:НАСТ-2МН этот кукла-АКК ПРЕДЛ вид-ИЗФ подарок
barâ-ye bačče be-xar-id
ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок КОН-покупать-2МН
'Не хотите купить эту куклу ребенку в качестве подарка?'

(274) *ne-mixâh-id* *in arusak-râ* *barâ-ye* *bačče* *hadiye*
 не-хотеть:НАСТ-2МН этот кукла-АКК ПРЕДЛ-ИЗФ ребенок подарок
be-xar-id
 КОН-покупать-2МН
 ‘Не хотите купить эту куклу ребенку в подарок?’

В (273) глагол ‘покупать’ не является СГ, ‘в качестве подарка’ выполняет функцию косвенного дополнения; ‘в качестве подарка’ отделено от глагола другим косвенным дополнением с предлогом. В (274) представлен СГ ‘покупать в подарок’.

4) места

(275) *man Ahmad-râ* *tekân* *dâd-am* *va* *be* *zamin*
 я Ахмад-АКК толчок давать:ПРОШ-1ЕД и ПРЕДЛ земля
anâdxt-am-aš
 бросать:ПРОШ-1ЕД-3ЕД
 ‘Я толкнул Ахмада и повалил его на землю’.

(276) *man* *Ahmad-râ* *tekân* *dâd-am* *va* *zamin-aš*
 я Ахмад-АКК толчок давать:ПРОШ-1ЕД и земля-3ЕД
andâxt-am
 бросать:ПРОШ-1ЕД
 ‘Я толкнул Ахмада и повалил его на землю’.

В примере (275) показан простой глагол *andâxtan* ‘бросать’, *zamin* ‘земля’ выполняет синтаксическую функцию косвенного дополнения, так как оформляется предлогом *be*. В (276) примере *zamin* ‘земля’ теряет предлог, синтаксическую функцию косвенного дополнения и становится частью нового СГ *zamin andâxtan* ‘повалить, положить на землю’.

IX. Все ли СГ можно считать явлениями, близкими к инкорпорации?

М. Дабир-Мукаддам [Dabir-Moghaddam 1997, 46–47], а за ним Ш. Ахади [Ahadi 2000a, 12] считают, что в персидском языке существует два способа образования СГ – инкорпорация и «соединение» (Combination). Соединение представляет собой образование фразеологических единиц (в терминах В.Н. Телии [1990, 1996]). Предлагается 4 признака, по которым они различаются:

1. Для каждой инкорпоративной конструкции существует соответствующая ей конструкция без инкорпорации, где у бывшей именной компоненты СГ имеется определенная семантическая роль (theta-Role). Конструкции, представляющие собой «соединение», не имеют парафразов, у именной компоненты СГ, представляющих собой соединение, отсутствует семантическая роль.

2. Все сложные глаголы, образованные путем инкорпорации, являются непереходными, в то время как СГ, образованные с помощью соединения, могут быть как непереходными, так и переходными. Другими словами, инкорпорация в персидском языке представляет собой продуктивный способ детранзитивации (intransitivation process)

3. При инкорпорации глагольная компонента СГ остается семантически прозрачной (remains lexically and syntactically transparent). При образовании СГ с помощью соединения глагольная компонента лексикализована и выполняет только функции аспектуального маркера ('the verb... is lexicalized to serve as an aktionsart ("type of action", "mode of action") marker, a sort of aspectual character'). Этим объясняется то, что у СГ, образованных с помощью соединения, иногда возможно при сохранении одного значения употребление разных глагольных компонент.⁵²

4. Способ образования глаголов с помощью инкорпорации является продуктивным и семантически прозрачным. Процесс образования глаголов с помощью соединения по сравнению с инкорпорацией менее продуктивен и обычно семантически не прозрачен ('the compound usually involves metaphoric extension').

СГ, образованные любым из двух названных способов, имеют одни и те же морфологические, синтаксические и морфологические свойства⁵³.

⁵² Данная проблема будет рассмотрена в главе **XI**.

⁵³ Данные свойства были рассмотрены нами в **IV.3** и **VI**.

Нужно признать, что последние два признака практически идентичны друг другу. Признак 4. отличается от признака 3. только тем, что говорит о большей продуктивности инкорпорации по сравнению с соединением.

Нельзя согласиться со вторым признаком, выделенном М. Дабиром-Мукаддамом. Как будет показано ниже, семантическая прозрачность и продуктивность присутствует не только у непереходных СГ, но и у переходных СГ.

Следует согласиться с предложением М. Дабира-Мукаддама разделить СГ, образованные с помощью инкорпорации (по механизму, описанному нами в IV.2) и СГ, образованные с помощью соединения. Соединение превращает глагольно-именной комплекс в лексикализованную, фразеологическую единицу, которая не допускает превращения своей именной компоненты в прямое или косвенное дополнение с предлогом. Например:

(277) *man majid-râ tahdid kard-am*
я Маджид-АКК угроза делать:ПРОШ-1ЕД
'Я пригрозил Маджиду'.

(278) **man in tahdid-râ kard-am*
я этот угроза-АКК делать:ПРОШ-1ЕД
*'Я сделал эту угрозу'.

Глагол *tahdid kardan* лексикализован, не имеет парафразов с простым глаголом и референтным прямым / косвенным дополнением, и потому не может быть признанным инкорпоративным комплексом. Отметим в этой связи, что, по мнению М. Митун [Mithun 1984, 848], в любом языке, допускающем инкорпорацию, имеются синтаксические парафразы, т. е. предложение с инкорпорацией в принципе должно иметь соответствующее предложение без инкорпорации. Хотя это может соблюдаться не всегда [Mithun 2001, 45]. Применительно к персидскому данный тезис можно сформулировать следующим образом: если СГ не имеет парафразов, не обязательно он является фразеологической единицей.

Отнесение или неотнесение того или иного двусоставного СГ (образованного по типу существительное плюс глагол) к единицам фразеологии должно решаться, исходя прежде всего из следующего: у СГ, образованных по инкорпоративному типу, глагольная компонента может сочетаться со всеми представителями того или иного семантического класса имен. Например, у СГ *dād kešidan* 'кричать о помощи' букв. «крик о помощи тянуть» глагольная компонента *kešidan* может сочетать со всем классом названий криков, воплей и протяжных громких звуков (*faryād kešidan* 'кричать', букв. «крик тянуть», *jār kešidan* 'кричать', букв. «крик тянуть», *zuzē kešidan* 'визжать', букв. «визг тянуть»). СГ *harf*

zadan ‘говорить’, букв. «слова /буквы бить», хотя и может быть разложен на оформленное ПД и простой глагол, является фразеологической единицей, так как невозможно образовать СГ, в котором в качестве глагольной компоненты использовался бы тот же глагол *zadan* ‘бить’, а в качестве именной – синоним *harf* ‘слова /буквы’ (**soxan zadan* букв. «слова бить», **kalame zadan* букв. «слова бить»).

В дальнейшем, при обращении к СГ мы имеем в виду только те из них, которые образованы с помощью инкорпорации.

Х. О семантике глагольной компоненты СГ

Глагольная часть СГ в англоязычных работах именуется «слабым глагол» (light verbs)⁵⁴. Сам же СГ иногда называется «конструкцией со слабым глаголом» (light verb construction) [Megerdooian 2002, 55–56]. В данной главе работы для глагольной компоненты СГ мы сохраним термин «слабый глагол». В литературе, посвященной таким конструкциям в персидском языке, утверждается, что слабые глаголы являются семантически пустыми, и именно именная компонента определяет аргументную структуру СГ (“it is the preverbal nominal element that lends its arguments to the complex verb”) [Mohammad and Karimi, 1992]. Рассмотрим примеры из [Megerdooian 2002, 67]:

- (279) *Nâder ketâb-ro be Hušang dâd*
Надер книга-АКК ПРЕДЛ Хушанг давать:ПРОШ.3ЕД
‘Надер дал книгу Хушангу.’
- (280) *Nâder estefâ’ dâd*
Надер отставка давать:ПРОШ.3ЕД
‘Надер подал в отставку.’
- (281) *Nâder in pesar-ro nejât dâd*
Надер этот мальчик-АКК спасение давать:ПРОШ.3ЕД
‘Надер спас этого мальчика.’
- (282) *Nâder ketâb-ro ru-ye miz qarâr dâd*
Надер книга-АКК поверхность-ИЗФ стол покой давать:ПРОШ.3ЕД
‘Надер положил книгу на стол.’

На основе продемонстрированных примеров (279) – (282) Дж. Мухаммад и С. Карими [Mohammad and Karimi, 1992] делают вывод, что только изменение именной компоненты СГ влияет на изменение аргументной структуры СГ.

М. Карими-Дустан [Karimi-Doostan 1997] и М. Вахеда-Лангруди [Vahedi-Langrudi 1996] также считают, что слабый глагол являются семантически пустой единицей, которая не имеет собственной семантической роли и не влияет на аргументную структуру СГ. Переходность / непереходность СГ определяет именная компонента. Рассмотрим примеры:

- (283)
geriye kardan ‘плакать’, букв. «плач делать» (непереходный СГ)
geriye-ye bačče ‘плач ребенка’, букв. «плач-ИЗФ ребенок»
- (284)
pardâxt kardan ‘платить’, букв. «плата делать» (переходный СГ)
pardâxt-e pul be hamsâye (tavassot-e Ali)
плата-ИЗФ деньги ПРЕДЛ сосед посредством-ИЗФ Али
‘плата денег соседу (посредством Али)’

⁵⁴ Ю.А. Рубинчик для глагольной компоненты СГ использует термин «композирующие глаголы» [2001, 221]

В примере (283) СГ является непереходным потому, что его именная компонента ‘плач’ имеет только одну валентность. В примере (284) СГ является переходным потому, что его именная компонента имеет явно больше одной валентности.

Тезис о том, что на переходность / непереходность СГ влияет только именная компонента СГ, нам кажется сомнительным, во-первых, потому, что, исходя из именной компоненты СГ, мы не можем предсказать аргументную структуру СГ. Например, при использовании в качестве глагольной компоненты не *dâdan*, а *šodan* СГ практически всегда будет непереходным. Во-вторых, следует согласиться с замечанием А. Голдберг [Goldberg 1995], С. Карими [Karimi 1997] и М. Мегердумиана [Megerdoomian 2002, 68], что подход Дж. Мухаммада и С. Карими [Mohammad and Karimi, 1992] сталкивается с трудностями, когда в качестве именной компоненты выступает прилагательное или причастие, которые обычно не имеют семантических ролей (theta roles).

М. Мегердумиан замечает [Megerdoomian 2002, 68], что существует большое количество СГ, в которых только смена слабого глагола будет влиять на переходность, поэтому считать, что слабые глаголы не влияют на аргументную структуру предиката было бы нелогично. Например, при сохранении одной и той же именной компоненты в (285) в качестве слабого глагола выступает *zadan* ‘бить’, и СГ является переходным, в (286) в качестве слабого глагола выступает *xordan* ‘есть’, и СГ является непереходным. То же самое мы наблюдаем в примерах (287) и (288)

(285) *Hušanġ Nâder-ro ġul zad*
Хушанġ Надер-АКК обман бить:ПРОШ.3ЕД
‘Хушанġ надул Надера.’

(286) *Nâder ġul xord*
Надер обман есть:ПРОШ.3ЕД
‘Надера обманули’ букв. «Надер обман съел».

(287) *pezešk mariz-ro sefâ dâd*
врач больной-АКК лечение давать:ПРОШ.3ЕД
‘Врач вылечил больного.’

(288) *mariz sefâ yâft*
больной лечение искать:ПРОШ.3ЕД
‘Больной вылечился.’

Из примеров видно, что при смене слабого глагола сама ситуация не меняется (в первых двух примерах сохраняется ситуация обмана Надера, во вторых двух примерах – излечения больного), меняется только аргументная структура.

Основываясь на приведенных выше примерах, М. Мегердумиан [Megerdoomian 2002, 69] считает, что слабый глагол определяет внешний аргумент (external argument), а именная компонента СГ – внутренний аргумент (internal argument). Данные термины

обычно употребляются в генеративистике и взяты из Тета-теории, которая в свою очередь является составляющей Теории принципов и параметров. Внешним аргументом называется аргумент, получающий семантическую роль от вершины некоторой составляющей (фразовой категории) и не входящий при этом в эту составляющую. В порождающей грамматике внешним аргументом считается подлежащее, которое никогда не входит в глагольную группу. Внутренним аргументом, следовательно, считается аргумент, получающий семантическую роль от вершины некоторой составляющей и входящий при этом в данную составляющую. Внутренними аргументами считаются дополнения, которые всегда входят в глагольную группу (см. например, [Тестелец 2001, 554–613; Бейлин 2002, 32–50] там же более подробная литература). Другими словами, М. Мегердумиан считает, что валентность на подлежащее определяется слабым глаголом, а на дополнение (и, следовательно, на переходность всего СГ) – именной компонентой СГ.

Если наше понимание внутреннего и внешнего аргумента и тот смысл, который вкладывает в них М. Мегердумиан, совпадают, вывод М. Мегердумиана противоречит примерам, приведенным им самим⁵⁵. В примерах (285)–(286), так же как и в примерах (287)–(288), именная компонента остается неизменной, в то время как переходность СГ (и, следовательно, распределение валентностей) меняется.

Мы считаем, что

1. у слабого глагола есть значение⁵⁶;
2. значение слабого глагола определяет переходность / непереходность СГ и, следовательно, аргументную структуру предложения в целом;
3. именная компонента определяет «вещественное наполнение» ситуации (ситуация обмана, ситуация излечения) и не влияет на переходность СГ.

Исходя из того, что переходность СГ определяет слабый глагол, в языке обнаруживаются пары слабых глаголов (приводятся ниже), при употреблении одного из которых СГ становится переходным, при употреблении другого – непереходным (именная компонента при этом остается неизменной).

⁵⁵ Однако далее, на примере пары слабых глаголов *şodan* ‘становиться’ и *kardan* ‘делать’ М. Мегердумиан показывает, что аргументную структуру полностью определяет слабый глагол. В частности, внутренний аргумент определяет «внутренний слабый глагол» (Inner Light verb), а внешний аргумент — «внешний слабый глагол» (Outer Light verb). М. Мегердумиан разлагает слабый глагол *kardan* ‘делать’ как каузировать+становится. «Внутренним слабым глаголом» слабого глагола *kardan* он называет «смысл становится», а «внешним слабым глаголом» — каузировать.

⁵⁶ Об этом речь пойдет несколько ниже, в главе XII.

Непереходные слабые глаголы

| | |
|-----------------|---------------|
| <i>šodan</i> | ‘становиться’ |
| <i>gardidan</i> | ‘крутиться’ |
| <i>didan</i> | ‘видеть’ |
| <i>xordan</i> | ‘есть’ |
| <i>yâftan</i> | ‘находить’ |

Переходные слабые глаголы

| | |
|-----------------|-----------|
| <i>kardan</i> | ‘делать’ |
| <i>namudan</i> | ‘класть’ |
| <i>dâdan</i> | ‘давать’ |
| <i>zadan</i> | ‘бить’ |
| <i>andâxtan</i> | ‘бросать’ |

Как правило, эти глаголы образуют пары, различаясь по признаку переходный / непереходный. Например,

| | | |
|-----------------|---|-----------------|
| <i>kardan</i> | – | <i>šodan</i> |
| <i>namudan</i> | – | <i>gardidan</i> |
| <i>dâdan</i> | – | <i>didan</i> |
| <i>zadan</i> | – | <i>xordan</i> |
| <i>andâxtan</i> | – | <i>xordan</i> |

Эти пары выделяются с некоторой долей условности, а списки не претендуют на полноту. Для точного определения соответствий переходных и непереходных слабых глаголов требуется отдельное исследование.

XI. Аспектуальная характеристика слабых глаголов

В последние десятилетия практически общепринятым стало представление о том, что семантика видовременных форм глагола определяется взаимодействием нескольких компонентов, наиболее важными из которых являются грамматическое значение показателя и аспектуальная характеристика глагольной лексемы.

Аспектуальная характеристика глагола, или акциональность, определяет такие характеристики глагола, как набор значений его видовременных форм и сочетаемость с теми или иными типами аргументов и обстоятельств.

На данный момент написано огромное количество общетеоретических работ по аспекту (на русском языке – начиная работой Ю.С. Маслова [1948] и кончая статьей С.Г. Татевосова [2005]; на английском языке классическими работами считаются статьи З. Вендлера [Vendler 1957, 1967]; библиографию последних работ западных лингвистов по аспекту можно найти в [Sasse 2002; Татевосов 2005]), причем терминологическая путаница и теоретические разногласия достигают в аспектологии апогея. Мы не будем вдаваться в теоретические проблемы аспекта. Цель данной главы – показать, какая часть СГ отвечает за аспектуальную характеристику всего СГ; если глагольная, то существуют ли слабые глаголы, имеющие постоянную аспектуальную характеристику или нет; если такие слабые глаголы существуют, мы попытаемся определить, какой именно аспектуальной характеристикой они обладают.

М. Карими-Дустан [Karimi-Doostan 1997] показывает, что слабые глаголы содержат не только информацию об аргументной структуре предложения, но и непосредственно влияют на аспектуальную интерпретацию СГ. Рассмотрим примеры из [Megerdooian 2002, 69]:

(289) *dast-e* *Dâryuš* *dar* *yek* *sâniye*
рука-ИЗФ Дарйюш ПРЕДЛ один секунда
dard *gereft*
боль брать:ПРОШ.ЗЕД
'У Дарйюша за одну секунду заболела рука.'

(290) **dast-e* *Dâryuš* *sâ'at-hâ* *dard* *gereft*
рука-ИЗФ Дарйюш час-МН боль брать:ПРОШ.ЗЕД
* 'У Дарйюша заболела рука часами.'

(291) **Dâryuš* *dar* *yek* *sâniye* *dard* *kešid*
Дарйюш ПРЕДЛ один секунда боль тянуть:ПРОШ.ЗЕД
* 'Дарйюш испытывал боль за одну секунду.'

(292) *Dāryuš sâ'at-hâ dard kešid*
 Дарйюш час-МН боль тянуть:ПРОШ.ЗЕД
 'Дарйюш часами испытывал боль.'

Примеры отличаются употреблением различных темпоральных наречий, выражающих предельные ситуации (за секунду, за час, *in an hour*) или неопределенные ситуации (часами, *for an hour*). Во всех примерах функцию именной компоненты выполняет *dard* 'боль'. В (289) и (290) в качестве слабого глагола выступает *gereftan* 'брать'. В (291) и (292) – *kešidan* 'тянуть'. Как видно из примеров, *gereftan* может выступать только в предельных, а *kešidan* – только в неопределенных ситуациях. Таким образом, при одной и той же именной компоненте со сменой глагольной меняется аспектуальная характеристика всего СГ, из чего можно сделать вывод, что аспектуальная информация содержится в слабом глаголе, а не в именной части СГ.

Некоторые слабые глаголы имеют постоянную аспектуальную характеристику. Например, *kešidan* всегда передает дуративное действие.

(293) *u faryâd kešid*
 он крик тянуть:ПРОШ.ЗЕД
 а) 'Он кричал'
 б) 'Он закричал и продолжал кричать'.

(294) *u faryâd zad*
 он крик бить:ПРОШ.ЗЕД
 'Он крикнул один раз'.

Глагол *gereftan* в трансимперсональных конструкциях с экспериенциром, выступающим в качестве объекта (рус. *меня тошнит, меня рвет*) [Malchukov 2005], которые по своим свойствам отличаются от переходных СГ только обязательным согласованием в третьем лице единственного числа⁵⁷, передает инхоативное действие (начало ситуации).

(295) *xande-aš gereft*
 смех-ЗЕД брать:ПРОШ.ЗЕД
 'Он рассмеялся'.

⁵⁷ Надо отметить, что по М. Дабир-Мукаддаму [Dabir-Moghaddam 1997, 45–46] подобные конструкции (*xande-aš gereft* 'он рассмеялся' букв. 'смех его взял', *hoš-am âmad* 'мне понравилось', букв. 'хорошо мне пришло', *xâb-at miâyad* 'тебе хочется спать', букв. 'сон тебе идет' и т. д.) представляют собой «застывшие предложения, в которых значение простого глагола метафорически расширено» и именная часть выполняет функцию подлежащего.

Однако в действительности у именной части функции подлежащего проявляются только в обязательном согласовании глагола по третьему лицу единственного числа. Синтаксически именная часть данных конструкций ничем не отличается от именной части СГ (не может передвигаться, отделяться от глагольной, не может иметь определений, не может иметь морфологических показателей и т. д.). Мы считаем, что данные конструкции логичней считать не сочетанием подлежащего и сказуемого, а СГ, образованными по типу трансимперсональных конструкций (данное решение согласуется с мнением Д. Барджасте [1983, 327], который рассматривает эти конструкции как экспериенциальные СГ ('Compound Verbs of Experience')).

(296) *sarbâz-hâ ... -râ* *xouf* *gereft*
солдат-МН -АКК ужас брать:ПРОШ.ЗЕД
nafas-hâ *qat'* *šod*
дыхание-МН прерывание становится:ПРОШ.ЗЕД
‘[Когда] солдат охватил ужас, [их] дыхание прекратилось.’ [Soxan, бт., 6135]

И. Башири [Bashiri 1981] (по [Dabir-Moghaddam 1997, 32; Megerdoomian 2002, 70] и) показывает, что в парах, где возможно при одинаковой именной компоненте употребить или слабый глагол *zadan* ‘бить’, или слабый глагол *kešidan* ‘тянуть’, при употреблении *zadan* действие приобретает семельфактивное (однократное, sudden) или мультипликативное (ситуация повторялась много раз, repetitive) прочтение, а при *kešidan* — дуративное (длительное действие):

| Мультипликатив/семельфактив | Дуратив | Перевод |
|-----------------------------|----------------------|---------------------------------|
| <i>jâr zadan</i> | <i>jâr kešidan</i> | ‘возвещать, оглашать (новость)’ |
| <i>dâd zadan</i> | <i>dâd kešidan</i> | ‘кричать о помощи’ |
| <i>sar zadan</i> | <i>sar kešidan</i> | ‘заходить’ (в гости) |
| <i>nafas zadan</i> | <i>nafas kešidan</i> | ‘дышать’ |

Другими словами, если имеются синонимичные пары СГ, имеющие одну именную компоненту и разные слабые глаголы, их отличие будет основываться на разной аспектуальной характеристике соответствующего слабого глагола.

Некоторые слабые глаголы не имеют постоянной аспектуальной характеристики (например, *kardan* ‘делать’). В таких случаях было бы ошибочным приписывание аспектуальной характеристики той или иной компоненте СГ. Мы считаем, что в данных случаях аспектуальную характеристику определяет весь СГ. Рассмотрим примеры [Megerdoomian 2002, 70]:

(297) *Hâle* *sâ'at-hâ* *geriye* *kard*
Хале час-МН плач делать:ПРОШ.ЗЕД
‘Хале плакала часами.’

(298) **Hâle* *dar* *arz-e* *nim* *sâ'at*
Хале в течение-ИЗФ половина час
geriye *kard*
плач делать:ПРОШ.ЗЕД
*‘Хале плакала за полчаса.’

- (299) *Hâle dar arz-e nim sâ'at qoflr-e dar-ro*
 Хале в течение-ИЗФ половина час замок-ИЗФ дверь-АКК
bâz kard
 открытый делать:ПРОШ.ЗЕД
 'Хале открыла дверной замок за полчаса.'
- (300) #*Hâle sâ'at-hâ qoflr-e dar-ro*
 Хале час-МН замок-ИЗФ дверь-АКК
bâz kard
 открытый делать:ПРОШ.ЗЕД
 *'Хале открыла дверной замок часами.'

СГ *geriye kardan* 'плакать' является неопределённым, так как может употребляться с неопределённым временным наречием *sâ'at-hâ* 'часами' (297) и не может употребляться с определённым временным наречием (298). СГ *bâz kardan* 'открывать' является определённым, так как при нормальном употреблении может сочетаться только с определёнными наречиями времени (299). По словам М. Мегердумиана [Megerdooian 2002, 70], пример (300) может иметь место только при мультипликативном (repetitive) прочтении, при котором дверь все время оставалась закрытой ('Хале часами пыталась открыть дверной замок').

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют слабые глаголы, имеющие более или менее постоянную аспектуальную характеристику (например, *zadan, kešidan*), которые задают аспектуальную характеристику всего СГ. Существуют также СГ, слабые глаголы которых не имеют постоянной аспектуальной характеристики (например, *kardan*). Можно предположить, что в этом случае аспектуальные свойства СГ заложены в самих СГ, а не в каких-то отдельных его частях.

ХП. Новый подход к описанию СГ: выделение у глагольной компоненты «связанного значения»

Как мы уже говорили выше, почти во всех работах, посвященных СГ, слабый глагол считается семантически пустым элементом. Исходя из такого подхода, вряд ли возможно предсказать, какой «слабый глагол» будет соединяться с тем или иным именем для образования нового СГ. Рассматривая СГ, можно выделить у их глагольной компоненты некоторое «связанное значение» (термин выбран исходя из того, что «связанным значением» могут обладать только «слабые глаголы», т. е. несамостоятельные языковые единицы; если глагол употребляется не в составе СГ, а самостоятельно, он не может обладать «связанным значением»). Зная «связанное значение», можно предсказать сочетаемость «слабого глагола» с определенным семантическим классом имен (прежде всего существительных, но, возможно, и прилагательных). При попадании нового имени в данный семантический класс она будет сочетаться с тем слабым глаголом, с которым сочетаются все другие лексемы, входящие в него. Таким образом, предлагается модель описания глагольной лексики персидского языка, обладающая предсказательной силой. Рассмотрим уже приводившиеся примеры:

(301) *pedar pesar-aš-râ čub zad*
отец сын-3ЕД-АКК палка ударять:ПРОШ.3ЕД
'Отец поколотил палкой сына'.

(302) *man u-râ pâ zad-am*
я он-АКК нога ударять:ПРОШ-1ЕД
'Я ударил его ногой'.

(303) *ostâd dânešju-râ mošt zad*
учитель студент-АКК кулак ударять:ПРОШ.3ЕД
'Учитель ударил студента кулаком'.

У слабого глагола *zadan* можно выделить «связанное значение» 1. 'ударять, бить чем-либо'. В этом значении слабый глагол *zadan* может сочетаться с именами, обладающими значением инструмента.

Рассмотрим другие примеры СГ, в которых глагольной компонентой выступает *zadan*:

ordang zadan – 'пнуть' букв. «пинок ударить»

sili zadan – 'дать пощечину/ оплеуху' букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

čak zadan – 'дать пощечину/ оплеуху' букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

zarbat zadan – 'ударить' букв. «удар ударить»

zaxm zadan – 'ранить' букв. «рана ударить»

tir zadan – 'ранить (пулей/ стрелой)' букв. «пуля/ стрела ударить»

mošt zadan – 'ударить кулаком' букв. «кулак ударить»

pâ zadan – 'ударить ногой', 'дать подножку' букв. «нога ударить»

Во всех приведенных примерах (а также при любом изменении именной компоненты СГ на имя из того же класса, например, оплеуха → щелбан; кулак → пятка) у слабого глагола *zadan* присутствует связанное значение 2. ‘наносить любого рода удары’ или ‘наносить вред путем какого либо удара’ (с сочетаемостью с классом лексем названий ударов). Для образования непереходного СГ с тем же значением вместо *zadan* используется слабый глагол *xordan*, у которого, следовательно, мы выделяем связанное значение ‘получать любого рода удары’. Например,

ordang xordan – ‘получить пинок’ букв. «пинок есть»
sili xordan – ‘получить пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха есть»
čak xordan – ‘получить пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха есть»

i. Критерий отличия связанного значения от значения простого глагола

Глагол в связанном значении может употребляться только в составе СГ или в составе конструкции, являющейся парафразом по отношению к данному СГ (т. е. в конструкции, где СГ разбивается на оформленное дополнение и простой глагол). Простой переходный глагол может употребляться в своем значении без ПД, с рефлексивным ПД *hod* ‘себя’ или с реципрокальным ПД *hamdigar* ‘друг друга’.

Например, глагол *zadan* обладает значением ‘играть (*музыкальное произведение*)’, ‘играть (*на музыкальном инструменте*)’. Рассмотрим пример.

(304) *agar mixāh-id* *barā-ye-tān* ***be-zan-am*** *amṯā*
 если хотеть:НАСТ-2МН ПРЕДЛ-ИЗФ-2МН КОН-бить-1ЕД но
sabr *kon-id* *ba'd* *az* *šām*
 терпение КОН-делать-2МН после ПРЕДЛ ужин
 ‘Если хотите, я Вам сыграю / поиграю, однако проявите терпение, после ужина’
 (Bozorg Alawi “Raqs-e marg”).

В (304) из предтекста видно, что *zadan* ‘бить’ заменяет *naqme zadan* ‘играть мелодию’ или *piyaño zadan* ‘играть на пианино’. Считать ли *naqme zadan* и *piyaño zadan* СГ или неоформленным ПД и простым глаголом, мы сейчас не беремся ответить – для этого нужно проверить их на отделимость именной компоненты и возможность выступать в качестве антецедента анафорического местоимения. Однако очевидно, что если глагол без данных имен может выступать с тем же значением (‘играть (*музыкальное произведение*)’ или ‘играть (*на музыкальном инструменте*)’), это значение должно быть приписано простому глаголу, а не глагольной компоненте СГ.

СГ при разделении на оформленное ПД и простой глагол не может выступать без своего ПД или заменять его на рефлексивное или реципрокальное местоимение. Например, глагол *zadan* в значении ‘наносить косметические вещества, крем, лекарства и

другие вещества на поверхность тела' вряд ли может выступать без ПД (названия косметических веществ, мази, крема) и, таким образом, данное значение следует признать связанным. Например,

- (305) *mīxāh-i* *xod-rā / be* *xod be-zan-am*
хотеть:НАСТ-2ЕД сам-АКК ПРЕДЛ сам КОН-бить-1ЕД
*‘Хочешь, я накрашусь?’
‘Хочешь, я ударю себя / по себе’.

То же самое касается другого значения этого глагола ‘играть в азартные игры (*шахматы, карточные игры*)’, в котором глагол *zadan* вряд ли может употребляться без названия игры.

- (306) *be-yā* *be-zan-im*
ИМП-идти.2ЕД КОН-бить-1МН
*‘Давай сыграем (в какую-нибудь азартную игру)!’
‘Давай ударим’ / ‘Давай сыграем (какую-нибудь мелодию, на каком-нибудь инструменте)’.

Таким образом, для того, чтобы установить, является выделенное значение связанным или значением простого глагола и является ли вообще рассматриваемое нами глагольно-именное словосочетание СГ, нужно проверить с информантом следующее: 1. возможность отделения именной компоненты от глагольной; 2. возможность именной компоненты выступать в качестве antecedenta анафорического местоимения; 3. возможность глагола употребляться в том же значении без прямого или косвенного дополнения, возможность замены ПД на рефлексивное или реципрокальное местоимение. Пока что мы не проводили такой работы с каждым из СГ и в дальнейшем будем говорить лишь о предполагаемом связанном значении.

Связанное значение может быть выделено у глагольной компоненты далеко не каждого СГ, образованного по описанному нами механизму, а лишь у тех, которые могут сочетаться и образовывать СГ со всеми представителями того или иного семантического класса имен. Приведем пример из IX. СГ *harf zadan* ‘говорить’, букв. «слова /буквы бить», хотя и допускает парафразы, в которых СГ разбивается на оформленное ПД и простой глагол, однако входящий в его состав слабый глагол не имеет связанного значения, так как не может образовывать СГ с синонимами слова *harf* ‘слова /буквы’ (**soxan zadan* букв. «слова бить», **kalame zadan* букв. «слова бить»). В СГ *dād kešidan* ‘кричать о помощи’, букв. «крик о помощи тянуть» слабый глагол *kešidan* ‘тянуть’ обладает связанным значением ‘произносить протяжный звук’, так как может сочетаться со всем классом названий криков, воплей и протяжных, громких звуков.

ii. Предполагаемые связанные значения некоторых глаголов

У слабого глагола *zadan* нам удалось выделить следующие связанные значения:⁵⁸

1. ‘ударять, бить чем-либо’, в котором он может сочетаться с именами, обладающими значением инструмента (примеры см. выше);

2. ‘наносить любого рода удары’ или ‘наносить вред путем какого-либо удара’, в котором он сочетается с классом лексем, означающих названия ударов;

ordang zadan – ‘пнуть’ букв. «пинок ударить»

sili zadan – ‘дать пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

čak zadan – ‘дать пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

3. ‘работать каким-либо инструментом, применять какую-либо вещь по назначению’, именной компонентой выступает название инструмента.

bil zadan – ‘копать’, букв. «лопата бить»

čakoš zadan – ‘бить молотком’, букв. «молоток бить»

tabar zadan – ‘рубить’, букв. «топор бить»

Это значение представляется слишком широким, поэтому вместо того, чтобы подробно определять, что можно назвать инструментом, а что нельзя, возможно выделение подзначений внутри значения 3. М. Газорани [Gázorâni 1996, 61] выделяет, например, следующее значение у глагола *zadan*, которое можно считать подзначением 3.:

3.1 ‘периодическое, однообразное движение вещи вперед и назад по какой-либо поверхности’, именная компонента – название используемой вещи.

mesvâk zadan ‘чистить зубной щеткой’ («зубная щетка бить»)

jâru zadan ‘подметать’ («метла бить»)

sombâde zadan ‘шкурить, ровнять’ («наждак бить»)

out zadan ‘гладить’ («утюг бить»)

lif zadan ‘мыть(ся) мочалкой’ («мочалка бить»)

suhân zadan ‘отделывать напильником’ («напильник бить»)

4. ‘приправлять чем-либо’. В данном значении *zadan* сочетается с названиями приправ.

felfel zadan – ‘перчить’, букв. «перец бить»

namak zadan – ‘солить’, букв. «соль бить»

adviye zadan – ‘добавлять пряности’, букв. «пряности бить»

čâšni zadan – ‘добавлять приправы’, букв. «приправа бить»

5. ‘двигать своими конечностями (руками, ногами, крыльями), совершая периодические однообразные движения’⁵⁹, именная компонента – название конечности.

⁵⁸ Выделенные нами значения не являются исчерпывающими.

på zadan ‘работать ногами (при плавании, езде на велосипеде)’ («ноги бить»)
dast o på zadan ‘карабкаться, барахтаться’ («руки и ноги быть»)
par zadan ‘летать; взмахивать крыльями’, («перья бить»)
bål zadan ‘взмахивать крыльями; летать’ («крыло быть»)

6. ‘наносить косметические вещества, крем, мази, духи и другие вещества на поверхность тела’⁶⁰, именная компонента – название наносимого вещества

puder zadan ‘пудриться’ («пудра бить»)
kerem zadan ‘мазать кремом’ («крем бить»)
ramåd zadan ‘красить губы’ («помада бить»)
måtik zadan ‘красить губы’ («помада бить»)
låk zadan ‘покрывать лаком’ («лак бить»)
rang zadan ‘красить’ («краска бить»)
alkol zadan ‘мазать спиртом’ («спирт бить»)
atr zadan ‘душить, опрыскивать духами’ («духи бить»)

7. ‘произносить протяжный звук’, именная компонента – название звука, действие семельфактивное или мультипликативное

dåd zadan ‘кричать о помощи’ («крик о помощи бить»)
havår zadan ‘кричать’ («громкий крик бить»)
na’re zadan ‘вопить’ («воплъ бить»)
faryåd zadan ‘кричать’ («крик бить»)

8. ‘покрываться прыщами’, именная компонента – название прыщей; в роли подлежащего выступает поверхность, которая покрывается прыщами (ср. *dast-am juš zad* ‘моя рука покрылась прыщами’ и **man juš zadam* ‘я покрылся прыщами’)

åbele zadan ‘покрыться волдырями’ (при болезни оспой)’ («оспа быть»)
tåval zadan ‘покрыться волдырями’ («волдырь бить»)
juš zadan ‘покрыться прыщами’ («прыщ бить»)

У слабого глагола *xordan* мы выделяем следующие связанные значения:

1. ‘претерпевать физический или моральный вред’, именная компонента – название вреда. В качестве переходной пары к слабому глаголу *xordan* используется *zadan* ‘причинять какой-то вред’.

sarmå xordan ‘простудиться’, букв. «претерпевать вред от холода»
sarmå zadan (rå) ‘обмораживать (конечности), замораживать (напр. цветы *šekufe*)’, букв. «причинять вред холодом чему-то / кому-то»
zamin xordan ‘падать на землю’, букв. «претерпевать вред от земли»

⁵⁹ Данное значение, а также примеры взяты из [Gåzoråni 1996, 61]

⁶⁰ Данное значение в несколько иной формулировке, а также примеры взяты из [Gåzoråni 1996, 61]

zamin zadan (râ) ‘ронять (напр. ребенка) на землю’, букв. «причинять землей вред кому-то».

ferib xordan ‘быть обманутым’, букв. «претерпевать вред от обмана»

ferib zadan ‘обманывать’, букв. «наносить вред обманом»

2. ‘получать любого рода удары’, именная компонента – название удара

ordang zadan – ‘пнуть’ букв. «пинок ударить»

sili zadan – ‘дать пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

çak zadan – ‘дать пощечину/ оплеуху’ букв. «пощечина/ оплеуха ударить»

3. ‘совершать различного рода движения, крутящиеся, извивающиеся, отклоняющиеся в стороны или прерывистые движения по прямой’⁶¹, именная компонента – название движения.

piç o tâb xordan ‘извиваться, свиваться’, букв. «изгибы есть»

qalt xordan ‘катиться’, букв. «катание есть»

tâb xordan ‘свиваться, скручиваться’, букв. «свивание, скручивание есть»

laq xordan ‘шататься’, букв. «шатание есть»

jom xordan ‘шевелиться, двигаться’, букв. «движение есть»

telou-telou xordan ‘качаться, шататься’, букв. «качание, шатание есть»

sekandari xordan ‘спотыкаться’, букв. «спотыкание есть»

У слабого глагола *kardan* мы выделяем следующие связанные значения:

1. ‘приводить в какое-то состояние, доводить до определенного состояния’, именная компонента – название состояния

âb kardan ‘превращать в жидкое состояние, плавить (метал), растапливать (масло, сало, лед)’ («вода делать»)

jahâz kardan ‘превращать в приданое, сделать приданым’ («приданое невесты делать»)

2. ‘надевать на какую-либо часть тела’, именная компонента – название части тела

dast kardan ‘надевать на руки’ («рука делать»)

pâ kardan ‘надевать на ноги’ («нога делать»)

sar kardan ‘надевать на голову’ («голова делать»)

3. ‘наполнять’⁶², именная компонента – вещество / жидкость, которой наполняют

⁶¹ Данное значение в несколько иной формулировке взято из работы [Gâzorâni 1996, 61], отсюда же подборка примеров.

⁶² Данное значение выделяется у глагола *kardan* в [Soxan, 6, 5785] без каких-либо указаний на то, что данное значение присутствует у *kardan* только в составе СГ.

âb kardan ‘наполнять водой’ («вода делать»)
naft kardan ‘наполнять керосином, подливать керосин (напр. в керосиновую лампу)’
(«керосин делать»)

4. ‘болеть, недомогать’⁶³, именная компонента – название болезни

tab kardan ‘быть в лихорадке, температурить’ («лихорадка, жар делать»)
estefrâq kardan ‘рвать’⁶⁴ («рвота делать»)

У слабого глагола *kešidan* мы выделяем следующие связанные значения:

1. ‘произносить протяжный звук’, именная компонента – название звука, действие дуративное.

dâd kešidan ‘кричать о помощи’ («крик о помощи тянуть»)
havâr kešidan ‘кричать’ («громкий крик тянуть»)
na're kešidan ‘вопить’ («воплъ тянуть»)
faryâd kešidan ‘кричать’ («крик тянуть»)

2. ‘курить’, именная компонента – название вещества, которое курят, или предмета, с помощью которого происходит курение.

qalyân kešidan ‘курить кальян’ («кальян тянуть»)
sigâr kešidan ‘курить сигареты’ («сигарета тянуть»)
pip kešidan ‘курить трубку’ («трубка тянуть»)
taryâk kešidan ‘курить опиум’ («опиум тянуть»)

3. ‘протягивать, прокладывать (дорогу, кабель), обносить (забором)’, именная компонента – название объекта, который строят⁶⁵.

jâde / xiyâbân / râhâhan kešidan ‘прокладывать шоссе / дорогу / железную дорогу’
(шоссе / улица / железная дорога тянуть)
gâz / barq / telefon / siyom / lule kešidan ‘прокладывать газопровод / электричество / телефон / проводку / трубы’ (газ / электричество / телефон / провода / трубы тянуть)

⁶³ В данном значении в составе СГ может выступать также глагол *dâstan*. Одним из различий в употреблении *kardan* и *dâstan* в данном значении является то, что *kardan* может образовывать переходный СГ, в то время как *dâstan* – не может.

⁶⁴ Глагол может быть как непереходным (а), так и переходным (b):

(a) *david-am taraf-e ju-ye âb va estefrâq kard-am*
бежать:ПРОШ-1ЕД сторона-ИЗФ ручей-ИЗФ вода и рвота делать:ПРОШ-1ЕД
‘Я убежал к ручью... и меня вырвало’ [Soxan, 1, 384]

(b) *hame-ye qazâ-yi-râ ke xorde₁ bud₂-am estefrâq kard-am*
весь-ИЗФ еда-НР-АКК который есть:ППЕРФ_{1,2}-1ЕД рвота делать:ПРОШ-1ЕД
‘Меня вытошнило всей едой, которую я съел’ (букв. «всю еду, которую я съел, я вытошнил»). [там же]

⁶⁵ Данное значение, а также примеры взяты из [Gâzorâni 1996, 62]

narde / parčîn / divâr / hesâr kešidan ‘обносить оградой / живой изгородью / стеной / забором’ (ограда / живая изгородь / стена / забор тянуть)

У слабого глагола *gozâştan* мы выделяем следующее связанное значение:

1. ‘отпускать, не стричь волосяной покров на лице и голове человека’, именная компонента – название волосяного покрова (волосы, борода, усы)⁶⁶

sabil gozâştan ‘отпускать усы’ («усы класть»)

riše gozâştan ‘отпускать бороду’ («борода класть»)

mu gozâştan ‘отпускать волосы’ («волосы класть»)

iii. Обзор литературы, в которой выдвигались сходные с нами подходы к описанию СГ

Подход к СГ, аналогичный нашему, был предложен Д. Барджасте [Barjasteh 1983], а также рассматривался А. Голдберг как один из возможных подходов к описанию СГ [Goldberg in print]. Д. Барджасте на основе семантики именной компоненты СГ с одной и той же глагольной компонентой объединяет СГ в подгруппы ([Barjasteh 1983, 354] по [Dabir-Moghaddam 1997, 33]). Однако семантические значения именной компоненты СГ с одной и той же глагольной компонентой, выделенные Д. Барджасте, слишком широки и не имеют предсказательной силы. Например, у СГ с глагольной компонентой *zadan* ‘бить’ Д. Барджасте на основе значения именной компоненты СГ разделяет все СГ с глаголом *zadan* ‘бить’ на следующие четыре подкласса:

1. именная компонента обозначает ‘повторение некоторых движений (repetition of several motions)’ [Barjasteh 1983, 355]; например,

pâ zadan ‘работать ногами (при плавании или езде на велосипеде)’ (букв. ‘нога бить’)

par zadan ‘летать (как птица)’ (букв. ‘перо бить’)

lis zadan ‘лизать’ (букв. ‘лизание бить’)

telefon zadan ‘звонить’ (букв. ‘телефон бить’)

harf zadan ‘разговаривать’ (букв. ‘буква бить’)

2. именная компонента обозначает затяжной крик, шум (prolonged clamor) или объект, могущий производить подобный звук [там же, 357]:

⁶⁶ Нужно заметить, что данное значение выделено в словаре под редакцией Ю. А. Рубинчика [1983] и описано как в статье глагола *gozâştan*, так и в статьях названий волос на лице и голове человека (волосы, усы, борода). Такое дублирование делает словарь громоздким.

sut zadan ‘свистеть’ (букв. ‘свист бить’)
jiq zadan ‘кричать’ (букв. ‘крик бить’)
buq zadan ‘сигнализировать (об автомобилях и других видах транспорта)’
(букв. ‘автомобильный сигнал бить’)
šeypur zadan ‘трубить’ (букв. ‘труба бить’)

3. именная компонента обозначает любого рода пасту или жидкость, пригодную для [натираия] поверхностей в косметических или смазочных целях [там же, 358]:

våks zadan ‘ваксить’ (букв. ‘вакса бить’)
sorxåb zadan ‘румяниться’ (букв. ‘румяна бить’)
manikur zadan ‘делать маникюр’ (букв. ‘маникюр бить’)
rouqan zadan ‘смазывать’ (букв. ‘масло/смазка бить’)

4. именная компонента обозначает понятие уловки, трюка, жульничества [там же, 359]:

hoqqe zadan ‘обманывать’ (букв. ‘обман бить’)
kalak zadan ‘хитрить, обманывать’ (букв. ‘хитрость бить’)
gul zadan ‘надуть’ (букв. ‘обман бить’)
nårou zadan ‘обманывать’ (букв. ‘обман бить’)
hile zadan ‘обманывать’ (букв. ‘хитрость/уловка бить’)

Однако, как отмечает М. Дабир-Мукаддам [Dabir-Moghaddam 1997, 34], существует большое количество СГ, глагольной компонентой которых выступает глагол *zadan* ‘бить’ и которые не входят ни в один из классов Д. Барджасте. Например,

hads zadan ‘догадываться’ (букв. ‘догадка бить’)
javåne zadan ‘давать почки; прорасти’ (букв. ‘почки /росток бить’)
češmak zadan ‘подмигивать’ (букв. ‘подмигивание бить’)

Тот же упрек М. Дабир-Мукаддам справедливо адресует и классификациям Д. Барджасте СГ, глагольной компонентой которых выступают глаголы *gereftan* ‘брать’ и *kešidan* ‘тянуть’.

Следует добавить также, что первый подкласс Д. Барджасте слишком широк, а выделенное значение непонятно. Во втором подклассе в качестве именной компоненты должны быть имена, обозначающие крик, шум (prolonged clamor) или объект, способный производить подобный звук, однако скорее именно во второй класс войдут такие СГ, как *gitår zadan* ‘играть на гитаре’ (букв. ‘гитара бить’), *tabl zadan* ‘играть на барабане’ (букв. ‘барабан бить’), которые производят звук, ничем не похожий на крик.

В целом можно сказать, что основным недостатком подхода Д. Барджасте является неразработанность и семантическая нечеткость выделенных у именной компоненты значений (например, значение 1.).

Наиболее близкий к нашему подход предложен М. Газорани [Gâzorâni 1996], которая разделяет «глагольные словосочетания» (под которыми подразумеваются словосочетания, состоящие из простого глагола и преверба или имени существительного, или имени прилагательного) на «семантически прозрачные» (*şafâf*), «семантически полупрозрачные» (*nime şafâf*) и «семантически непрозрачные» (*qeyr-e şafâf*). Семантически полупрозрачные глагольные словосочетания делятся на «инкорпорированные словосочетания» (*tarkibât-e enzemâmi*) и глагольные словосочетания, в которых глагол может сочетаться с группой синонимичных или близких по значению имен (например, *latme* ‘вред’, *zarar* ‘вред’, *ziyân* ‘вред’ + *xordan* ‘есть’ = ‘получать вред’). У глагольных словосочетаний, в которых глагол может сочетаться с близкими по значению именами, М. Газорани [Gâzorâni 1996, 60–62] предлагает толковать только глагольную часть, оговаривая при этом, что в данном значении глагол может выступать только в составе глагольного словосочетания.

Недостатком подхода М. Газорани является то, что она уделяет большое внимание частоте (*basâmad*) употребления тех или иных словосочетаний. Словосочетания, обладающие высокой частотой употребления, М. Газорани предлагает толковать как цельные комплексы в словарной статье имен, которые употребляются в составе этих словосочетаний. В результате «такие глагольные словосочетания как *divâr keşidan* ‘обносить стеной’, *siyom keşidan* ‘тянуть провода, делать проводку’, *lule keşidan* ‘прокладывать трубы’, *gâz keşidan* ‘прокладывать газопровод’, у которых существование таких [отглагольных словосочетаний] как *divâr-keşi* ‘постройка стен’, *lule-keşi* ‘прокладывание труб’, *siyom-keşi* ‘проводка проводов’, *gâz-keşi* ‘прокладывание газ(опровод)а’ указывает на их высокую частоту употребления, при необходимости должны быть истолкованы [как цельные словосочетания – *A.B.*]. А словосочетания, частота употребления которых невысокая, например, *parçin keşidan* ‘воздвигать живую изгородь’, *hesâr keşidan* ‘строить забор’, *râhâhan keşidan* ‘прокладывать железную дорогу’, могут не толковаться» [там же, 62].

При создании словаря основным принципом является последовательность применения тех или иных правил [Берков 1977]. Если у глагола *keşidan* выделяется значение, характерное для глагольных словосочетаний, ‘строить или расширять посредством протягивания, прокладывания’ и при образовании словосочетания *keşidan* + имя значение предсказуемо, не следует помещать данное словосочетание только на основании того, что

оно часто употребляется или имеет отглагольное словосочетание со значением имени действия.⁶⁷

⁶⁷ При этом если образование имени действия от разных глагольно-именных словосочетаний непредсказуемо, их нужно помещать в словарь.

ХIII. Принцип помещения сложных глаголов в словарь

Лучшим современным персидско-русским словарем (а также одним из лучших двуязычных персидских словарей) считается словарь под редакцией Ю.А. Рубинчика [Рубинчик 1983]. В нем к СГ применяется фразеологический подход. СГ помещаются как цельные фразеологические единицы в статьи на имена, входящие в них. Нужно признать, что в этом словаре отражено множество действительно фразеологических единиц (в терминах В.Н. Телии [1990, 1996]), без которых описание персидского языка было бы бедным и совершенно неполным. Однако фразеологический подход к СГ не позволил отразить все реально существующие в языке СГ. Например, в указанный словарь включены такие СГ, как

bil zadan – ‘копать’, букв. «лопата бить»

čakoš zadan – ‘бить молотком’, букв. «молоток бить»

tabar zadan – ‘рубить’, букв. «топор бить»

mesvāk zadan ‘чистить зубной щеткой’, букв. «зубная щетка бить»

jāru zadan ‘подметать’ («метла бить»))

но отсутствует, например, *sombāde zadan* ‘шкурить, ровнять’ («наждак бить»)

Второй, более существенный, недостаток фразеологического подхода к СГ единицам заключается в том, что он не обладает предсказательной силой. При появлении новых реалий пользователь не сможет ответить на вопрос, какой из слабых глаголов сможет сочетаться с новым словом, а какой не сможет и какой при этом произойдет «фразеологический сдвиг». Например, не проанализировав того, что глагол *zadan* может образовывать такие СГ как *telefun zadan* ‘звонить по телефону’ и *telegrāf zadan* ‘телеграфировать’, нельзя построить новый СГ со значением ‘посылать по электронной почте’, *emeil zadan*.

Еще одним недостатком фразеологического подхода является то, что он не способен разграничить глагольно-именное словосочетание, состоящее из неформального ПД при простом переходном глаголе, и глагольно-именное словосочетание, являющееся непереходным СГ. Из-за этого возникает риск включения в словарь глагольно-именных словосочетаний, которые представляют собой не «устойчивые фразеологические единицы», а неформальное ПД при простой переходном глаголе.

Те же недостатки имеют все известные нам двуязычные словари персидского языка.

Как было показано в предыдущей главе, у глагольной компоненты СГ можно выделять связанное значение. В данной работе предлагается помещать только связанные значения глагольных компонент СГ в статьи простых глаголов. Подобный словарь будет создавать

препятствия пользователю, так как в нем, из-за большого количества значений у каждого глагола, пользователь не сразу сможет найти нужное. Однако преимуществами такого словаря является то, что при появлении новых слов он позволяет предсказать, с какими глаголами они будут сочетаться. Предложенный подход также позволяет существенно сократить объем словаря и снижает риск невключения малоупотребительных СГ.

XIV. Заключение

В ходе проделанной работы решена главная задача, поставленная во введении, – как отличить конструкцию с неоформленным прямым дополнением (ПД) при простом переходном глаголе от непереходного сложного глагола (СГ). Для этого нужно проверить неоформленное имя на отделимость от глагола и на способность быть антецедентом анафорического местоимения. Если неоформленное имя отделимо от глагола или может быть антецедентом, перед нами неоформленное дополнение. В противном случае, это часть непереходного СГ.

В работе рассмотрены все случаи употребления послелога *-râ*, исходя из которых, *-râ* с некоторыми оговорками можно считать падежным показателем ПД, а персидский язык – двухпадежным языком. Рассмотрены сферы употребления безударной *-i*, разговорного *-é* и показателей множественного числа. Описана система детерминации подлежащего и ПД.

Рассмотрены свойства двусоставных СГ, образованных по типу существительное плюс глагол, которые заключаются в следующем: именная компонента СГ неотделима от глагольной и не может присоединять определений; именная компонента не может быть антецедентом анафорического местоимения и не может эллиптироваться; СГ не может разрываться наречиями; СГ обладает единым ударением, которое приходится на именную компоненту; при номинализации и прогрессивно-имперфективной конструкции СГ сохраняет свое единство; от СГ возможно образование сложных слов; сфера действия отрицания и модальных глаголов распространяется на весь СГ, а не на его отдельные части; глагольная компонента, в отличие от именной, может эллиптироваться; глагольные префиксы присоединяются к глагольной компоненте СГ, а не ко всему СГ; при образовании так называемого «будущего категорического времени» вспомогательный глагол *xâstan* регулярно вставляется между именной и глагольной компонентой; между именной и глагольной компонентами СГ могут помещаться энклитические местоимения, усилительная частица *ke* и частица *ham* ‘даже’, вспомогательный глагол *dâštan* и модальный глагол *tavânestan* ‘мочь’.

Свойства СГ демонстрируют большую степень спаянность своих компонентов. Возможность вставки внутрь СГ энклитических местоимений, частиц и вспомогательных глаголов не нарушает их целостности, так как данные языковые элементы не являются полноценными словами. Случаи помещения модального глагола *tavânestan* ‘мочь’ внутрь СГ являются маргинальными и, возможно, нарушающими языковую норму. Исходя из синтаксических свойств СГ, можно считать, что рассматриваемые СГ представляют собой аналитическую инкорпорацию.

В работе выработан механизм образования СГ, который основывается на потере дополнением (прямым или косвенным) своих морфологических показателей и предлога и изменениях, происходящих в диатезе глагола.

Вопреки общепринятому мнению, в работе показано, что значение СГ не определяется семантикой только именной компоненты. Глагольная компонента СГ также имеет значение, которое мы назвали «связанным». Исходя из этого, выработан новый способ описания СГ, образованных по предложенному механизму, в словаре. В лексикографии персидского языка принято помещать СГ как цельные комплексы в статьи имен, входящих в СГ. В данной работе предлагается помещать только связанные значения глагольных компонент СГ в статьи простых глаголов. Основываясь на таком подходе написаны пробные словарные статьи глаголов *kardan* и *zadan*.

Приложение

Предлагаемые словарные статьи четырех глаголов строятся по принципу, частично заимствованному из [Апресян 1993-1994]. Значения разбиты на две группы, помеченные римскими цифрами:

- I** – свободные значения (значения, в которых глагол употребляется самостоятельно, вне СГ)
- II** – связанные значения (значения глагола в составе СГ)
- III** – фразеология (устойчивые фразеологические глагольно-именные словосочетания; в данной работе не рассматривается)

При написании словарных статей используются следующие пометы:

| | |
|--------------|-----------------------|
| <i>вульг</i> | вульгарное |
| <i>мат</i> | математический термин |
| <i>нг</i> | непереходный глагол |
| <i>пг</i> | переходный глагол |
| <i>разг</i> | разговорное |
| <i>сленг</i> | слово из сленга |
| <i>уст</i> | устаревшее |

Словарные статьи в основном переведены из толкового персидского словаря Сохан [Soхан 1381 / 2002–2003], в котором авторы выделяют некоторые связанные значения, однако не отличают их от свободных. Задачей является не выявление новых глагольных значений, а разграничение свободных и связанных значений. Нужно также сделать оговорку, что в приведенных ниже пробных словарных статьях речь идет лишь о возможном отнесении того или иного значения к связанному или свободному. Как было показано в предыдущих главах (**XII**, **XII**), для разграничения свободного и связанного значений требуется опрос информантов.

Большинство значений (как свободных, так и связанных) сопровождаются примерами, взятыми из словаря Сохан [Soхан 1381 / 2002–2003] (точный источник примеров не указывается), и нашими переводами⁶⁸.

⁶⁸ Мы не можем ручаться за абсолютную точность некоторых переводов, так как в словаре Сохан не всегда дается контекст, позволяющий однозначно понять пример.

kardan

I

1. *нг* выполнять, совершать, делать, *man ânçe-râ barâ-ye to bâyest bokonam, karde am* то, что я должен был сделать для тебя, я сделал
2. *нг уст* делать, изготавливать, производить, *tâlut... mard-i dabbâq bud, adim kard-i* ‘Талут... был дубильщиком, делал дубленую кожу
3. *нг уст* выполнять, исполнять, *çun be namâz bar xâstand piş az ân kard ke âdat-e u bud* перед тем как они встали совершить намаз, он исполнил то, что было его молитвенным правилом
4. *нг уст* творить, создавать *şarbat-e nuş âfrid az magas-e nahl / naxl-e tanâvar konad ze dâne-ye xormâ* он сотворил сладкий напиток из пчелы / чтобы сотворить толстую финиковую пальму из косточки финика
5. *нг уст* строить
6. *нг уст* составлять, писать (*книгу, письмо*)
7. *нг уст* делать (*кем – аз*), назначать (*кем – аз*), *pesar tâş-râ az xâssegân-e hod kard* он сделал (назначил) одним из своих приближенных также и этого мальчика
8. *нг* всовывать, вливать, *qorshâ-râ be zur dar halq-aş kardand* они насильно всунули ему в горло таблетки
9. *нг* помещать, отправлять (*куда – be*), *mâdar-aş... morqhâ-râ be lâne mikard* его/ее мать поместила птиц в гнездо
10. *нг разг* вонзать в (*tu-ye*)
11. *нг* поворачивать (*часть тела*) в определенную сторону, *tâ ma-râ did, ru-yaş-râ ân taraf kard* как только он меня увидел, он повернул свое лицо в ту сторону
12. *нг* смешивать, подмешивать, добавлять (*в – dar, tu-ye, bar*), *zahr-râ faqat tu-ye kebab-e bâbâ-m karde bud-and* Они лишь добавили яда в кебаб моего друга
13. *нг разг* подвешивать, вешать, надевать (*украшения; на – dar*), *zan-e hendi halqe-hâ-ye talâ dar guş o bini-ye hod karde bud* индийская женщина надела золотые кольца на уши и на нос
14. *нг вульг* совершать половой акт (*о мужчине*), трахнуть

15. *не разг* стараться выполнить (обычно с отрицанием), *nakardand yek bozorgtar-râ beferestand* они не позаботились послать кого-нибудь постарше

16. *не уст* тратить, *goft: tâ in dar vajh-e tathir-e in javân konid* он сказал, чтобы это потратили на мытье этого юноши

17. *не уст* натирать, намазывать, *ru-ye to-râ be qâliye kardan çe hâjat ast?...* какая польза в том, что ты намажешь свое лицо благовониями?...

II

1. *не* приводить в, доводить до (именная компонента – название состояния), *âb kardan* превращать в жидкое состояние, плавить (металл), растапливать (масло, сало, лед), *jahâz kardan* превращать в приданое, сделать приданным

2. *не* надевать (на часть тела; именная компонента – название части тела), *dast kardan* надевать на руки, *sar kardan* надевать на голову

3. *не* наполнять (именная компонента – вещество, которой наполняют), *âb kardan* наполнять водой, *naft kardan* наполнять керосином, подливать керосин (например, в керосиновую лампу)

4. *не* болеть, недомогать (именная компонента – название болезни); *tab kardan* быть в лихорадке, температурировать, *не, не estefrâq kardan* рвать, блевать (чем – *râ*)

5. *не* повторять (именная компонента – повторяемая фраза), *ra'ise hey dâdâš dâdâš mikard* этот директор всё повторял «братец-братец»

III.

1. глагольная компонента фразеологических единиц

zadan

I

1. *нз* бить (чем – *râ*, о – *be*), *del-am mixâst... sar-am-râ bezanam be divâr* я хотел... ударить головой о стену
2. *нз* бить, ударять (кого, что)
3. *нз* вбивать, *mix-râ be bâlâ-ye divâr bezan* забей гвоздь в верхнюю часть стены
4. *нз* помещать (*в* – *be*), *maxlut-e mâse va simân-râ be qâleb zadand* они высыпали / вылили смесь мелкого песка и цемента в форму
5. *нз* макать, окунать (*в* – *dar*) *nân dar namakdân mizad* он макал хлеб в солонку⁶⁹
6. *нз разг* приклеивать, прикреплять (*к* – *be*), *pusterhâ-ye entexâbâti-râ be divârhâ zade budand* они наклеили предвыборные плакаты на стены⁷⁰
7. *нз* устанавливать, водружать, ставить, *kenâr-e hayât taxt-e ĉubi-ye bozorg-i zade budand* возле дворика они поставили скамейку
8. *нз* подстрелить (попасть выстрелом из оружия; *в* – *râ*, из – *bâ*), *bâ tafang zadand-aš* они подстрелили его из ружья, *miraftim mâhigiri va šekâr va har ĉe mizadim, mixordim* мы ходили на рыбалку и охоту, мы ели всё, что ловили и подстреливали
9. *нз разг* (о транспорте) врезаться (*в* – *be*), сталкиваться (*с* – *be*), сбивать (кого, что – *be*); *diruz yek motor-i zad be mâšin-e man* вчера кто-то врезался в мою машину, *mâšin-e peykân-i be barâdar-am zade bud va dar rafte bud* какой-то пейкан (марка машины) сбил моего брата и уехал
10. *нз* жалить, кусать (о пчелах, осах, змеях)
11. *нз разг* красть *kise-ye tutun va ba'zi xertopert-e digar-i-râ ke dar jib dâštam, zade and* они украли сумочку с табаком и некоторые другие мелкие вещи, которые были у меня в кармане
12. *нз нз* исполнять, играть (мелодию)
13. *нз* подстригать, обрезать (деревья, кусты), *tamâm-e deraxthâ-ye xiyâbân-râ tâzegi zade and* они только что подстригли все придорожные деревья

⁶⁹ Значение отсутствует в словаре Сохан [Sohan, 5, 3835–3838] и взято из словаря под редакцией Ю.А. Рубинчика [1983, 1, 757–758].

⁷⁰ Возможно, от данного значения может образовываться СГ со значением полной охваченности объекта действием, *divârhâ-râ poster zadand* ‘они обклеили стены плакатами’.

14. *нг разг* подстригать (волосы, бороду, усы) *tu-ye bur-e hod-râ kutâh zade bud* она коротко подстригла свои белокурые волосы
15. *нг разг* пробовать, употреблять (сигареты, наркотики), затянуться, *сленг* шарнуться *sigâr-aš-râ dar miâvard va miguyad mizani?* Он вытащил свою сигарету и говорит: «будешь?»
16. *нг* есть, пить *yek sândvič zadam* я съел один сэндвич
17. *нг разг* ударять (о запахе; в – *tu-ye, be*) *bu-ye sigâr zad tu damâq-am* запах сигарет ударил мне в нос
18. *нг разг* распространяться (о болезни; на – *be*) *saratân-e pestân dâšt, hâlâ zade be zir-e baqal-aš* у нее был рак груди, а теперь болезнь распространилась и на подмышки
19. *нг* смачивать, обрызгивать (что – *be*, чем – *râ*) *yek mošt-e âb bezan be surat-aš* смочи его лицо пригоршней воды
20. *нг разг* строить *yek čahârdivâri-ye geli ham zadim ke šode bud qahvexâne* мы построили дом из глины, который стал чайной
21. *нг* изменяться (о цвете) *bist o do se sâl-i dâšt bâ surat-i sabze ke banafš zad* ему было тридцать два-тридцать три года, у него было смуглое лицо, которое стало фиолетовым⁷¹
22. *нг разг* взбивать (сливки, молоко, яйца) *agar mixâhi duq dorost koni, mâst-râ xub bezan* если хочешь приготовить дуг (напиток из кислого молока), хорошо взбей кислое молоко
23. *нг разг* натирать (об одежде) *rupiș az pârče-ye zebr-i ast, âstin-aš moč-e dast-am-râ zade ast* халат из какой-то грубой ткани, его рукав натер мне запястье
24. *нг разг* действовать (неожиданно); побуждать к совершению действия, давай, ну, *bezan hod-at-râ bokoș, begozâr lâše-yat beyoft-ad ân miyân* давай, убей себя, пусть твой труп упадет в центр
25. *нг разг* неожиданно происходить, случаться *zad va tafi'-e rotbe be esm-e man dar âmad* бац – и я получил повышение по службе
26. *нг разг* вычитать, изымать (о деньгах) *dar majles-e čahârom yek sad hezâr tumân... az budje-ye darbâr zade budand* на четвертом заседании они изъяли одну тысячу туманов из падишахской казны

⁷¹ Без контекста не понятно, как правильно перевести данный пример

27. *нг разг* идти (о дожде, снеге) *dârad bârân mizanad* дождь все идет и идет
28. *уст* дуть (о ветре) *âteš-i dâram ke misuzad vojud / ĉun bar u bâd-e sabâ-yi mizanad* у меня есть огонь, который жжет мое существо / когда на него дует утренний ветерок
29. *нг* восходить, появляться (о светилах)
30. *нг разг* зажигать (спички, фонарь)
31. *нг разг* печатать, набивать (на пишущей машинке, компьютере) *emruz davâzdah safhe zadam* сегодня я напечатал двенадцать страниц
32. *нг* клеветать, ябедничать (на – *barâ-ye*)
33. *нг* обзывать (кого – *be*) *xub jelov-e hame be u zadi va xit-aš kardi* ладно, ты обозвал его перед всеми и поставил в неловкое положение
34. *нг разг* утомлять, докучать *in hame-ye deh o in hame-ye ra'iyat del-at-râ mizanad* все эти деревни и все эти крестьяне утомляют твое сердце
35. *нг разг* стараться (совершить действие) *har ĉe zad natavânest be jâ-yi berasad* как он ни старался, не мог никуда прийти
36. *нг* биться, пульсировать (о сердце)
37. *нг, нг разг* парковать (транспортное средство), парковаться *mâšin-râ nemiâvari tu? birun zadam-aš kenâr-e divâr* ты не заведешь машину внутрь? Я припаркую ее внутри, около стены; *bezan kenâr* остановись у обочины
38. *нг разг* включать (передачу транспортного средства), переключаться (на определенную передачу) *bezan do, tu in sarbâlâyi mâšin nemikešad* переключи на вторую, иначе машина не возьмет этот подъем⁷²
39. *нг разг* казаться, выглядеть *xâle-jân... miyân-e ân hame mard, qaribe mizan-ad* тетушка (сестра матери) среди всех этих мужчин выглядит посторонней
40. *нг разг* записывать, переписывать (аудио / видео кассету, CD/DVD диск) *in navâr-e kâset-râ barâ-ye man bezan* перепиши для меня эту аудио кассету
41. *нг разг* производить, изготавливать *kafš-e melli hiĉ vaqt kafš-e in model-i nemizad* Национальная Обувь никогда не производила обуви такой модели

⁷² Возможно, в данное значение является связанным

42. *нз* печатать (*aks-e qâtel-râ tu-ye ruznâme zade and* они напечатали в газете фотографию убийцы)
43. *нз* назначать (*цену, зарплату*) *barâ-ye to çe qadr hoquq zade-and?* какую тебе назначили зарплату?
44. *нз* наносить поражение (*кому – râ*), побеждать
45. *нз уст* нырять (*в воду – bar*) / ... *tar našod har ke delirâne bar in daryâ zad* / ... не обсох тот, кто смело прыгнул в это море
46. *нз* нападать (*на – bar*) *faqat montazer-e farmân budand ke bezanand bar sepâh-e došmân* они ждали только приказа, чтобы напасть на вражеских воинов
47. *нз уст* петь *bar bid andalib zanad: bâq-e šahriyâr / bar sarv, zandevâf zanad: taxt-e Ardašir* на иве соловей поет: сад Шахрияра / на кипарисе соловей поет: трон Ардашира
48. *нз уст* сравниваться, уподобляться (*кому – bâ*) *bâ pil-e damân bezanam va bâ šir-e žiyân ranje dar afkanam* я бы уподобился разъяренному слону и померился бы силой со свирепым львом
49. *нз уст* делать, выполнять *šab-i ke mâh nabâšad setâregân çe zanand?* / в ночь, когда не появится луна, что будут делать звезды /
50. *нз уст* воевать
51. *нз уст, мат* умножать

II

1. *нз* ударять, бить (*именная компонента – название орудия*) *râ zadan* бить ногой / ногами, *mošt zadan* наносить удар кулаком, *čub zadan* бить палкой, *tir zadan* ранить пулей
2. *нз* наносить (*удар*) (*именная компонента – название удара*) *ordang zadan* пнуть, *sili zadan* дать пощечину / оплеуху, *zahm zadan* ранить
3. *нз* причинять (*вред, физический или моральный; чему – râ*) (*именная компонента – название вреда*) *sarmâ zadan* обмораживать, *zamin zadan* ронять, повалить на землю, *ferib zadan* обманывать
4. *нз* работать (*инструментом; над – râ*), применять (*инструмент по назначению; к – râ*) (*именная компонента – название инструмента*) *bil zadan* копать, *čakoš zadan* бить молотком, *tabar zadan* рубить

5. *нг* воздействовать (периодическими, однообразными движениями вперед и назад с помощью инструмента; на – *ra*) (именная компонента – название инструмента) *mesvåk zadan* чистить зубной щеткой, *jâru zadan* подметать, *sombâde zadan* шкурить, *suhân zadan* обрабатывать напильником, *нг, нг lif zadan* мыть(ся) мочалкой
6. *нг* играть (на музыкальном инструменте) (именная компонента – название инструмента) *gîtâr zadan* играть на гитаре, *šeurur zadan* играть на трубе, *tabl zadan* бить в барабан
7. *нг* чеканить (монеты) (именная компонента – название монет) *sekke zadan* чеканить монеты, *dinâr zadan* чеканить динар
8. *нг разг* нажимать (кнопку) или поворачивать (ключ для включения или выключения аппарата) (именная компонента – название кнопки) *estârt bezan*, *roušan mišavad* нажми старт, включится
9. *нг* трепать, чесать (именная компонента – хлопок) *rambe zadan* чесать хлопок
10. *нг* произносить (протяжный звук) (именная компонента – название звука; действие семельфактивное или мультипликативное) *dâd zadan* кричать о помощи, *havâr zadan* кричать, *na 're zadan* вопить
11. *нг разг* играть (в азартные игры) (именная компонента – название игры) *šatranj zadan* играть в шахматы, *ruker zadan* играть в покер
12. *нг, нг разг* заливать (топливо; в транспортное средство – *ra*, *be*) (именная компонента – название топлива) *mâšin-ra benzin bezan* залей машину бензином, *sad liter gâzuvel zadim* мы залили сто литров газойля
13. *нг нг разг* добавлять (приправу, одну еду в другую; в – *ra*, *be*), приправлять (*ra*, *be*) (именная компонента – название приправы или еды) *felfel zadan* перчить, *patak zadan* солить, *mâst bezan be âš o boxor* добавь маст (напиток из молока) в похлебку и ешь.
14. *нг, нг* наносить (косметические вещества, крем, мази, духи и другие вещества; на поверхность тела – *ra*, *be*) (именная компонента – название наносимого вещества) *puđer zadan* пудриться, *kerem zadan* мазать кремом, *ramâd zadan* красить губы, *alkol zadan* мазать спиртом
15. *нг разг* прикасаться (*к – be*), дотрагиваться (*до – be*) (именная компонента – орган, которым прикасаются) *dast bezan be pišâni-yaš*, *bebin če qadr dâq ast* прислони руку к его лбу, посмотри, какой он горячий

16. *нз разг* надевать (*на – be*) (*именная компонента – надеваемый объект*) *pišiye zadan* надевать вуаль, *eupak zadan* надевать очки

17. *нз* двигать (*конечностями, совершая периодические однообразные движения*) (*именная компонента – название конечности*) *på zadan* работать ногами (*при плавании, езде на велосипеде*), *dast o pã zadan* карабкаться, барахтаться, *par zadan* летать, взмахивать крыльями

18. *нз* покрываться (*прыщами*) (*именная компонента – название прыщей; в роли подлежащего выступает поверхность, которая покрывается прыщами*) *åbele zadan* покрыться волдырями (*при болезни оспой*), *tãval zadan* ‘покрыться волдырями’, *juš zadan* покрыться прыщами

19. *нз* делать (*инъекцию*) (*именная компонента – название укола*) *ãmpul zadan* делать инъекцию, *suzan zadan* делать инъекцию, *serom zadan* делать прививку, вводить вакцину, сыворотку

20. *разг* двигаться (*в определенном направлении*) (*именная компонента – направление*) *bar gaštam savâr-e qãyeq-am šodam va zadam birun* я вернулся, сел в лодку и поплыл наружу

III.

1. глагольная компонента фразеологических комплексов

Список цитируемой литературы

- Апресян, Ю.Д. 1974. Лексическая семантика. М.: Наука.
- Апресян, Ю.Д. 1993-1994. Новый большой англо-русский словарь. Т. I. Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Тт. II-III. Под общим руководством Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык.
- Арендс, А.К. 1941. Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.–Л.
- Аркадьев, П.М. 2004. Двухпадежные системы в индоиранских языках: типологическая перспектива. Рукопись.
- Арманд, Е.Е. 2000. Система словообразовательных превербов в истории персидского языка. Автореф. канд. дис. М.
- Бейлин, Дж. 2002. Краткая история генеративной грамматики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. Изд. второе. М.: УРСС. 32–50.
- Берков, В.П. 1977. Слово в двуязычном словаре. Таллин: «Валгус».
- Бертельс, Е.Э. 1926. Грамматика персидского языка. Л.
- Вахтин, Н.Б. 1987. Синтаксис простого предложения эскимосского языка. Л.: «Наука».
- Вахтин, Н.Б. 1995. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб.: Издательство Европейского Дома.
- Веретенников, А.А. 1993. Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М.
- Веретенников, А.А. 1994. Об одной парадигматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелогог $-ra$) // ВЯ 1994, № 3, 134–139.
- Выдрин А. П. 2004а. Подход к сложным глаголам персидского языка как к инкорпоративным комплексам // VII Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы 12–16 апреля 2004. СПб., 117–118.
- Выдрин А. П. 2004б. Послелог $-ra$ в персидском языке // Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург 24–25 сентября 2004. СПб., 32–35.

Выдрин А. П. 2005а. Система детерминации в персидском языке // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван 21–28 сентября 2005. Материалы лекций и семинаров. М., 114–117.

Выдрин А. П. 2005б. Формальные признаки прямого дополнения в персидском языке // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург 3–5 ноября 2005. СПб., 43–47.

Залеман К.Г., Жуковский В.А. 1890. Краткая грамматика новоперсидского языка. СПб.: Топография императорской академии наук.

Кобозева, И.М. 2000. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС.

Куликов, Л.И. 2002. Типологические заметки об именной инкорпорации в индоевропейском: фризский и санскрит // *Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой*. М.: Изд-во МГУ. 262–274.

ЛЭС. 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. Ярцева, В.Н. (ред.). М.

Маслов, Ю. С. 1948. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. № 4.

Мельчук, И. А. 1998. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. М. – Вена: «Языки русской культуры».

Мельчук, И. А. 2001. Курс общей морфологии. Том IV. Часть пятая: Морфологические знаки. М. – Вена: «Языки славянской культуры».

Муравьева, И. А. 1994. О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // *ЗНАК: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина*. М.: Русский ученый центр МС. 191-202.

Муравьева, И. А. 2004. Типология инкорпорации. Док. дис. М.

Муравьева, И.А. (рукопись). О трактовке неоформленного имени в тюркских языках.

Овчинникова, И. К. 1951. Синтаксическое использование персидского послелого «ра» в его истории (к вопросу выражения падежных отношений в новоперсидском языке). Автореф. канд. дис. М.

Овчинникова, И.К. 1956. Функция послелого «ра» в современном литературном персидском языке // *Труды Института языкознания АН СССР*. Том 6, 356-392. М.

Овчинникова, И.К. 1956b. Использование послелого «ра» в произведениях таджикских и персидских классических авторов (XI-XV вв.) // *Труды Института языкознания АН СССР*. Том 6, 392-409. М.

Островский, Б.Я. 1981. Многообъектные глаголы разговорного кабули // *Иранское языкознание. Ежегодник 1980*. М.: «Наука», 157-162.

Островский, Б.Я. 2004. Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М.: «Гуманитарий».

Падучева, Е.В. 1985. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: «Наука».

Падучева Е.В., Розина Р.И. 1993. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-семантические свойства // *ВЯ*, 6. М.: «Наука», 5–17.

Пейсигов, Л.С. 1959. Вопросы синтаксиса персидского языка. М.:Изд. Института международных отношений.

Пейсигов, Л.С. 1960. Тегеранский диалект. М.

Пейсигов, Л.С. 1975. Лексикология современного персидского языка. М.: Изд. Московского университета.

Плунгян, В.А. 2000. Общая морфология. Введение в проблематику. М.

Полинская, М.С. 1991. Инкорпорированное слово в чукотском языке // *Морфема и проблемы типологии*. М.: «Наука», 357–386.

Расторгуева, В.С (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий. М.: «Наука». 1975.

Расторгуева, В.С. (ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.: «Наука». 1982.

Розина, Р.И. 1995. Объект, средство и цель в семантике глаголов полного охвата // *ВЯ*, 5. М.: «Наука», 56–67.

Рубинчик, Ю.А. 1981. Основы фразеологии персидского языка. М.

Рубинчик, Ю.А. (ред.). 1983. Персидско-русский словарь. 2 тома. М.

Рубинчик, Ю.А. 2001. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН.

Салихов, М. 1993. Префиксальные глаголы в «Истории Бейхаки». Автореф. канд. дис. СПб.

Сахокия, М.М. 2002. Вопросы морфосинтаксиса персидского языка: типология грамматических значений // Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 240–241.

Сепир, Э. 1993. Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев // *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М, 355–386

Смирницкий, А.И. 1952. К вопросу о слове: проблема «отдельности» слова // В.В. Виноградов (ред.) *Вопросы теории и истории языка...* М.: Изд-во АН, 182–203.

Смирнова, И.А. 1974. Формы числа имени в иранских языках. Л.

Татевосов, С.Г. 2005. Акциональность: типология и теория // *ВЯ*, 1, 108–141.

Теля, В.Н. 1990. Фразеологизм. Фразеология // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 559–561

Теля, В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.

Тестелец, Я.Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: Издательский центр РГГУ.

Томсон, А.И. 1928. Об употреблении частицы *ra* в винительном падеже в персидском языке // *Доклады Акад. Наук СССР*, сер. Б, 11 (1928), 227—232.

Храковский, В.С (ред.). 1989. Типология итеративных конструкций. Л.

Эдельман, Д.И. 1963. О единой научной транскрипции для иранских языков. М.–Л.

Ahadi, Sahram. 2000a. Nominalinkorporation im Persischen // *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*. Heft 4. Göttingen: Preust & Gutschmidt Verlag. pp. 7–35.

Ahadi, Sahram. 2000b. Verberganzungen und zusammengesetzte Verben im Persischen. Eine valenztheoretische Analyse. Ph.D. thesis. University of Bamberg, Germany.

Aissen, Judith. 2003. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 21 (2003), No. 3, pp. 435–483.

Baker, Mark C. 1988. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: University of Chicago Press.

Barjasteh, Darab. 1983. Morphology, Syntax, and Semantics of Persian Compound Verbs: A Lexical Approach. Ph.D. thesis, University of Illinois.

Bashiri, Iraj. 1981. Persian Syntax. Minneapolis: Burgess Publishing Company.

Blake, B.J. 1994. Case. Cambridge: Cambridge University Press.

Bosson, Georg. 1985. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr. (Ars Linguistica, 14).

Compes, Isabel / Otto, Barbara. 1994. Nicht-morphologische Nominalinkorporation – etwas ganz anderes? Institut für Sprachwissenschaft der Universität Köln, *Arbeitspapier* Nr. 18 (Neue Folge).

Comrie, Bernard. 1975. Subjects and Direct Objects in Uralic Languages : A Functional Explanation of Case-Marking Systems // *Études Finno-Ougriennes*, t. XII, 1975, pp.5–17.

Comrie, Bernard. 1979. Definite and Animate Direct Objects: A Natural Class // *Linguistica Silesiana*, t. 3, 1979, pp. 13–21.

Comrie, Bernard. 1980. Agreement, Animacy, and Voice // G. Brettschneider and C. Lehmann (eds.), *Wege Zur Universalienforschung: Sprachwissenschaftliche Beiträge zum 60. Geburtstag von Hansjakob Seiler*. Tübingen: Gunter Narr. pp. 229–234.

Comrie, Bernard. 1986. Markedness, Grammar, People, and the World // F. Eckman, E. Moravcsik and J. Wirth (eds.). *Markedness*. New York: Plenum Press. pp. 85–106.

Comrie, Bernard. 1989. Language Universals and Linguistic Typology. 2nd Edition. Chicago: University of Chicago Press.

Croft, William. 1988. Agreement vs. Case Marking and Direct Objects // M. Barlow and C. Ferguson (eds.). *Agreement in Natural Language: Approaches, Theories, Descriptions*, CSLI, Stanford, CA, pp. 159–179.

Dabir-Moghaddam Mohammad. 1990. Pirâmun-e –râ dar zabân-e fârsi (On postposition –râ in Persian) // *Majâlle-ye zabânšenâsi (Iranian Journal of Linguistics)*, 7(1), Spring/Summer, pp. 2-60.

Dabir-Moghaddam, Mohammad. 1992. On the (in)dependence of syntax and pragmatics: Evidence from the postposition –ra in Persian. // D. Stein (ed.). Cooperating with written texts: The Pragmatics and Comprehension of Written Texts. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 549–573.

Dabir-Moghaddam, Mohammad. 1995. Fe’l-e morakkab dar zabân-e fârsi (Compound Verbs in Persian) // *Majâlle-ye zabânšenâsi (Iranian Journal of Linguistics)*, 12 (1&2), pp. 2–46.

- Dabir-Moghaddam, Mohammad. 1997. Compound Verbs in Persian // *Studies in the Linguistic Sciences* 27, 2, pp. 25–59.
- De Reuse, W.J. Noun Incorporation // Brown, Keith ; and Jim Miller (eds.) *Concise Encyclopedia of grammatical categories*, 252–258. 1999. Amsterdam, ect. : Elsevier.
- Erteschik-Shir, N. 1993. The dynamics of focus structure. Ms., Ben Gurion University.
- Hagège, Claude. 1977. Incorporation nominal et suffixation lexicale: essai de typologie et cas particulier du comox (langue americandienne de Colombie Britannique) // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 72, 1, pp. 319–340.
- Heig, Geoffrey. 2002. Noun-plus-verb complex predicates in Kurmanjî Kurdish: Argument sharing, argument incorporation, or what? // *Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF)*, Berlin 55 (2002) 1, pp. 15–48.
- Heim, Irene. 1982. The semantics of definite and indefinite noun phrases. Ph.D. dissertation, University of Massachussetts, Amherst.
- Hopper, Paul J., And Thompson, Sandra A. 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, vol. 56, 2, pp. 251-299.
- Gâzorâni, Maniže. 1996. Tarkibât-e fe'li dar farhanghâ-ye omumi-ye yek zabâne-ye fârsi (Verb Combinations in General Monolingual Persian Dictionaries) // *Iranian Journal of Linguistics* Vol.13, No 1 & 2, pp. 50–69.
- Ghomeshi, Jila and Massam, Diane. 1994. Lexical / Syntactic Relations Without Projection // *Linguistic Analysis*, 24, pp. 175–217.
- Ghomeshi, Jila. 1997. Topics in Persian VPs // *Lingua* 102, pp. 133–167.
- Ghomeshi, Jila. 2003. Plural marking, indefiniteness, and the noun phrase // *A Journal of General Linguistics*, vol. 57,2, pp. 47–75.
- Goldberg, Adel. 1995. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, IL: Chicago University Press.
- Goldberg, Adel (in print). Words by Default: the Persian Complex Predicate Construction // Elaine Francis and laura Michaelis (eds.) *Mismatch: Form-Function Incongruity and the Architecture of Grammar*. CSLI Publications. pp. 83–112.
- Karimi, Simin. 1989. Aspects of Persian syntax, specificity, and the theory of grammar. Ph.D. dissertation, University of Washington.

Karimi, Simin. 1990. Obliqueness, specificity, and discourse functions: Râ in Persian // *Linguistic analysis* 20, pp. 139–191.

Karimi, Simin. 1991. Naqdi bar moqâle-ye “Pirâmun-e –râ dar zabân-e fârsi” (A critique of About ‘Râ’ in Persian) // *Majâlle-ye zabânšenâsi*, 18 (1&2), pp. 23–41.

Karimi, Simin. 1994. Word Order Variations in Contemporary Spoken Persian // Marashi, M. (ed.). *Persian Studies in North America: Studies in Honor of Mohammad Ali Jazayery*. Bethesda, MD: Iranbooks, 1994.

Karimi, Simin. 1997. Persian Complex Verbs: Idiomatic or Compositional? // *Lexicology*, 3, 1, pp. 273–318.

Karimi-Doostan, Mohamad-Reza. 1997. Light Verb Constructions in Persian. Phd thesis. University of Essex, UK.

Khanlari, Parviz. 1349 / 1971. Tarix-e zabân-e fârsi. Baxš-i az jeld-e dovvom. Sâxtemân-e fe’l. (История персидского языка. Часть из второго тома. Структура глагола.). Tehran.

Khanlari, Parviz. 1986. Tarix-e zabân-e fârsi (История персидского языка), 3vol., Tehran.

Kroeber, Alfred L. Noun Incorporation in American languages // *Verhandlungen des XVI. Internationalen Amerikanisten-Kongress*. 1909, pp.569–576. Vienna / Leipzig : A. Hartlenben.

Kroeber, Alfred L. Incorporation as a linguistic process // *American Anthropologist*. Vol.13, pp.577–584. 1911.

Lambtom, Ann K. S. 1984 (1953). *Persian grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lazard, G. 1966. L’enclitique nominal –i en persan // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 61, pp. 249–264.

Lazard, G. 1982. Le morphème râ en persan et les relations actanciennes // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 77, pp. 177–207.

Lazard, G. 1984. Actance Variations and Categories of the Object // F. Plank (ed.). *Objects: Towards a Theory of Grammatical Relations*. London: Academic Press. pp. 269–292.

Lazard, G. 1994. *L’actance*. Paris : Presses Universitaires de France.

Lazard, G. 2001a. Le morphème râ en persan et les relations actanciennes // *Etudes de linguistique générale: Typologie grammaticale*. Peeters: Leuven-Paris.

Lotfabbadi, Leyla Naseh. 2002. Disagreement in Agreement: A study of grammatical aspects of codeswitching in Swedish / Persian bilingual speech. Doctoral dissertation. Stockholm University, Department of Linguistics: Akademityck AB, Edsbruk

Malchukov, Andrej. 2005. Split intransitives, experiencer objects and 'transimpersonal' constructions: (re-)establishing the connection // Typology of Argument Structure, PIONIER Workshop, Nijmegen, May 9, 2005.

Megerdoomian, Karine. 2002. Beyond words and phrases: a unified theory of predicate composition // www.members.cox.net/karinem/dissert.html

Miner, K.L. 1986. Noun stripping and loose incorporation in Zuni // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 52, 3, 242–254.

Mithun, Marianne. 1984. The evolution of noun incorporation // *Language*, vol.60, 4, 1984, pp. 847-894.

Mithun, Marianne. 1986. On the nature of noun incorporation // *Language*, vol.62, 1, 1986, pp. 32-37.

Mithun, Marianne. 2001. *The Languages of Native North America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mohammad, Jan and Karimi, Simin. 1992. Light verbs are taken over: Complex verbs in Persian // Nevis, J. and Samiian, V (ed.). *Proceedings of the Western Conference on Linguistics: Departments of Linguistics, Californian State University, Fresno*, pp. 195-212.

Moyne, John A. 1970. The structure of verbal constructions in Persian. Harvard University, Ph.D. dissertation

Nedergaard, Thomsen and Herslund, Michael. Complex Predicates and Incorporation – An introduction // Nedergaard, Thomsen and Herslund, Michael (eds.) *Travaux du cercle linguistique de Copenhague*. Vol.XXXII: Complex Predicates and Incorporation a functional perspective. Copenhagen 2002: C.A. Reitzel, pp. 7–47.

Peterson, D. 1974. Noun phrase specificity. Ph.D. dissertation, University of Michigan.

Rosen, S. 1989. Two types of noun incorporation: a lexical analysis // *Language* 65, 2, pp. 294–317.

Sadock, J. M. Noun Incorporation in Greenlandic: A Case of Syntactic Word Formation // *Language*. 1980. vol.56 № 2.

Sadeghi, Ali-Ashraf. 1970. Tahavvol-e af'âl-e bi qâ'ede-ye zabân-e fârsi (The development of irregular verbs in Persian) // *Journal of the Faculty of Literature and Humanities of Mashhad* 6.4, 791–801.

Sadeghi, Ali-Ashraf. 1993. Dar bâre-ye fe'lhâ-ye ja'li dar zabân-e fârsi (On denominative verbs in Persian) // *Proceedings of the zabân-e fârsi va zabân-e elm (The Persian language and the Language of Science) seminar*. Tehran: Iran University Press, 236–246.

Sasse, Hans-Jürgen. 2002. Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state? // *Linguistic Typology* 6 (2002), 199–271

Sharifi, Hassan. 1975. Persian verbs. Chafean analysis // Frances Ingemann (ed.) *Mid-America Linguistics Conference Papers*, 459–468.

Sheik, Habib & Sharifi, Hassan. 1975. The semantic structure of the Persian verb /gereftan/ ,to take' // Frances Ingemann (ed.) *Mid-America Linguistics Conference Papers*, 469–476.

Sheintuch, Gloria. 1976. Periphrastic Verb Formation in Persian: A dynamic process // Christie, William M. (ed.). *Current Progress in historical Linguistics*. Amsterdam: North-Holland Publishing, pp. 137–146.

Silverstein, Michael. 1976. Hierarchy of Features and Ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. pp. 112–171.

Silverstein, Michael. 1981. Case Marking and the Nature of Language // *Australian Journal of Linguistics* 1, pp. 227–244.

Soxan. Farhang-e bozorg-e soxan. Be sarparasti-ye Hasan Anvari. 8 jeld. Tehrân, 1381 / 2002–2003. (Большой словарь Сухан. Хасан Анвари (ред). 8 томов. Тегеран, 1381 / 2002–2003.)

Tabaian, Hessam. 1979. Persian compound verbs // *Lingua* 47, 189–208.

Tomaschek, W. 1880. *Centralasiatische Studien. II. Die Pamir Dialekte*. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Phil-Hist. C I. B. 96. Wien. 1880.

Vahedi-Langrudi, Mohammad-Mehdi. 1996. *The Syntax, Semantics and Argument Structure of Complex Predicates in Modern Farsi*. Ph.D. thesis, University of Ottawa, Canada.

Vendler, Z. 1957. Verbs and times // *The philosophical review*. № 66. 1957.

Vendler, Z. 1967. *Linguistics in philosophy*. Cornell, 1967.

Windfuhr, G.L. 1979. *Persian grammar: History and state of its study*. The Hague: Mouton.

Windfuhr, G.L. 1987. Persian. // *B. Comrie (ed.). The world's major languages*. London: Croom Helm.

Woodbury, Hanni. 1975. Onondaga noun incorporation: some notes on the interdependence of syntax and semantics // *IJAL* 41.

Условные сокращения

| | |
|----------|---|
| АКК | аккузатив |
| Г | группа |
| ГЛ | глагол |
| ЕД | единственное число |
| ИЗФ | изафет |
| ИМП | императив |
| ИМПФ | имперфект |
| ИНФ | инфинитив |
| КОН | конъюнктив |
| МН | множественное число |
| НД | непрямое дополнение |
| НР | показатель неопределенной референтности |
| НАСТ | настоящее |
| ОНВ | основа настоящего времени |
| ПЕРФ | перфект |
| ПД | прямое дополнение |
| ППЕРФ | плюсквамперфект |
| ПРЕД | предикат |
| ПРЕДЛ | предлог |
| ПРОШ | прошедшее |
| СГ | сложный глагол |
| УСЕЧ.ИНФ | усеченный инфинитив |
| ЭМ | энклитическое местоимение |

| | |
|-------------------|--|
| N | имя |
| NP | noun phrase, именная группа |
| NP _{Inc} | именная группа, инкорпорированная в глагольную |
| NV | глагольно-именной комплекс, представляющий собой инкорпорацию |
| V | глагол |
| VP | verb phrase, глагольная группа |
| 1 | первое лицо |
| 2 | второе лицо |
| 3 | третье лицо |
| * | предложение неправильно |
| ? | предложение представляется носителю языка странным, но приемлемым |
| # | предложение очень сомнительно и может иметь место только в специальном контексте |